

УСЯТСКАЯ РОССЫПЬ

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №7 Май 2010 года

Номер выпущен при финансовой поддержке дирекции ООО «Колхоз имени Ильича» Беловского района и отдельных авторов публикуемых материалов.

Анна АХМАТОВА

Мужество

Мы знаем, что ныне
лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил
на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями
мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя,
русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым
тебя пронесем,
И внукам дадим,
и от плена спасем
Навеки!

Фотограф Людмила ТИМОШЕНКО.

С праздником Великой Победы!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 1 - Поэты войны: Илья Эренбург, Александр Твардовский, Константин Симонов – стихи – стр. 2 – 3;
- 2 - Валерий и Александр Ларины (г. Новокузнецк): «Осколки Великой войны», проза и стихи – стр. 4 – 5;
- 3 - Григорий Афанасьев (г. Калтан) – стихи – стр. 6;
- 4 - Григорий Бутилин (г. Киселёвск) – стихи – стр. 7;
- 5 - Людмила Лукьянцева (г. Новокузнецк), «Гармония слова», стихи – стр. 8 – 9;
- 6 - «Сердцем прикоснись к подвигу» - «Гармония слова»: Людмилы Лукьянцевой, Владимира Можайского, Светланы Матяш, Любви Новиковой, Тамары Тиуновой, Галины Носовой, Натальи Палаткиной, Татьяны Цыганковой, Леонида Пепенина, Людмилы Иноземцевой, Николая Максимова – стр. 10 – 11;
- 7 - Любовь Дидух (г. Лесосибирск): «Позвольте стать вам другом», стихи – стр. 11;
- 8 - Людмила Танкова (г. Новокузнецк): «Пора сенокосная», «Тяжёлые медали детей войны», проза и стихи – стр. 12 – 15, 44 – 46;
- 9 - Владимир Неунухин (г. Новокузнецк): «Две пули», «Блокада. Голод. Голубь», «Забывать не в силах», проза, - стр. 16 – 18;
- 10 - Ольга Берлякова (г. Новокузнецк): «Две судьбы», проза – стр. 19;
- 11 - Геннадий Морозов (г. Новокузнецк): «Слово о земле Кузнецкой», стихи – стр. 20;
- 12 - Ольга Беккулиева (г. Таштагол), стихи – стр. 21;
- 13 - Наталья Еремеева (г. Новокузнецк): «Твой солдат, Родина», проза – стр. 22 – 24;
- 14 - Геннадий Соловьёв (г. Белово): «А вернулись только двое...», проза – стр. 25;
- 15 - Анатолий Гуляев (г. Прокопьевск): «Кому позор, кому бесславию, а кому бессмертию?», «Комбат», «Чьё имя носишь, Прокопьевск?» - проза – стр. 26 – 34;
- 16 - «Памяти товарища» (о прокопьевском поэте Викторе Савинкове): Анатолий Гуляев, Иосиф Куралов, Виктор Давыдов, Людмила Лукьянова – стр. 35;
- 17 - Аделья Мачкова (г. Новокузнецк): Стихи для детей, «Любовь с первого взгляда» (прозаическая литзарисовка) – стр. 36 – 37;
- 18 - Клуб любителей фантастики «Контакт» (КЛФ) (г. Новокузнецк) – Николай Калашников, Дарья Оршанская «Загадка улыбки», Сергей Бузин «Пассажир из прошлого», Алла Можженская «Как отец Агафанген писал стихи», Сергей Загнухин «Три желаньца», Анна Чернышева «Память металла», Александра Порошина «Приворот» - стр. 38 – 43;
- 19 - Татьяна Эмих (г. Новокузнецк): «Когда звёзды улыбаются», проза – стр. 47;
- 20 - Дамир Ибрагимов (г. Новокузнецк), стихи – стр. 48 – 49;
- 21 - Вячеслав Елатов (г. Прокопьевск) «Шестидесятник» Шолохов - стр. 50 – 51;
- 22 - Юрий Гамов (г. Новокузнецк), стихи – стр. 51;
- 23 - Надежда Чимбарова (Беловский р-н), стихи – стр. 52;
- 24 - Зоя Гулишевская (г. Белово): «Герой и сын героя», проза – стр. 53;
- 25 - Анатолий Головащенко (Беловский р-н): «На своей земле хозяин», стихи, - стр. 53;
- 26 - Татьяна Сёмина: «ООО «Колхоз имени Ильича» Беловского района – стр. 54 – 56.

Редакция «ЛХГА «Усятская Россыпь» выражает слова искренней признательности за оказанную финансовую помощь в выпуске данного номера Альманаха:

- Генеральному директору ООО «Колхоз имени Ильича» Беловского района Кемеровской области – Виктору Петровичу ЛОБАНОВУ;
- Руководителю литературного клуба «Гармония слова», города Новокузнецка – Людмиле Андреевне ЛУКЪЯНЦЕВОЙ; автору - Геннадию МОРОЗОВУ.

Литературно-художественную газету Альманах «Усятская россыпь» можно приобрести в торговых точках Кузбасспечати городов Прокопьевска и Киселёвска, литературных объединениях городов: Новокузнецка (м.т: 8 913 327 8398; 8 923 467 0550); Прокопьевска (м.т: 8 906 987 1955); Киселёвска (м.т: 8 950 267 0730; 8 923 467 9886); Белово (м.т: 8 950 274 7692); Междуреченска (м.т: 8 923 467 7566); Осинники (м.т: 8 923 467 5775); Таштагола (м.т: 8 905 075 0422; 8 9609016550; 8 909 519 9869). С содержанием выпусков Альманаха можно ознакомиться в городских библиотеках городов Киселёвска, Прокопьевска (в том числе, в библиотеке школы 25).

За пределы Кемеровской области «Альманах...» может быть доставлен по каналам почтовой связи РФ, при условии предоплаты стоимости запрашиваемого объёма печатной продукции и почтовых расходов на расчётный счёт редакции:

р/с 4070 281 002 621 010 2548; ИНН/КПП 4223 044 383/4223 01 001; ОГРН 106 4223 028 572 от 27.12.2006 г.; БИК 045 004 641

Банк: Сибирский банк Сбербанка РФ., г. Новосибирск.

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Учредитель и издатель: ООО «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н., Т. 8-906-987-19-55.

Над номером работали: Гуляев А.Н., Головачёв О.В., Танкова Л.А., Гулишевская З.Н.

Корректора: Еськовой И.Е.

Адрес редакции: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56.

Телефон для связи: 8-913-327-82-98.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: г. Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Объём 14,0 п.л., Заказ , Тираж 1000.

Цена договорная.

Поэты войны

*Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.
Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за Родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне своей?
Да что же останется в жизни моей?*

М. Джалиль.

Говорят, что, когда грохочут пушки, молчат музы. Но от первого до последнего дня войны не умолкал голос поэтов. И пушечная канонада не могла заглушить его. Никогда к голосу поэтов так чутко не прислушивались читатели. Известный английский журналист Александр Верт, который почти всю войну провел в Советском Союзе, в книге «Россия в войне 1941—1945 гг.» свидетельствовал: «Россия также, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей, и таких поэтов, как Симонов и Сурков, читал во время войны буквально каждый».

Говорят, что первой жертвой на войне становится правда. Когда к одному из юбилов Победы надумали выпустить солидным томом сводки Совинформбюро, то, перечитав их, от этой заманчивой идеи отказались — очень уж многое требовало существующих уточнений, исправлений, опровержений. Но все не так просто. Действительно, власти правды боялись, старались неприглядную правду припудрить, поддурманить, замолчать (о сдаче врагу некоторых крупных городов, например, Киева, Совинформбюро вообще не сообщало), но правды жаждал воюющий народ, она была ему нужна как воздух, как нравственная опора, как духовный источник сопротивления. Для того, чтобы выстоять, необходимо было прежде всего осознать подлинный масштаб нависшей над страной опасности. Такими неожиданными, тяжелыми поражениями началась война, на таком краю, в двух шагах от пропасти, страна оказалась, что выбраться можно было, только прямо глядя жестокой правде в глаза, до конца осознав всю меру ответственности каждого за исход войны.

Потрясения войны родили целое поколение молодых поэтов, которое потом назвали фронтовым, имена их теперь широко известны: Сергей Наровчатов, Михаил Луконин, Михаил Лёвов, Александр Межиров, Юлия Друнина, Сергей Орлов, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Евгений Винокуров, Константин Ваншенкин, Григорий Поженян, Булат Окуджава, Николай Панченко, Анна Ахматова, Муса Джалиль, Петрусь Бровка и многие другие. Стихи, созданные в годы войны, отмечены знаком суровой правды жизни, правды человеческих чувств и переживаний. В них порой даже резких, даже зовущих к мщению насильникам и обидчикам, властно звучит гуманистическое начало. Все виды поэтического оружия: и пламенная призывная публицистика, и задумчивая лирика солдатского сердца, и едкая сатира, и большие формы лирической и лирико-эпической поэмы — нашли свое выражение в коллективном опыте военных лет.

Муса Джалиль, в 1942 году тяжело раненный, был взят в плен, заключен в концлагерь, где организовал подпольную группу, устраивал побег советских военнопленных. Он писал стихи, которые заучивались устами в плену, передавались из уст в уста. За участие в подпольной организации казнён в военной тюрьме Плетцензее. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (1956 г.). Стихи 1941 г. полны оптимизма, веры в победу над фашизмом: «Из госпиталя», «Перед атакой», «Письмо из окопа» и др. Че-

рез бельгийского партизана, заключённого в тюрьме Моабит, Джалиль передал на волю блокнот со стихами: «Мои песни», «Не верь», «После войны» и др. Более ста стихотворных произведений — свидетели борьбы, страданий и мужества поэта. За цикл стихов «Моабитская тетрадь» Джалиль посмертно присуждена Ленинская премия (1957 г.). В 1968 году о Джалиле был создан фильм «Моабитская тетрадь».

Лирическая поэзия, самый чуткий сейсмограф душевного состояния общества, сразу же обнаружила эту жгучую потребность в правде, без которой невозможно, немислимо чувство ответственности. Вдумаясь в смысл не стертых даже от многократного цитирования строк «Василия Теркина» Твардовского, они направлены против утешающе-успокаивающей лжи, обезоруживающей людей, внушая им ложные надежды. Тогда эта внутренняя полемика воспринималась особенно остро, была вызывающе злободневной:

*А всего иного пуше
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горька.*

Поэзия (разумеется, лучшие вещи) немало сделала для того, чтобы в грозных, катастрофических обстоятельствах пробудить у людей чувство ответственности, понимание того, что от них, от каждого, именно от него — ни от кого другого, ни на кого нельзя переложить ответственность — зависит судьба народа и страны.

Стихи Симонова, Суркова, Исаковского учили воевать, преодолевать военные и тыловые тяготы: страх, смерть, голод, разруху. Более того, они помогали не только воевать, но и жить. Именно в суровую военную пору, точнее, в самые тяжелые первые месяцы военной страды созданы почти все поэтические шедевры Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Жди меня, и я вернусь», «Если бы нас своим могуществом», «Майор привез мальчишку на лафете». Человек, поставленный в исключительные обстоятельства, подвергающийся самым жестоким испытаниям, заново узнавал мир, и от этого сам становился иным: сложнее, мужественнее, богаче социальными эмоциями, зорче и точнее в оценках, как движения истории, так и собственной личности. Война изменила людей. Они теперь иначе смотрят и на мир, и на себя. «Я — другой», «Я не тот, не тот, каким был в Москве до войны», — так утверждает в стихах К. Симонова («Встреча на чужбине») 1945 года.

Непривычная шинель, горечь расставаний, материнские слезы, а затем и первые смерти, и «бомбежка весь день» — все это вместе взятое завершается фразой, в которой звучит удивление и отказ от иллюзий, и ирония, и, прежде всего, зрелость, спокойно-мужественное понимание истины:

*«Да война такая, какой мы писали ее —
Это горькая истина»...*

Мужество и любовь нераздельны в сердце солдата, и, наверно, поэтому стихи военных лет производят впечатление особой цельности и гармоничности. Перед нами разворачивается единый характер, и это характер именно того человека, который выстоял в первых боях с фашизмом, а потом разгромил врага. В одном чеховском рассказе говорится, что «от печальной песни потянуло свободной жизнью». Так и от грустно-раздельной «Землянки» веет силой, негасимой любовью к женщине, к жизни, к родной земле. Как будто в лютый мороз первой военной зимы

послышалось дыхание еще далекой, но неизбежной весны!

«Жди меня, и я вернусь всем смертям назло...» — стихотворение К. Симонова призывало вопреки всему — надеяться и ждать! А фронтовику верить в то, что дома его очень ждут. Эта вера во многом будет питать его мужество и стойкость. Произведение брало за живое убежденностью в неотвратимости встречи людей, тянущихся друг к другу. Феномен «Жди меня», вырезаемого, перепечатаваемого и переписываемого, посылаемого с фронта домой и из тыла — на фронт, феномен стихотворения, написанного в августе 1941-го на чужой даче в Переделкино, адресованного вполне конкретной, земной, но в эту минуту — далекой женщине, выходит за рамки поэзии. «Жди меня» — молитва атеиста, заговариванье судьбы, хрупкий мост между жизнью и смертью, и оно же — опора этого моста. В нем предсказано, что война будет долгой и жестокой, и угадано, что человек — сильнее войны. Если любит, если верит.

Стихотворение «В прифронтовом лесу» М. Исаковского выделяется редкостной жизнерадостностью, хотя напоминание о мирных днях и усугубляло драматизм существовавшего положения, и поэт не скрывал: десятки тысяч людей ежедневно шли сознательно и осмысленно на смерть. В богатейшей поэзии военных лет никто, пожалуй, с такой предельной откровенностью не заявлял о том, что жлет тех, кто слушает в эту минуту вальс в прифронтовом лесу. Неудивительно, что большинство бытовавших в окопах песен, рожденных войной, таких, как «Синий платочек», «Темная ночь», «Бьется в тесной печурке огонь», «В лесу прифронтовом», «Огонек», были сугубо лирическими. Эти песни отогревали солдатское сердце, продорогшее на холодном ветру суровой военной жизни.

Илья Эренбург

Илья Григорьевич Эренбург родился в Киеве 14 января 1891 г., в зажиточной еврейской семье, а детство провел в Москве (в 1895 г. семья переехала в Москву), где Эренбург учился в Первой московской гимназии.

Первые стихи Эренбург опубликовал в 1910 г., хотя сочинять начал намного раньше. В 1911 г. вышел его первый сборник стихов «Я живу».

Когда началась Первая мировая война, Эренбург работает военным корреспондентом московских и петроградских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости».

С 1921 г. начинается творческая деятельность И. Эренбурга-романтиста. Он пишет «Необычайные приключения Хулио Хуренито...», произведение, выдержавшее множество изданий на разных языках. В 20-30-е гг. Илья Эренбург становится одним из самых читаемых и популярных писателей не только на родине, но и за рубежом. Статус советского журналиста делает его из частного лица официальным представителем писателей, ставших на сторону Советской власти.

С началом Великой Отечественной войны становится постоянным корреспондентом газеты «Красная звезда». Эренбург чувствовал, что советские люди не понимают, с каким противником имеют дело. «У наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой». Бойцы считали, что «солдат противника пригнали к нам капиталисты и помещики, что если рассказать немецким крестьянам и рабочим правду, то они сбросают оружие». Эренбург поставил себе задачу развеять эти мифы, научить ненавидеть врага. В газете печатались его пла-

менные статьи — обращения к солдатам, написанные в духе французского революционного памфлета. С первого же дня Великой Отечественной войны началась активная деятельность Эренбурга-публициста. Статьи военных лет вошли в три тома под общим заглавием «Война».

После окончания войны Эренбург присутствует на Нюрнбергском процессе.

Илья Эренбург умер в Москве 31 августа 1967 г.

Александр Твардовский

Александр Трифонович Твардовский родился на хуторе Загорье Смоленской области, в семье кузнеца. Отец Твардовского был раскулачен и сослан. С 14 лет принимает активное участие в общественной жизни деревни, становится селькором, посылает в смоленские газеты и журналы («Смоленская деревня», «Западная область» и др.) заметки о субботниках, о злоупотреблениях местных властей. С 1925 г. в печати появляются первые стихи поэта («Новая изба») и др. В 1928 г. Твардовский переезжает в Смоленск, работает там корреспондентом местных газет, не порывая связей с деревней.

В 1939–1940 гг. Твардовский служил в армии в качестве военного журналиста, участвовал в походе на Польшу и в финской кампании. В предвоенные годы вышло несколько сборников стихотворений Твардовского: «Про дела Данилу», «Загорье» и др. В годы войны отличительной чертой лирики поэта является публицистичность («Возмездие», «Я убит подо Ржевом» и др.). Вершиной поэтического наследия Александра Твардовского стала поэма «Василий Теркин» (1941–1945 гг.). С 1941 г. Твардовский начал работать над поэмой Василий Теркин, которой дал подзаголовок «Книга про бойца». Первые главы были напечатаны в сентябре 1942 в газете «Красноармейская правда», в том же году ранний вариант поэмы вышел отдельной книгой. Окончательный вариант был завершён в 1945 г.

В поэме «просто парень сам собой» Василий Теркин стал главным героем народной войны. Как и всем героям мирового эпоса, ему даровано бессмертие (не случайно в поэме 1954 г. «Теркин на том свете» он попадает в загробный мир, напоминая своей мертвечиной советскую действительность) и одновременно — живой оптимизм, делающий его олицетворением народного духа. Поэма имела огромный успех у читателей. Василий Теркин стал фольклорным персонажем, по поводу чего Твардовский заметил: «Откуда пришел — туда и уходит». Книга получила и официальное признание (Государственная премия, 1946 г.), и высокую оценку современников.

Вскоре после войны Твардовский пишет поэму-воспоминание «Дом у дороги», начатую в 1942 г. Крупнейшие послевоенные произведения поэта — «За далью — даль» (1950–1960 гг.), «Теркин на том свете» (1954–1963 гг.), «По праву памяти» (1966–1969 гг.). В 1950–1954 гг. А. Твардовский — главный редактор «Нового мира». 11 августа 1954 г. был снят с этого поста. В резолюции Президиума правления Союза писателей отмечены в качестве причины снятия — позиции редакции, «противоречащие указаниям партии, содержащимся в ее решениях... о журналах «Звезда» и «Ленинград». С 1958 по 1970 гг. Твардовский — главный редактор «Нового мира». В 1970 г. опять был снят с этой должности. Это обострило тяжелую душевную ситуацию, в которой он находился, будучи, с одной стороны, крупной фигурой в партийно-советской иерархии, а с другой — «неофициальным оппозиционером». Несмотря на официальное признание поэмы «За далью — даль» (1950–1960 гг., Ленинская премия, 1961 г.), поэмы Твардовского «По праву памяти» и «Теркин на том свете» не были опубликованы. Умер Твардовский в Красной Пахре близ Москвы 18 декабря 1971 г.

Константин Симонов

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович родился 28 ноября 1915 в Петрограде. Русский писатель, общественный деятель, Герой Социалистического Труда (1974). Поэмы, сборники гражданской лирики («С тобой и без тебя», 1942; «Друзья и враги», 1948). Эпическое изображение Великой Отечественной войны, социально-нравственные конфликты в повести «Дни и ночи» (1943-44); романе-трилогии «Живые и мёртвые» (1959-71; Ленинская премия, 1974), цикле повестей «Из записок Лопатина» (1957-78). Дневники военных лет; «Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине» (опубликованы в 1988-м). Пьесы, в том числе «Парень из нашего города» (1941), «Четвёртый» (1961). Публицистика. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952-56. Главный редактор журнала «Новый мир» (1946-50, 1954-58), «Литературной газеты» (1938; 1950-54). Государственная премия СССР (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950).

Родина

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке.
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты извездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной,
в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

***
Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Генерал

Памяти Мате Залки.

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаевшись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвою шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвою
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был -
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять?

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был - над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился - он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвою шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвою
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

***
Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в рай тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,-

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шею рук.

Взял бы в рай с собой всё опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Всё, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивлённо меня кланя,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.

***
Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад

С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку наматывал;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Взял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, — так ее любил, —
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родины мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Валерий ЛАРИН

Осколки Великой войны

Золотом пишет «Победа!» Россия,
Кровью, что лили Отчизны сыны...
Будем крепки, чтобы злая стихия
Не заслонила мир горем войны!

Я, Валерий Иванович Ларин, 1936 года рождения, воздушный стрелок-радист, летавший на бомбардировщике ИЛ-28, кандидат технических наук, ветеран труда, трудился ведущим инженером по горным работам в производ-

ре часа - естественные меры предосторожности против утечки военной тайны. Война - это не шутки.

У нас в семье сохранились ещё пять писем отца с фронта. К сожалению, они обветшали настолько, что текст писем прочитывается только частично. По мере возможности, я приведу выдержки из некоторых писем.

Одно из писем датировано 13 сентября 1942 года. Отправлено из госпиталя в городе Саратове (п/я 95, палата 10). Отец писал: «...я жив и здоров, рана заживает, но чувствую себя слабовато, потому что измотался во время боёв. Но ничего - скоро поправлюсь. Хотел попросить у тебя помощи, но стесняюсь, потому что не знаю, как ты там сейчас живёшь. Здесь всё очень дорого, но купить можно всё, вернее всё съестное. На рынке есть хлеб, сыр, молоко и т. д. Булка хлеба (кирпич) - 100 руб., молоко - 40 руб. но у меня покупать не на что. Если есть возможность выслать деньги, то вышлай срочно по телеграфу. Я, всё возможно, пролежу в госпитале, где сейчас лежу, числа до 25 сентября, а всё возможно, и до 1 октября. С 7 по 8 сентября всю ночь не мог ус-

ли сено для коровы, картофель и овощи - для себя (с матерью оставались ещё трое детей. - В.Л.). У меня маленькая бездержка была, 145 руб., но кто-то свистнул её. К основному мне бы на несколько дней хватило. Аппетит очень хороший.

Ната, передай привет всем родным и знакомым, а я готовлюсь снова лупить гитлеровцев, полностью ещё за всё не отомстил.

До свидания. Целую всех. Ваш И. Ларин».

Другое письмо, датировано 7 февраля 1944 года и отправлено в адрес нашего двоюродного брата Викторина Огородникова, который старше меня на десять лет и который помогал нашей маме воспитывать всех троих малышей. Отец объясняет, почему он долго не писал: «...был на том свете, а теперь воскрес. Писать об этом надо очень много, время будет - напишу, а жив буду - расскажу...». Дальше: «...ты просишь, чтобы я выслал документы на награды, что я получил. Этого сделать я не могу. Пока жив, они будут со мной, а

буду жить в 1942 году был ранен, а в 1943 году буду добивать, а вы же идите на передовую линию фронта. Маме передай привет от меня и от Ната, Наде, Вики, Лие и Валюшки. Ната в утробе бабкиного года нездоровитесь. Как вы там живёте и ждёте ли увидеть вас дождь. Не один год, но переживайте фашистов, убивайте их. Разлучитесь и сестры, сестры, а вы же идите на передовую линию фронта. Не один год, но переживайте фашистов, убивайте их.

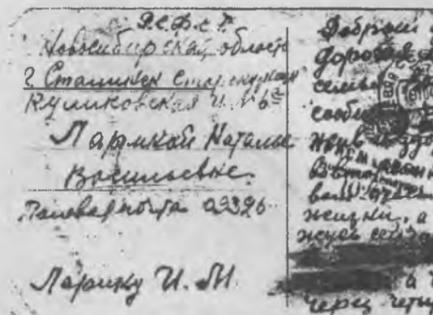

Валерий ЛАРИН.

ственно-техническом отделе ШПУ-2.

В нашей семье бережно хранится открытка, написанная моим отцом, Иваном Матвеевичем Лариным, присланная моей матери Наталье Васильевне. Открытку мы получили в октябре 1943 года с фронта. Отец воевал в звании старшего сержанта, командуя отделением в составе 1041 стрелкового полка 87 стрелковой дивизии Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА).

В открытке он называл своё точное местонахождение, но вся переписка в

Открытка с фронта.

Иван, Георгий и Василий ЛАРИНЫ. Фото 1941 года.

военное время подвергалась военной цензуре, о чём свидетельствует штамп поверх текста письма «Проверено, военная цензура». Поэтому часть слов тщательно зачернена, в том числе и то, куда будет направлен отец через четы-

нать. А это потому, что, как из дому уехал, первый раз лёг спать на матрац (был призван в ряды РККА 25 ноября 1941 года. - В.Л.)

Ната, напиши мне письмо, пропиши, как приготовились встретить зиму, есть

если меня не станет, то моя семья их получит...». После гибели отца нам действительно выслали его награды: «Орден Славы» и медаль «За отвагу». Продолжаю читать письмо: «Вика, ты просишь моего совета, в какое военное училище тебе поступить. В этом я не могу дать совета... надо идти туда, где нужен, в общем, идти туда, куда пойдёт наша мать Родина. В любом роде войск умереть не страшно за Родину... Теперь у меня к тебе просьба: подготовь Лерика (это - меня, старшего из троих. - В.Л.) во второй класс. Я думаю, это не так трудно, только нужно его научить решать задачи. Мало я слышу об Алике (это мой младший брат. - В.Л.), с ним тоже нужно позаниматься.

Пока всё. Сижу в землянке. Здесь зимы нынче почти не было. Начинается весна, т. е. снег растаял, грязь почти всё время...». Понятно, что моего отца здорово угнетала грязь, так как он был пехотинцем, командиром отделения автоматчиков, и она, край как, мешала им передвигаться по земле.

Прошло меньше месяца со дня написания этого письма, как отец был убит в бою. Это случилось при освобождении Украины от гитлеровцев. Тому подтверждение - извещение о его гибели, так называемая «похоронка», где сказано, что Ларин Иван Матвеевич «в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 1 марта 1944 года, похоронен в р-не с. Котовка Долинского района Кировоградской обл. в братской могиле № 94». Село Котовка в настоящее время присоединено к селу

Варваровка.

В 1968 году я связался по почте с красными следопытами этого села. Они направили мне фотографию памятника, установленного на братской могиле, где лежит мой отец. Позднее я посетил могилу лично, а затем в село Варваровку съездили моя мать Наталья Васильевна и мой младший брат Александр. Они возложили венок на могилу и были встречены, как родные, семьями Черномаза Алексея Даниловича и Ильченко Аллы. Жена Алексея Даниловича, Екатерина Павловна находилась во время боёв в самой Варваровке и пряталась, как и все жители, в погребе. Село неоднократно занималось то немцами, то советскими войсками. После боёв жители собирали по полям и в деревне погибших воинов и части тел, которые укладывали в братские могилы.

В результате ожесточённых боёв в селе образовалось четыре братские могилы. На всех стоят памятники и за всеми постоянно ухаживают местные жители.

Вот что мне написала Алла Ильченко в письме, полученном мной в июле 2003 года: «...Вы спрашиваете, как сейчас проходит праздник Победы. Да так же, как и тогда, ездят сейчас очень мало людей, время настало другое, но у нас готовят фирмы обеды, покупают водку, воду. Люди, кто идёт на могилы, обязательно берут с собой всё, садятся за столы или просто на траву и отмечают праздник. Сейчас настали трудные времена: денег нет, кушать не у всех есть, так что людей собирается не очень много.

А традиция осталась традицией. Мы каждый год кладем цветы на могилу вашего отца. Если вы помните, мы ведь ещё при встрече обещали вам, что будем свято хранить память о вашем отце, ведь он защищал нашу деревню и в ней погиб. Я своим внукам об этом рассказывала и тоже сказала, чтобы они навещали могилу вашего отца...».

Я очень благодарен всем жителям Варваровки. Показываю заголовки из газеты «Шляхом Ілліча» именно на украинском языке, чем выражаю уважение к братскому народу.

В статье О.Черномаза «Нема безіменних героїв» в газете «Шляхом Ілліча» от 9 мая 1968 года упоминается о начале моей связи с жителями Варваровки, кохающими могилы воинов, погибших в конце фашистской оккупации.

Мой отец в своей открытке написал жене: «Ната, ты посмотрела бы, что натворили немцы на Украине. Ты бы пришла в ужас».

Отец своей жизнью и смертью помог выбить фашистов с украинской земли. Как же ни будут благодарны ему жители, испытавшие гитлеровские зверства!

***

Совместить ли скорбь и радость?
Претерпеть сквозную боль?
Заживить потерю-рану?
Как принять свою юдоль?!

Девятого мая 1945 года
В День Победы наша Мама
Собрала своих ребят,
Семенной картошки малость
И пошла сажать... опять.

Всю войну её сажала,
Мужа бдела у окна.
Хоть при НЕМ детей рожала,
Поднимала их одна.

Всех троих, почти погодков —
Предвоенный урожай —
Мудро, жёстко, гордо, кротко:
- Не дерись! Не обижай!

Для кормилицы-бурёнки
Выезжала на покос.
И, не веря «похоронке»,
Всё не верила в погост.

Всё ждала, мечту хранила,
Забывала боль в труде.

Грусть-тоску её глушила
Мысль-забота о еде.

И какой-то такой тут праздник,
Когда три голодных рта?
Изо всех доходов разных —
Лишь мазоль да ломота.

Но твердила себе: «Праздник —
День Победы над страной,
Побори ты горе-язву,
Стисни сердце и не ной,

Продолжай учить детишек
Жизни, разуму, труду.
И они напишут книжки
Про мою, про их судьбу».

...Любим, помним бестуманно,
Хоть уже промчалась жизнь,
Наше детство, нашу Маму,
Всё, чем стоит дорожить.

Убили брата твоего...

Папа!
Бей из автомата
За Страну, за честь, за брата!
(Написано в возрасте 7 лет в связи с гибелью
брата отца Василия).

***

Себе открой ты мир, Алёшка,
Не через пушечный прицел,
А через знания окошко,
Чтоб мир был нов
и ты был цел.

Заклинание жены

- Эх! Была бы вот такая
Полосочка узкая
Между нами, но таскаешь
Уземли нерусской ты
Гимнастёрочку на теле.
А в душе разлуку-грусть...

Я дождусь тебя на деле!
Всё равно тебя дождусь!

Парашютисты

Оторвался маленький комочек —
Это прыгнул с самолёта я.
Основной раскрылся!

Тут же хочет
Вскрыться радость искрометная.

Парашют висит, как одуванчик,
В бездне безграничной синевы.
Вид с земли простой порой обманчив,

В душу заглянуть бы: как там вы?

Хватит между стропами качаться,
Пусть поникнет парашютный шелк.
Каждый, кто земли будет касаться,
Вновь захочет совершить прыжок.

Невесте со службы в Армии

С тысяча девятьсот пятьдесят седьмым,
С новым годом счастья и дружбы
Поздравляю тебя, Люда, неизменным,
По-прежнему верный в условиях службы!

Пушистый белый снег тайгу
Окутал толстым одеялом.
И вроде пусто... Но в снегу
Жизнь, полную любви могу
Я различить. Лишь солнце б встало,
Весной сорвало покрывало,
Тогда б растения могли
Напиться счастья и любви!

О! Будет время: холод льда,
Глухой тоски разлучной холод
Расплавим мы. И навсегда
Потоки солнца хлынут в Город
Любви, ученья и труда!

Александр ЛАРИН

ли! Убили!». Услышав её голос,
я замолчал.

Вот так нам доставалась
картошка без отца. А с ближ-
них полей мы вывозили на теле-
жке, впрягаясь в неё сами.
Если картошки не хватало до
следующего лета, то шли вес-
ной на бывшие картофельные
поля, искали и собирали пере-
зимовавшую в поле картошку.
Она, конечно, была переморо-
женная, и из неё получались
только так называемые «тош-
нотики». Ещё в наш рацион
входили лебеда и крапива.

Я считаю, что за все пере-
несённые страдания нашей
мамой Натальей Васильевной
нужно было дать ей, так же, как
отцу, «Орден Славы» и медаль
«За отвагу». Она мужественно
растила и воспитывала нас
одна, ожидая отца: «Мало ли
какие ошибки бывают в изве-
щениях». Она проявляла сверх-
человеческую волю в борьбе за
жизнь и воспитание детей.
Низкий поклон ей и благодар-
ность за это! Она достойно прожила жизнь,
и так же достойно, никого не мучая, ушла
из жизни.

Матери, Наталье Васильевне

Я не певец высоких дум,
Пишу о том, что вижу,
Что в уголках души найду,
Что сердцем слышу.
Слеза другого мне горька,
Как вкус полыни,
И плеск войны издали
Звучит понине.
Я без штанов тогда играл
В большой ограде
И «смерть фашистам» напевал
К своей отраде.
Но помню, словно через сон,
Я скрип калитки,
Когда пришёл к нам почтальон
С ногой из лыжи.
И, словно крик своей судьбы,
Я ясно слышал:
Босая мама из избы

Родился в г. Новокузнецке, в 1938 году,
где прошли его детские и юношеские годы.
Закончил в Новокузнецке сельскохозяй-
ственный и монтажный техникумы. Уча-
ствовал в строительстве Игналинской атом-
ной электростанции (ИАЭС) в Литве, где
сейчас и проживает. Инвалид детства.

Когда отец уходил на войну, с мамой
оставалось трое детей: старшему, Валерию,
было пять лет, мне — три и сестрёнке Эмме
— два года. От голода нас спасали овощи.
Через картошку я в четырнадцать лет ли-
шился одного глаза.

Я сидел рядом с братом на грузовой
автомашине, загруженной доверху мешка-
ми с картошкой. Мы расположились у зад-
него борта и смотрели на «полуторку», ко-
торую наша машина вытягивала из грязи с
помощью троса. Внезапно на «полуторке»
срезались болты, которыми крюк крепил-
ся к раме. Крюк сорвался, и попал мне в
голову, вышиб глаз, раздробил кости лица.
Я упал брату на колени и застонал. Мама,
сидевшая на мешках с картошкой возле
кабины, видела всё это и закричала: «Уби-

Вдруг быстро вышла.
Свидетель чёрных дней войны,
Страдающий от ран,
Как с чувством собственной вины,
Склонился ветеран.
А мать стоит, не подойдёт,
На прясло опершись...
И слышен шёпот полёт:
— Пойди-ка распишись...
До смерти буду помнить день,
А, значит, до конца,
Когда коснулась злая тень
Любимого лица.

***
Я Зимний не брал,
Не стоял на пороге Рейхстага,
Под траки гранат не бросал,
Не нёс я победного стяга...
Всё это — другие, другие:
Отец и с ним деды мои —
Все близкие и дорогие —
Прошли сквозь пожар и бои.
Не шёл я утрами за плугом,
В окопах не ел сухари
И мёртвого верного друга
Не я той весной хоронил...
Всё это — другие, другие:
Отец и с ним деды мои —
Все близкие и дорогие —
Прошли сквозь пожар и бои.
Не я возводил переправы,
Не я воздвигал ДнепроГЭС,
Но всё же горжусь я по праву,
Что строил в Литве ИАЭС,
Что полупустыни казахские
Осваивал в холод и в зной.
В ветра ураганные адские
Работали мы за Читой...
А всё остальное — другие:
Отец и с ним деды мои —
Все близкие и дорогие —
Прошли сквозь пожар и бои.

***
Ещё одно воспоминанье...
Уроков строгих череда.
Не всё охотно шло в сознание,
Сказалась улицы среда.
Особенно борьба с немецким
Нас, пацанов, вводила в раж.
Казался нам он неуместным,
И затевали мы кураж.
Старушка-немка, фрау Матиес
Урок немецкого вела,
Но отразил ребячий натиск.
Как ни старалась, не могла.
Сейчас неловко за былое,
Да не хочу молчать я ныне.

Наверно, мстил за детство злое,
За смерть отца на Украине.
Тогда бы взять себя за ушко
Да врезать бы погорячей!
Ведь назвала меня старушка:
— Продукт былых военных дней.

***

А со злою ордою дикою
Называлась война Великою.

Провожали мужей наши матери.
Мы ж в подолах тогда сопатили.
Мы с полетей глядели в щели,
Как отец появился в шинели,
Как слеза потекла по плачу —
Мама плакала: Нет, не пушу!
У отца лоб нахмурен, но светел:
«Нам! Не надо! Глядят ведь дети.
Посмотри — их палата целая.
Вот вернись, и ещё наделаем...»
Улыбнулась. Усохла слеза.

А отца увезли поезда,
Навсегда увезли поезда...
Не запомнил его я глаза.

Лишь года подсказали мне,
Что моложе меня он вдвойне...

***

Что жизнь прекрасна — спору нет.
Прекрасны новые рассветы.
Но почему же мой рассвет
Закружили быстро годы Леты.
И почему на всём веку
Такие тягостные вехи?..
Не уложить в мою строку
Повыпавшие мне помехи.
Рождён в предгрозовые дни,
Как многие ребята в мире.
А не пришёл отец с войны,
И жили мы одни в квартире...
Невзгодам потерял я счёт,
Хоть просто жил, как все мальчишки.
Но кто-то вздумал: «Это — слишкови!»
Жизнь повела со мной расчёт.
Жестоким год пятьдесят третий
И скорбный пятьдесят второй...
Я — четырнадцатилетний
Задира, школьник озорной.
Шуришали шины у машины...
Росла картошка, как гора...
С судьбой играть нет причины.
Она же — в глаз из-за угла...
Но, правда, это не сломило:
Я стал кривым, но не больным.
Хоть злость меня порой томила,
Не делал зла я остальным.

Несколько лет назад на страницах осинниковской газеты «Новый вектор» впервые увидели свет стихи Григория Михайловича Афанасьева. К тому времени за его плечами был уже солидный трудовой стаж и большой жизненный опыт. Правда, сам он отводил творчеству весьма скромную роль - расценивал как увлечение, способ занять время, отвлечься от суеты и житейских невзгод.

С раннего детства Григорий Михайлович жил в Калтане, окончил восьмилетку, завершил среднее образование в вечерней школе. Отправился в Сургут, обучился на газоэлектросварщика, вернулся в Калтан и много лет работал по этой специальности. В его трудовой книжке значатся разные предприятия: ЮК ГРЭС, водоканал, станция техобслуживания... Со станции он и ушел на заслуженный отдых.

... В детстве отец прозвал Григория буквоедом за пристрастие к книжкам. Записан он был сразу в трех библиотеках, приносил оттуда целые стопки - но 10-15 книг - и прочитывал их на одном дыхании, «залпом». Но с литературой свое будущее не связывал и первую попытку писать стихи предпринял только в 22 года. Сначала записывал свои впечатления в поезде, когда бес-

конечно долго тянулось время и хотелось найти занятие «для души», затем изредка возвращался к заветной тетрадке в свободное время. Вернулся к поэзии много лет спустя.

В 1997 году дала о себе знать давняя травма позвоночника. Полгода лежал без движения, и прогнозы специалистов были в лучшем случае неопределенные, в худшем - неутешительные. Спасение нашел в книгах, главным образом - философских.

Он совершил чудо - вопреки предсказаниям врачей встал на ноги, хотя и сегодня здоровье - его главная проблема.

Григорий Михайлович по-прежнему пишет стихи и не только о природе и высоких человеческих чувствах; многие - это размышления о жизни, о предназначении человека, попытка осмыслить нынешнюю действительность, такую непростую и противоречивую.

Афанасьев был отмечен на губернаторском приеме, приуроченном ко Дню инвалида, впоследствии стал лауреатом литературного конкурса, посвященного Дню шахтера.

Недавно вышла в свет первая книга стихов Григория Михайловича.

Григорий АФАНАСЬЕВ

Ветераны войны

Если память опять растревожили сны,
Если раны болят, если давит усталость,
Вы сомкните ряды, ветераны войны,
На параде Победы вас так мало осталось.

Много огненных вёрст вы с боями прошли,
Вы друзей боевых хоронили до срока,
Отбирая назад пяди русской земли,
Шли на Запад, чтоб

«солнце вставало с Востока».

Вас на прочность враги проверяли всегда,
На удар и разрыв, на воде и на суше.
Но ни острый металл, ни огонь, ни вода
Не смогли покорить вашу русскую душу.

Пусть противник любой не забудет в веках
Силу русских штыков и военной науки.
Ветераны войны, мир в надёжных руках,
Потому что его берегут ваши внуки.

Если память опять растревожили сны,
Если раны болят, если давит усталость,
Вы сомкните ряды, ветераны войны,
На параде Победы вас так мало осталось...

Старое фото

На пожелтевшем старом фото,
В своём альбоме вижу я,
Как в кадре замерла пехота -
Военной юности друзья.

Остановившееся время.
На снимке лица без морщин.
Но там, за кадром, зреет семя
Причины, будущих причин.

Стоят такие молодые
В одном строю, к плечу плечо.
Ещё пока что не седые,
И не погиб никто ещё.

Ещё армейская одежда
Не прикипела солью к ним,
И в каждом теплится надежда,
Что он останется живым.

У вечного огня

Сюда приходят в стужу и в жару
В молчании скорбеть о ком-то близком,
О ком шумят берёзы на ветру
У вечного огня, над обелиском.
Кругом бурлит людская быстрина,
Мелькают озабоченные лица,
И лишь слезой, ушедшая война,
Во взгляде ветерана отразится.
Он дрался, защищая Сталинград,
Он пережил ранения и беды,
Но выжил весь израненный солдат
И встретил в сорок пятом день Победы.
Сегодня, вспоминая этот ад,
Опять сошёл в схватке рукопашной
И снова защищает Сталинград,
Он помнит это будто день вчерашний.
Друзей, в боях погибших, имена
Живые в своей памяти храните.
Посмертные даны им ордена,
И слава их посмертная - в граните.
Но чтобы те суровые года
Не отлетели в прошлое беспечно,
Вы о погибших помните всегда
И сохраните память эту вечно.
Сюда приходят в стужу и в жару
В молчании скорбеть о ком-то близком,
О ком шумят берёзы на ветру
У Вечного огня, над обелиском.

У трёх логов

У трёх логов, где рябчики свистят,
Где воздух от черёмух, словно мята,
Избушки нашей пасеки стоят,
А рядом речка катится куда-то.

Здесь царство пчёл у липовой горы.
Здесь запах трав хмельнее медовухи.
По слухам, рай земной... Да комары
Порой опровергают эти слухи.

Здесь запах от черёмухи весной
Не заглушить французскими духами.
Медовый аромат её волной
Плывёт над голубыми родниками.

Неброская лесная красота,
Она краснеет кровью на калине,

Росой сверкает с каждого листа,
Алмазами горит на паутине.

Здесь гомон птиц разбудит поутру,
Не даст в постели долго залежаться.
Как радостно смотреть на их игру,
Встречать зарю и пенем наслаждаться.

О, милые, прохладные лога,
Пронизанные строчками тропинок,
Здесь у ручьёв студёных берега
Хранят в траве следы моих ботинок.

Удастся ли когда мне побывать
Средь ваших лип, берёз и пихт зелёных.
Осталась в памяти лесная благодать
От запаха торжественных черёмух.

У трёх логов, где рябчики свистят,
Где воздух от черёмух, словно мята,
Избушки нашей пасеки стоят,
А рядом речка катится куда-то.

Тополиная метель

Снова белым пухом тополя
Выстлала ковром тропинки сада.
Снова стала белою земля -
Побелела, как от снегопада.

Ну, зачем - зачем же вы опять
Летний сад заставили поверить,
Будто повернуло время вспять,
И зима стучится снова в двери.

Мы бредём по снежной целине,
Загребая белый «снег» ногами.
Заблудились в мягкой пелене,
Непонятно, что случилось с нами.

Не понять - июль или апрель,
Снег вокруг кружится, но не тает.
Это тополиная метель
В летний сад тропинки замечает.

До сих пор ещё неясно мне,
Что же вдруг случилось между нами,
Почему в пушистой пелене
Мы случайно встретились губами.

Как же это всё произошло,
Кто нам подарил такое счастье?
И откуда вдруг на нас сошло
Белое, пушистое ненастье?

Мы с тобой давно уже не те
И давно успели пожениться,
Только тополиная метель
Долго нам ночами будет сниться.

Долго будет сниться этот сад,
Где тогда бродили мы с тобой,
И пушистый этот снегопад,
Ставший для двоих одной судьбою.

Тишина

Замолкли птицы вдруг, и как-то сразу
На сонный лес спустилась тишина.

Жизнь замерла... Неопытному глазу
Она почти что вовсе не видна.

Светило, проходя по небосклону,
Лишь изредка притягивает взор
Лучами, что, пробившись через крону,
На траву льют причудливый узор.

Не дрогнет чуткий лист над головою,
В объятиях полуденного сна,
Весь лес застыл зелёною стеною,
А в кроне тихо дремлет тишина.

Лист не шумит, замолкли птички трели,
Лес словно околдован тишиной.
Чуть слышен звук пастушеской свирели
Лишь в глубине идиллии лесной.

Тихая речка

Тихо дремлет речка, шелестит листва,
У мальчишки с уды сорвалась плотва,
Как кусочек солнца, радуга-кольцо
Брызнула водою рыбаку в лицо.
А мальчишка весел: с уды у меня
Сорвалась не рыба, а сверканье дня.
Засмеялось солнце, ветер озорной
Замутил оконце тёплой волной.
Солнце уж не в небе, а в воде висит,
Рядом с ним резвятся блики-караси.
И мальчишка в воду! Смехом залился,
Стал ловить руками солнце-карася.
Разбежались блики солнечных лучей,
Помахав хвостами резвых карасей.
У мальчишки счастьем кружит голова,
Тихо дремлет речка, шелестит листва.

Твоя тропа

Кто мы, что мы на этой земле,
Для чего появились на свете?
И зачем нам под шум тополей
В небе яркое солнышко светит?

Для чего мы торопимся жить,
Для чего тратим силы и нервы?
Чтобы в жизни тропу проложить
И на этой тропинке быть первым?

Дни идут, пролетают года,
Мы спешим по тропинке куда-то,
Строим новые города,
Невзирая на боль и утраты.

Мы идём, о минувшем скорбя,
Не затем, чтобы имя прославить,
А затем, чтобы после себя
Что-то доброе людям оставить.

Надо только идти до конца,
Этой жизненной, трудной тропой,
Для того, чтоб людские сердца
Загорались от вас добротой.

И под шелест седых тополей,
Завершая свой путь на планете,
Для чего ты живёшь на земле -
Своей жизнью пусть каждый ответит.

г. Калтан.

Григорий БУТИЛИН

Родился в 1955 году в селе Быстрый Черный Алтайского края. Живописная местность, речка, лес и труженики села оставили в памяти незабываемые образы и впечатления. Первые стихи писал ещё в школе, после окончания Осинниковского горного техникума работал в Киселёвской ГРП буровым мастером. Затем по окончании ФПК Ленинградского горного института был назначен энергетиком. С июля 1989 г. работал на шахте «Киселёвская» машинистом Бурового станка СБШ – 200, в настоящее время продолжает работу в ООО «КТК» электромонтёром. Начиная с 1990 г. публиковался в газетах: «За победу»? у себя на родине и «Левый Берег» в г. Кемерово, затем в своём городе в «Киселёвских вестях».

Время

...циферблат — мы тому очевидцы —
Уходящий фиксирует век.
Только время не знает границы
И реально, как сам человек.

Но не импульсом света, не телом —
Эталоном секунды земной
Час за часом вершит своё дело,
Не являясь ни чьей стороной.

Одолеет оно, иль оспорит,
Перетрёт за творилом дверей
И прокрустово ложе теорий
И помпезность великих царей.

Указаний и взятков не примет,
Лишь по звёздам сверяя свой ход,
И в больших городах и в пустыне,
Башмаков не жалея идёт.

Чтоб в сознании нашем прижиться,
Начинает свой новый разбег...
А на землю родную ложится
Потихоньку рождественский снег!

Русалка

Вчера возле речки так жарко
Нас летнее солнышко грело,
А рядом у камня русалка
На нас улыбаясь, глядела.
Сегодня нам всем не до смеха,
Не зримое солнце не греет.
Причина всему и похема —
Суровая туча темнеет.
Когда волшебства не случится,
Мы с грустью хорошее вспомним.
Нельзя ли ещё порезвиться?
Но в горле — застрявшие комья.
На ваше нарядное платье
Уж дождик назойливый сеет.
Ветровка моя? не объятье,
Но может она вас согреет.
Нахохлившись, чёрная галка
Отрывистым плачем пугает.
Исчезла куда-то русалка...
На камень волна набегает.

Далёкая в небе звезда
В томительном свете огней
Туманная дымка седа,
Над городом нашим
Горит всё светлей
Далёкая в небе звезда.

Припев:
То шелест родных тополей,
То звёздная даль на ладах:
И песня звучит в тишине у аллеи
О любви и шахтёрских делах!

Преграды не знавших людей
Судьба, озаряя, вела.
И сильных, и смелых
Романтика дел
Под щит за собою звала.

Познавшая пыльный забой,
Душа у шахтёра щедра?
Под крепкой рукою

Надёжной рекой
Течёт уголёк на-гора.

А дома любимые ждут,
Туманная ночь седа...
Горит для шахтёров
За доблестный труд
Далёкая в небе звезда.

На вахте

Эй, ветер северный, гони девятый вал!
Отринув прочь синоптиков прогноз,
Пред буйным натиском изогнутых зеркал
Наши крейсер в океан вздымает нос.

Взгляни, как пенится высокая волна,
Терзая в трансе твердь материка,
И шлёт по-прежнему великая страна
Далёкие сигналы маяка.

Непредсказуемый пред нами океан,
Где мужество сильнее метаморфоз.
?Ну, кто не верует в удачу капитан?
?Прости меня за каверзный вопрос.

Эй, ветер северный, гони девятый вал,
Отринув прочь дурман великих пут!
Кто шёл за Родину, когда неистов шквал —
Их даже камни вспомнят и поймут.

О, боже праведный, храни детей и жён —
Объятья волн солёны и круты,
А в тихой гавани от тех прими поклон,
Кто бросил в воду белые цветы.

Полигон

Знойный купол высок,
Солончак да песок
И мираж для гостей с «Балопана».
Щедро солнце палит,
Раскаляя гранит
У воронки в степях Казахстана.

До «Аргона» вперёд
Нас дорога ведёт,
Оставляя бетонные плиты.
Здесь казармы стоят,
Но не видно солдат
И оконные рамы забыты.

Тех времён марафон —
Исполинский каньон,
За гранитными глыбами рана.
Будет молча лежать
Эта водная гладь,
Измеряя стихию урана.

Всё с годами пройдёт
И мираж и полёт,
Потрясая Голодные степи.
Отгремит марафон,
Замолчит полигон,
Лишь останется гибельный ветер.

Белым веером крыш
Берег вьётся... Иртыш
Омывает черту полигона.
Всё закончилось, но
Бредет в пепле оно —
Укрощённое пламя «Аргона».

Когда на исходе февраль

Всё было: восторг и печали,
Мороз, да сугробы по грудь!
Здесь ветры шальные промчали,
Кружа белоснежную жуть.

И были мечты... И бесцельно,
Когда на исходе февраль —
Зима, развлекаясь метелью
Шлифует позёмкою даль.

Не нами ль оставлен за чащей —
За цепью осин лыжный след,
Не с ветки ль под шапкой блестящей
Услышан последний сонет!

Как тех облаков вереницы,
Которым над снежностью рдеть,
Мы тоже, как волные птицы,
Готовы куда-то лететь.

Мороз, и сибирская вьюга...
Деньков уходящих не жаль.
Мечты не напрасны подруга,
Когда на исходе февраль.

Холодные слёзы

Отчего ж у весны в самом деле
На ледовых ресницах капель?
Бьётся сердце!
Сильней!

Неужели —
Вновь его растрожал апрель?
Я спешу к тебе в этом апреле —
В тот лазурно неистовый день.
Опрокинут, снега подгорели,
След быллой
колеи
набекрень.

Ах, весна! Обойти ли запруду,
Что до верха забита шугой?
Наполняются всюду сосуды
Снеговою студёной водой.
Словно отблеск глубокой протоки
Твой волнующе искренний взгляд.
Пусть весенние соки-потоки
Каждый корень куст напоят.
Пусть же вновь хоть и ты городская —
Будит паводок чувства мои
И холодные слёзы стекают
С обнажённого тела земли.
Пусть несутся
потоки
до моря
С переполненных рек и озёр
И весна развернёт на простоте
Травянисто-цветочный ковер!

***
Средь ив отуманенный омут
Речушки с названьем Чумыш
И берег, где вас по-иному
Объемлет вся свежесть и тишь.

Где я не однажды рыбачил,
И знаю секрет рыбака?
В кувшинках его обозначил
Румяный овал поплавка.

Отрадно, коль ветер-проказник.
Качнёт камыши возле ног,
Да стайку мальков пучеглазых
Вспугнёт небольшой окулёк.

Берёзовый лес

Лес берёзовый нас в сентябре
Соблазнил ароматом волнушек,
Как целебный настой на коре
От корней и до самых макушек.

Он, янтарный на весь окоём,
Ещё шаг — и готов расступиться.
И нырнут в белоствольный проём
Грибников озабоченных лица.

В лабиринтах тенистых глубин
Каждый отзвук отчётлив и внятен,
Там отходная лету с вершин
Бродит эхом среди розовых пятен.

Сезон соцветий

Цветы лугов в прокос букетом
Прими с травой сенокос.
Щедрее нет подарков летом
При лёгком шелесте берёз!

Сезон соцветий вторгся спектром,
Обдал пылью медовых трав,
Прошёл в лугах, попутно с ветром,
Хмельные запахи подняв.
Взметнул раздолье белых кашек,
Круженьем бабочек и ос.
Для нас открыл парад букашек,
Полёт шмелей, полёт стрекоз.

Его на марше неустанном
Квартет кузнечиков встречал,
Пока внезапно барабаном
По листьям дождь не застучал.

Объяв полфлоры первой вспышкой,
Июльский гром берёт вираж,
Как будто с тучей-передвижкой
Подъехал он снимать пейзаж.

Цветы лугов в лицо букетом,
Нахлынут в самый сенокос,
Сезон открыт...
любуйтесь летом,
Кудрявым в шелесте берёз!

Фотограф Светлана ЯСТРЕБОВОЙ.

Фотограф Светлана ЯСТРЕБОВОЙ.

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Родилась 4 августа 1947 года в Новокузнецке, в семье первостроителей КМК. Окончила педучилище №1 и Новокузнецкий Государственный педагогический институт - факультет русского языка и литературы. В сфере просвещения проработала 35 лет, начиная с простого учителя, дошла до директора школы.

За добросовестный труд удостоена: медалей Почётный работник общего образования РФ, Ветеран труда РФ и ре-

гиональной серебряной медалью «За достойное воспитание детей».

Людмила Андреевна творческий человек. Пишет стихи, песни, прозу. Выпустила шесть авторских сборников: в 2000 году «Люби Все Сущее», в 2002 году «Дыхание Света», в 2004 году «Мелодия солнца», в 2006 году «Восторг души» и в 2008 году «Радость жизни», в 2009 году «Возроди любовь». Активно участвует в региональных поэтических фестивалях, награждена дипломами Союза Писателей Кузбасса.

Она - председатель литературной студии «Гармония слова» в городе Новокузнецке Кемеровской области.

В 2005 году принята в Международную российско-французскую литературную студию «Синяя птица» (г. Вязьма).

В 2007 году стала победителем-призером Международного российско-французского заочного литературного конкурса среди работ российских поэтов, присланных во Францию в г. Монферье. Выиграла первый приз. За стихотворение «Радость жизни» награждена Дипломом и подарком - романом на французском языке.

Жизнь-мустанг

В лабиринте живем мы у времени,
По судьбе можем долго блуждать.
Жизнь-мустанг
не потерпит пуга стремени,
Не пытайся её обуздать.

Есть у жизни святые каноны,
В них содержится главная суть.
Будут спуски и будут подъёмы,
И настанет пора отдохнуть.

Счастлив тот, кто душою уловит,
Ритм, движение - жизненный шаг.
Ждать от неба поблажки не стоит,
Не поможет в пути нам и маг.

- Ты прими в своей жизни участие,
Поразмысли и делай все так:
Сам борись за земное счастье
И живи, как свободный мустанг.

Осенняя Русь

Подарил мне крылья вольный ветер,
Над Россией с ним я покружусь.
Посмотрю, как утром, на рассвете,
Янтарём сияет моя Русь.

Я люблю Россию всей душою,
Удивляет красотой меня.
Восхищает золотой листвою,
Заревом осеннего огня.

Край берёзовый всегда со мною...
Где бы ни была, в чуждой дали,
Слышу, как курлычат над землёю,
Пролетая, в небе журавли.

Верно ей служить всегда готова,
Сердце подарить не побоюсь.
Нет дорожке и роднее слова,
Чем Россия, чем святая Русь!

Русь родная - золото без края,
Синь небес, морская глубина.
Русь святая, ты одна такая.
Небом мне, Отечеством дана.

***

Душа - божеское стекло,
Звенит от ласкового слова.
И наполняется теплом,
Которое дарить готова.

И ты скорей её открой
Навстречу людям и Вселенной.
И станет вмиг душа святой,
И вечной станет, и нетленной.

И будешь небом ты храним...
В Галактике закон един-
Люби - и будешь сам любим...
Люби - и ты непобедим!

***

Большими глотками я пью мою жизнь,
То сладкой, то горькой бывает она.
Порою взлетаю в небесную высь,
То вдруг опускаюсь до самого дна.

Как трудно держаться всегда на плаву
И плыть не со всеми, а против течения.

Сегодня надеждой, стихами живу,
И в жизни сама принимаю решения.

Большими глотками я пью мою жизнь
И радуюсь ей, она только одна.
Прошу своё сердце: «Не сдавайся, держись!
Ведь жизнь нам с рождения Небом дана».

Свет во тьме

Я с временем в неравной схватке:
Душа стремится вверх, на волю,
И крылья все мои в заплатках,
И сердце корчится от боли.

Но это всё - преодолимо...
Незгоды жизни - пустяки.
Я мир люблю! И им любима,
Не унываю от тоски.

Пишу стихи. И это - счастье!
В них своё сердце вам дарю.
У вдохновения во власти,
Как светлячок, во тьме горю.

Пусть огонёк не очень яркий,
Но путник вслед за ним пойдёт,
За мудрой звёздочкой - подарком,
Что душу к свету приведёт.

Минуты творчества

Минуты творчества священы,
Наполнены духовным светом.
В другое время жизни брэнной
Лечу холодной кометой.

Не раз, склонившись к изголовью,
Шептала муза о надежде.
Согретая её любовью,
Жила и верила, как прежде.

И появлялось вновь желание -
Любить Все Сущее на свете.
Я забывала про страданья,
Когда стихи писала эти.

Минуты творчества священы,
Наполнены духовным светом.
Порой стихи не совершенны,
Но в них живут души секреты.

***

Как долго с нами детская беспечность,
Став взрослыми, мечтаем, словно дети.
Мечту - мгновенно превращаем в вечность,
Она, как факел, нам по жизни светит.

Мы ждём, когда наш факел разгорится,
И превратится в солнечное пламя.
Мы ждём, когда мечта осуществится -
Любовь и вера будут вечно с нами.

Как красит душу детская беспечность,
Мы, взрослые, мечтаем, словно дети.
С мечтою вместе мы уходим в вечность,
С мечтою вновь рождаемся на свете.

Орёл

Как гвоздём, к синей тверди прибитый,
Распластал свои крылья орёл.
Он в пространстве свободном, открытом
вольно детство и юность провёл.

Всей душой он любил это небо,
Раскалённые грозные тучи.
Но дорожке ему, где бы ни был,
Стал очаг под навесом на круче.

Он кружил над гнездовьем умело,
Наблюдая за первым птенцом.
Знал, сын вырастит гордым и смелым,
Настоящим бесстрашным бойцом.

В небе чёрные тучи парили,
Не боялся орёл их один.
Распрямивши окрепшие крылья,
Взмыл в полёт его первенец - сын.

Мой Петрик

Остался клочок лишь поющей земли -
Речушка бетоном ещё не залитая.
- Звени моя речка, мой Петрик, звени,
И пусть в нас проснётся мечта позабытая.

Захочется вдруг пробежать по росе,
Напиться воды из целебной криницы.
Под солнцем заснуть на песчаной косе,
От грустных тревог на минуту забыться.

Захочется нам на рассвете вдвоём
Послушать трезвоны проснувшейся птицы,
Друг другу шепнуть: «А давай-ка, споем!»
И солнечным светом с утра насладиться.

Я слышу молитвы поющей земли,
Речушку, бетоном ещё не залитую,
- Живи, моя речка, мой Петрик, звени, -
Буди в нас любовь в заточении скрытую.

***

Никогда, никому не завидуй,
Этим слабость в душе утвердишь.
Не таи, в сердце зла и обиду,
От обиды и мести сгоршишь.

Никогда не давай обещаний,
Коль не сможешь их сам завершить.
Не устраивай долгих прощаний,
Будет трудно в дороге спешить.

Стань желанною синей птицей,
Защити, кого сможешь, крылом
А захочешь свободы напишься,
Ввысь взлети, обернись журавлём.

Никогда, никому не завидуй,
Радость в сердце своём утверди.
Позабудь про былые обиды
И с надеждой по жизни иди.

***

Ты посмотри, как тянется всё к жизни:
И лес, и горы, поле и трава.
От цвета белой и душистой вишни
Кружится, как от хмеля голова.

Ты посмотри, как хлеб на ниве зреет,
Он светоч жизни и её основа.
Ты посмотри, как чайка гордо реет,
Она за волю жизнь отдать готова.

Ты посмотри, огнём заря алеет,
Влюблённые спешат встречать рассвет.
И каждый светлую мечту лелеет -
Оставить в жизни только добрый след.

Ты посмотри, как всё стремится к жизни,
И я стремлюсь, как к свету мотылёк.
Ведь крылья, цвета золотистой ризы,
Раскрыть в полёте мне Творец помог.

Храбрые герои

Не выбирай короткие пути,
Они ведут к коротким взлётам.
Под крышу дома не спеши взойти,
Коль не достигнул поворота.

Пусть длинною окажется дорога,
Ты заверши великие дела.
Героем стань у своего порога,
И чтобы меч любимая взяла.

Пусть подвигом гордятся твои дети,
У внуков будет смелым, пылким взор.
Ведь храбрость славится на этом свете,
Ты смело их веди с собой в дозор.

Родные истоки

Я вернулась сегодня к истокам,
К месту, где родилась и росла.
Это дом у широкой протоки,
Где уют свой и ласку нашла.

Сёстры, брат мой и я вместе с ними,
Родным домом гордились всю жизнь.
Брат на плечи рукою поднимет,
Скажет громко: «За небо держись!»

Вновь приду в отчий дом под вечер,
Загляну в поднебесную высь...
Подними меня, братик, на плечи
И скажи мне: «За небо держись!»

Время жизни

Струится жизнь сквозь пальцы, как песок.
Песчинки - дни, увя, не сосчитать,
Но ты не будешь сердцем одинок,
Коль сможешь сам свою судьбу создать.

Ты человек... Но это лишь название,
Целами прежде надо доказать.
Твори в себе духовное сознание,
Достигни цели - человеком стать.

Твой мудрый опыт передай потомкам,
За счастьем их в грядущее пошли.
Пусть на плечах они несут в котомках
Груз памяти, что прадеды несли.

Им расскажи про мощь Большой Вселенной,
И светлые в ней силы покажи.
Сам докажи, не сразу, постепенно,
Что всем подвластны жизни выражи.

Струится жизнь сквозь пальцы, как песок,
И сроки у судьбы, увя, не знаем.
От жизни лишь тогда бывает прок,
Когда предназначенье выполняем.

Горжусь Новоильинкой

Золотистое марево скирдов
И бескрая леса и поля.
Первозданность некрасовских видов
Красотой влюбила в себя.

Молот вбил уже первые сваи,
Новый дом на пригорке растёт.

Покружившись, грациные стаи
Отправляются в дальний полёт.

Поле хлеба, по краю тропинки,
Виден цвет васильков голубой.
Миг рождения Новоильники
Мы засняли на плёнку с тобой.

Строить жизнь нам пришлось вместе с нею,
С белым садом расти и цвести.
Малой Родиной сделать своею,
Разделить с ней заботы в пути.

Заселить здесь цветные кварталы
И из школы детишек встречать.
Я горжусь своей Родиной малой,
Буду с ней юбилей встречать.

Солдатский треугольник

Она молилась каждый день и час,
Просила Бога уберечь сыночка.
Тревожно ночью, тяжело сейчас,
Сын не прислал с войны ещё ни строчки.

Порою вспоминала выпускной,
Серёжку в белой праздничной рубашке.
Какой весёлый парень, заводной,
Кружился в вальсе с девушкой Наташкой.

Ушёл сын добровольцем на войну,
Обняв, мать очень нежно на прощанье.
Он защищает от врагов страну,
И с честью выполняет обещанье.

Она ждала, молилась, вновь ждала,
И почтальонка в двери постучала.
Солдатский треугольник отдала,
И бесконечно мать его читала.

Лебединая верность

На озёрную гладь опустился подранок,
Умирающий лебедь с пробитым крылом.
Разорвав плену голубого тумана,
Подлетела подруга — погибать, так вдвоём.

Она перья от крови его очищала,
Умоляла взлететь в небеса поскорей.
Его кровь на волнах алой рябью дрожала,
Лай собак, смех людей становился слышимей.

Лебедь друга спасая, собой заслоняла,
Прикрывала крылами, тонкой шеей своей.
Не укрыться от пули и дроби запала,
И не бьются сердца у четы лебедей.

Слышны вопли и крики, и приказы: «Возьми!»
За добычей собаки гладь воды рассекли.
Им тела лишь достались, души в небо ушли,
Нет на свете вернее лебединой Любви.

***
Скрытая печаль в твоих глазах,
И слова с оттенком легкой грусти.
Боль сердечную в груди зажав,
Ждёшь, когда она тебя отпустит.

В мире много лишней маяты,
Одиночество сгибает спину.
Не грусти, я верю, сможешь ты
Отыскать другую половину.

Улыбнись застенчиво, тепло,
Я люблю в твоих глазах сиянье.
Знай, любовь с тобою заодно —
Прозвучат любимого признанья...

***
Когда один — спокойно и не больно,
И никого не сможешь вдруг предать.
И по — другому думаешь невольно,
Перестаёшь домой кого-то ждать.

Когда один — свободен, словно ветер,
Захочешь — полетишь ты с ним в поля.
И день лишь твой, он радостен и светел,
И вся твоя цветущая земля.

Когда один... но почему, так грустно?
И сердце всё щемит, не уставая...

И на душе, как в помещенье пусто,
Нужна ли без тебя мне жизнь такая?

Ты всё молчишь... и не даёшь ответа,
Душой ко мне скорее повернись!
Я полечу в твой уголок планеты,
Ты только не молчи, ты отзовись...

Ждём любимых

Мы ждём и ждём своих любимых,
Чтоб от любви зажглась свеча.
Ждём встреч, минут неповторимых,
Родного, тёплого плеча.

Мы ждём Любви, земного счастья,
Весною ждём, зимой и летом.
Ждём, как церковного причастья,
Как яркого дневного света.

Мы ждём и ждём. Нужно терпенье...
Я верю, по моей тропинке
Во вторник или в воскресенье
Придёт родная половинка.

Мир - золотое руно...

Заалел восток на небосклоне,
Ярче горизонта полоса.
Замер мир в почтительном поклоне
Солнцу, что творило чудеса.

Ручеёк, увидев первый лучик,
Серебристым звоном рассмеялся,
Извиваясь змейкой, с горной кручи
К бурной речке весело помчался.

Ветер, задремавший на опушке,
Распахнул пушистые ресницы.
Посвистел бездомнице-кукушке,
Эхом разбудив лесную птицу.

Белые ромашки улыгнулись,
Повернули венчики к востоку.
Ласточки, стрижи в полет взметнулись,
Радуясь воздушному потоку.

Паучки раскрыли свои сети,
Жаворонок песней заливался.
Восхищались взрослея и дети,
Золотым руном им мир казался.

Теплая июльская погода
Обласкала землю, словно мать.
Оживала после сна природа,
Принимая с неба Благодать.

Храните мир

Не делите праздники и будни,
Солнце одинаково нам светит.
Просто разными бывают люди,
Но пред Небом мы одним в ответе.

Не гневите Небеса вы, не гневите,
Ваша жизнь не может быть упущенной.
И поэтому по-честному живите,
Станьте доброю частицей Сущего.

Не ругайте жизнь - она мгновенна,
Не браните мир, святой, прекрасный.
Просто будьте сами совершенны.
И в Любви живите, и в согласье.

По законам Неба жить старайтесь,
Не сходите с верного пути.
Мир храните, солнцу улыбайтесь,
Нам другой планеты не найти.

Радость жизни

Хочу, хочу я радоваться жизни,
Всему земному, даже пустякам.
Цветку сирени, ветки белой вишни
И чудным серебристым облакам.

Хочу, хочу смеяться безмятежно,
Забыв про слёзы, про печаль и боль.
И пусть была я не всегда безгрешной,
Ты мне, судьба, счастливой быть позволь!

Ты дай покоя мне и равновесья,

Я к этому своей душой стремлюсь.
Позволь взлететь при жизни в поднебесье,
Я там свободы допына напыюсь.

Я не хочу всем миром быть забытой,
И милости его так долго ждать...
Хочу душой - свободной и открытой,
Его на зорьке радостно обнять.

***
Вы послушайте вместе со мной
Соловиное нежное пенье.
И весенний раскат громовой,
И дождя на асфальте кипенье.

Вы замрите, замрите со мной
Над оранжевой бабочкой в поле.
Здесь кузнецик с зелёной травой
Приготовил для завтрака столлик.

Полюбите вы вместе со мной
Этот мир - первозданный, прекрасный.
И зарю, и рассвет голубой,
И закат, пламенеющий красным.

И пусть сердце с утра запоёт,
И душа засияет от света.
Счастлив тот, кто в единстве живёт,
С необъятной зелёной планетой.

***
Весны-красны любимый крестник -
Ручей в лощине зазвучал.
Веселой, звонкой, чудной песней
О крестной миру возвещал.

Весна идет! Лучи все ярче!
Сады проснулись, зацвели.
Медовый воздух, слаще, жарче,
И реки лед с себя смели.

Любовью залиты долины,
В сердцах людей она поет.
Знай, у весны есть именины,
Лишь в мае яблоней цветет.

***
Багровеет оранжевый шар,
Отражаясь в глубокой протоке.
Затухает небесный пожар,
Оставляя лишь лавы потоки.

И червонное золото льется
На поля, на луга и леса.
Лавы огненной речка напыется,
Ей засветится в поле роса.

Свет согреет уставшие души,
Птицы славу ему пропоют.
Солнце село за краешек суши,
Совершив свой вечерний салют.

У святого порога

По распутью судьбы я шагаю упрямо,
Не пытаюсь с дороги свернуть.
- Иди, доченька, с Богом, - сказала мне мама,
И пусть Ангел укажет твой путь.

Свою чашу весов наполняю я Светом
И стараюсь по-божески жить.
Выполнять, как могу, эти десять заветов,
И Всё Сущее сердцем любить.

Будет много преград и тернистой дорога,
Мне ещё далеко до конца.
Но душой я стою у святого порога,
У обители светлой Творца.

***
Я жизнь хлебу деревянной ложкой,
Как странники — из общего котла.
Со временем её осталось с плешку,
Но жизнь свою допыню, допыню до дна.

В пути ни капли я не растеряла
С небесной судьбоносной плошки.
Пока еще моя душа живёт,
С тем поделюсь — кому я доверяла.

И пусть он радости с утра хлебнёт

Не с золотой, а с деревянной ложки.

***
Жизнь кружит по спирали:
То вперёд, то назад.
Если б только мы знали
Своей жизни закат,

Мы бы жить не спешили,
Отмеряли стократ.
Вёсла жизни сушили,
Где крутой водопад.

Подлецами не были,
Берегли свою честь.
Мать-отчизну любили,
Ту, которая есть.

Летунами не слыли,
Шли, как пеший солдат.
И соломку стелили
Там, где лёд или град.

Жизнь кружит по спирали,
Где окончится срок?
Если б только мы знали,
Отодвинули рок...

Душевное одиночество

Под белою душистой вишней,
Сгустив морщинки надо лбом,
В раздумье над прошедшей жизнью
Старик склонился над столом.

В прищуре глаз синело небо,
Он с завистью в него глядел.
В руках была краюха хлеба,
Жбан кваса, что испить хотел.

Глаза туманились слезою,
Уж не до песен соловья.
Весной простился он с женою,
Кот и собака — вся семья.

Давно погасла в доме печка,
Нет в ней желанного огня.
Он без старухи таял свечкой
И угасал средь бела дня.

А вишня сад запорошила,
От запаха душа пьяна.
С небес его к себе манила
Варвара — верная жена.

Свобода

Судьба моя — как у зелёной ивы,
Всё ветром гнёт в поклоне до земли.
А мне бы слиться с белой конской гривой
И в степь умчаться, упасть на ковыли.

Сродниться с первозданною природой,
Щекой коснуться матери-земли.
И пить глотками сладкую свободу,
Которую вы дать мне не смогли.

И проследить, как в синь взмывает сокол,
И улетаёт за далёкий мыс.
И вслед за ним стремительно, высоко
Взлетит душа и огненная мысль.

Душа моя, как у крылатой птицы,
Всё рвётся в небо, в пламенную высь.
Знать, суждено такую ей родиться,
Так пой, душа, и в облака стремись!

Цветные стихи

День прошёл. И прожит он не зря -
Появилось в свет стихотворение.
Дорога мне творчества стезя
И Небес святое вдохновение.
Красота души в стихах, восторг
Отражаются в минуты озарения.
Для любви здесь пристань и простор,
В них души и сердца откровения...
Ведь стихи, что голуби, живые,
Вехи жизни в них, её штрихи.
И они, как радуга, цветные,
Нет, в стихах словесной шелухи.

г. Новокузнецк.

К теме «Сердцем прикоснись к подвигу» мы обратились не случайно. В этом году наш народ будет отмечать 65 годовщину Великой Победы.

Поэты из литературной студии «Гармония слова» Новокузнецка отнеслись к этой важной дате очень серьезно. Составлен план совместных праздничных мероприятий с Советом ветеранов Новоильинского района (председатель Валентина Трофимовна Зарубина), со школами, библиотеками, Домами ветеранов, клубными организациями. В рамках празднования Дня Победы поэты уже побывали с концертом в школе 94, где классный руководитель 9 класса, поэтесса студии Новикова Любовь Романовна подготовила с учащимися музыкально-литературную композицию о войне для приглашенных ветеранов войны, труженников тыла и детей войны.

Ребята вместе с поэтами из нашей студии читали стихи кузбасских поэтов о войне, пели фронтовые песни с учительницей музыки Максимцевой Региной Александровной. Посетили фронтовиков в Доме ветеранов войны. Пожилые люди со слезами на глазах слушали выступление поэтов и детей.

В Кемеровской области сегодня проживает 76 тысяч 66 ветеранов. Они для нас ковали Победу во время Великой Отечественной войны. И сегодня хочется прикоснуться к самому святому — солдатским письмам и привести строки солдата, погибшего в горниле войны, Ларина Ивана Матвеевича, отца нашего поэта Валерия Ивановича Ларина. И.М.Ларин воевал в звании старшего сержанта, командуя отделением, в составе 1041 стрелкового полка 87 стрелковой дивизии Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Эти подлинные события с фронта помогут нам понять, как были тяжелы военные

годы. Мы опубликуем несколько отрывков из его писем родным и близким.

Одно из них датировано 13 сентября 1942 года. Отправлено из госпиталя в городе Саратове. Ларин И.М. пишет жене Лариной Наталье Васильевне:

«... я жив и здоров, рана заживает, но чувствую себя слабовато, потому что изматался во время боев. Но ничего - скоро поправлюсь...»

А вот отрывок из письма от 18 октября 1943 года, где Иван Матвеевич рассказывает: «... в 1942 бил фрицев, а в этом году буду добывать, а сейчас идем на передовую линию...» В письме написаном 7 февраля 1944 года. Иван Матвеевич дает следующий совет своему племяннику Викторину Огородникову: «Вика, ты просишь моего совета, в какое военное училище тебе поступить. В этом я не могу дать совета... Надо идти туда, где нужен, в общем, идти туда, куда пошлет наша мать Родина. В любом роде войск умереть не страшно за Родину...» Это слова истинного патриота своей Отчизны. Иван Матвеевич Ларин отдал свою жизнь за наше с вами счастье и счастье Родины. Он погиб 1 марта 1944г. После гибели семья получила награды отца: орден «Славы» и медаль «За отвагу». Ларины гордятся своим героем-отцом, помнят и чтят его память. Глубокое уважение выражают фронтовику И.М. Ларину и поэты литературной студии.

Слава павшим бойцам! Память об их подвиге вечна.

Сегодня мы посвящаем свои стихи героям, не вернувшимся с войны, и всем, дожившим до Великого Дня Победы.

С праздником Вас, дорогие ветераны! Счастья Вам, здоровья и мирного неба над нашей землей.

«Сердцем прикоснись к подвигу»

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Подвиг народа

Написана история народа
Мечом и кровью и слезами вдов.
Столетиями кровавые походы
Несли нам смерть и разрушали кров.

С огнем пришел Наполеон и Гитлер,
Но не поддался им родной народ,
Выигрывал сражения и битвы,
Освободив границы, шел вперед.

Сломив врага, он одержал Победу,
И были радостью сердца полны.
По тем местам я с внуками поеду
И поклонюсь защитникам страны.

Остался в прошлом грохот бомб и пушек,
Призывный крик: «В убежище, скорей!»
Всем захотелось на рассвете слушать,
Как распевает в роще соловей.

Пришла пора полям растить пшеницу,
Садам дарить плоды на мирный пир.
Хотелось, чтобы вечно пели птицы,
Светило солнце, воцарился мир.

И нет войны. Проходят мирно годы,
И я со всеми на земле тружусь.
Горжусь великим подвигом народа!
Люблю! Люблю свою святую Русь!

Владимир МОЖАЙСКИЙ

Двадцать второе июня

Помню двадцать второе июня,
День рождения был у меня.
Ночь царил безумной колдуньей
Для рождения нового дня.

Мне исполнилось ровно четыре,
Еще днем мать встречала гостей,
Запах бражного пива в квартире
Разливался, висел и густел.

Я проснулся от чувства тревоги.
В окна полз сероватый рассвет.
На стене, покосившись немного,
Надрывалась «тарелка» чуть свет.

И под черной «тарелкой» стояли
Гости, тесно собравшись гурьбой,
Бражку молча из кружек глотали
С вешемешками за крепкой спиной.

А «тарелка» хрипела, стонала
В теплой, вязкой, густой тишине.

Голос властный вещал Левитана,
Призывал к всенародной войне.

В эту ночь, словно вор, вероломно
Немец тайно рубеж перешел.
Так с войною Великой безмолвно
Мое трудное детство прошло.

Светлана МАТЬЯШ

Слава солдату!

Вы были юными когда-то
И украшением страны.
И, не моргнув, пошли в солдаты,
Когда сверкнул огонь войны.

В лишениях, в тяжелых испытаниях
Свою вы юность провели.
Звучал набат у вас в сознание:
«За Родину! За пядь земли!»

И, не считая время, даты,
Летели в бой, громя врага,
Не уронили честь солдата,
Она была вам дорога.

Благодаря любви и воле
Наш час Победы наступил.
И знамя, красное от крови,
Он над Рейхстагом водрузил.

Не все вернулись в День Победы
С боев за Родину свою.
Но память наша вечной одой
В мольбах за тех, кто не в строю.

Вы наша честь и наша Слава!
Вы нашей Родины оплот!
Солдату Слава! Слава! Слава!
Вас славит Русь и весь народ!

Любовь НОВИКОВА

Алые маки

По полю, по зеленому коверу,
Раскинув руки, девочки бежали,
Смеялись, с ветром споря, и во рву
Подруги замолчали вдруг и встали,

Увидев удивительный цветок.
Цвет алый мак, росой посеребранный.
И девочки спросили: «Как ты смог
Здесь вырасти, среди травы зеленой?»

- В войну здесь кровь героев пролилась,
И вырос я тогда на месте этом.

Но о Победе их мечта сбылась...
Задумались подруги над ответом.

- А он такой же алый, как и кровь
Героев, что сражались здесь когда-то,-
Сказала тихо девочка. И вновь:
- И дедушка мой тоже был солдатом.

Тамара ТИУНОВА

Встреча с солдатом

Тишиной мой поселок объят.
День Победы. И жизнь изменилась.
Где же ты, наш любимый солдат?
Верим мы, что беды не случилось.

Ты измучен суровой войной.
- До Берлина дошел, - твои вести.
Брат родной, ты вернись к нам живой,
Хорошо заживем с тобой вместе...

Встало жаркое солнце с утра,
Мать с ведром молока возвратилась.
Оглянулась - солдат у двора,
И сознание ее помутилось.

Молоко разлилось по земле,
Двор, казалось, куда-то поплыл,
Мать и сын обнялись, как во сне,
На слова даже не было сил.

Сын прижал мать к широкой груди,
Обнял нежно, как раньше бывало,
Бог сберег ей сыночка в пути,
Пело сердце ее, ликovalo!

Галина НОСОВА

Сыны Родины

Тогда, в сорок первом и пятом,
Забыв и про смерть, и про страх,
Совсем молодые солдаты,
Как сталь, закалялись в боях.

В тылу оставались невесты
И матери, дом дорогой...
Солдату пока неизвестно,
Когда он вернется домой.

И дом, и родных вспоминая,
Сжимая винтовку в руках,
Не думал, что пуля шальная
Достанет его и впотымах.

...И часто, войну вспоминая,
На всех языках говорят:
(народная память живая)
- Спасибо, российский солдат!

Наталья ПАЛАТКИНА

Моя мечта

Мечтаю я, чтоб мир был на Земле
И матери не плакали о сыне,
И рано утром по живой росе
Внучок протопал ножками босыми.

Пусть комьями не сыплется земля,
Не стынут звезды сонных обелисков.
И пусть война не трогает меня
И не коснется, не коснется моих близких.

Пусть хватит хлеба людям на века,
Живут пусть все у радости во власти,
И станет утром радуга-дуга
Дорогой вечного земного счастья.

Мечтаю я, чтоб мир был на земле,
Салюты наши праздничными были,
И солнце чтоб не пряталось во мгле,
Чтобы народы вечно в мире жили.

Татьяна ЦЫГАНКОВА

Памятник

неизвестному солдату

Он из бронзы отлит,
Наша память нетленна.
Неизвестный стоит,
Преклоните колено.

Сколько их полегло
В те военные годы!
Но фашизму назло
Поднимал он народы!

Бабий Яр, Бухенвальд,
Черный дым Холокоста,
Он победу ковал,
И сломить дух не просто.

Вперемешку с землей,
Кровь глотая, сквозь пламя,
Смело шел в смертный бой
И держал гордо знамя.

До Рейхстага дошел,
Чтобы мирно нам было,
Но домой не пришел,
Где-то в поле могила.
Солдат Русский стоит,
О нем память нетленна!
Он из бронзы отлит,
Преклоните колено.

Леонид ПЕПЕНИН

Ода ветеранам войны

Ветеранам войны, кто ночами не спит,
Каждый год все труднее дается:
Эхо прошлой войны (память прочно хранит)
Острой болью в груди отзовется.

С каждым годом редуют шеренги солдат.
В день заслуженный, праздник Победы,
Пусть хвалебные речи почаще звучат,
Откровенные льются беседы.

Ветераны войны - это гордость страны,
Незабвенная совесть народа.
Благодарную память вам дарят сыны:
Пусть звучит вам победная ода.

Несмотря ни на что, вы
как прежде в строю:
Ваш рубеж не захвачен врагами.
С вами вместе спасем мы,
как раньше, страну,
Чтобы спать нам спокойно ночами.

Людмила ИНОЗЕМЦЕВА

Вести с войны

Узнала я в глухом тылу
Про очень страшную войну
Еще ребенком малым
От деда и от мамы.

Братишка танки рисовал,
И кот по-мирному сновал
У ног, мурлыча про свое,
Не хуже всех, житье-бытье.

Ни до кота, ни до собак...
Дед молча скручивал табак
В обрывок с сообщением
О битвах и лишениях.

У бабы Насти нос распух,
Огонь в глазах ее потух
От слезной, горькой муки -
Прощаний и разлуки.

Мне было очень мало лет,
Когда вошедший бледный дед,
Хватая воздух, прошептал:
«Я похоронку прочитал,

Принес от сына вам привет».
И сел без сил на табурет.
У мамы слез глаза полны,
Страшнее нет вестей с войны...

Николай МАКСИМОВ

Хатынь

Не позабыт и не забыты...
Годами колокол звенит.
На обелисках кровью вбиты
Сердца и имена в гранит.

Всех тех, кто в этот день тревожный
Не домечтал, не долюбил,
Их нет, и время осторожно
Ровняет холмики могил.

Себя считала виноватой,
Что он погиб, она жива,
Встает над ним крестом распаятым
В бессрочной горести вдова.

В его любимой русской шали
И в лютый холод, и в теплынь.
Блуждая по лицу печалью,
Ей душу бередит Хатынь.

Александр и Валерий ПАРИНЫ

Золотом пишет «ПОБЕДА» Россия,
Кровью, что лили России сыны...
Будем крепки, чтобы злая стихия
Не заслонила мир горем войны!

Любовь ДИДУХ

С литературным творчеством Любови Дидуш читатели альманаха уже знакомы, поскольку в предыдущем номере публиковалась небольшая подборка её стихотворений.

Любовь Семёновна по профессии связист: радист и телеграфист службы движения водного (речного) транспорта. Родилась и выросла на Кубани, жизненные пути-дороги привели её в Кузбасс, жила в Кемерово... В настоящее время живёт в Красноярском крае, в городе Лесосибирске. Имеет двух дочерей и трех внуков. Муж - капитан речного теплохода. Литературным творчеством занимается с детства, серьёзно - последние десять лет. Принимает участие в работе литературных объединений своего города «Зарница» и «Творческая гостиная». Публиковалась в газетах, коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее». Выпустила два сборника стихов: «Позывные любви» и «Позвольте стать вам другом».

«Позвольте стать вам другом»

За окошком белым-бело

Ты давно уже постарел
И не первой свежести я...
Потухает костёр, что так грел
Нас в дни серости бытия.
Не смотри, что яркий наряд,
Я, конечно, не та, не та...
И привычки не те, и взгляд,
Ледяная в душе пустота.
Притупилось волнение чувств,
Тусклый взгляд, как в тумане буй,
Где пылающий пламень уст,
Обещающий поцелуй?
Наше время с тобой ушло,
Аромат черёмухи стих,
За окошком белым-бело —
Это осени поздний мотив.
Но увядший даже цветок
Отзвук лета в себе хранит,
Словно солнца ещё глоток
Жажду памяти утолит.
Защемит сердце бывшим теплом,
Переполнится, затаив
Грусть, тоску и опять как в былом,
Воскресит мне весны мотив.
Что же делать? Тужи, не тужи —
Не вернуть краски лета вновь.
Ты спасибо любви скажи,
Что цвела, созревая кровь.

Наше счастье в настоящем

«Вчера» ушло, а «завтра» - ветер.
Неведомо, что принесёт.
Но есть «сегодня», оно светит
И веру в лучшее даёт!

«Вчера» растаяло снежинкой,
А «завтра» - внешний, хрупкий лёд.
«Вчера» осело паутинкой,
В эпоху прошлого войдёт.

Жизнь кинолентой быстрой вьётся,
И надо всё предусмотреть...
Сегодня право нам даётся —
Исправить, многое успеть.

«Вчера» прошло и не вернётся,
На «завтра» тайная печать,
Ну, а «сегодня» песня льётся —
Как мы позволим ей звучать!

Высшая награда

Не забудь день рождения мамы,
Приезжай, где б ты ни был, не шёл —
Не сухие слова телеграммы,
А тепло в своём сердце нашёл.
Так немного ей надо, пойми же,
Для тебя это суший пустяк,
Посмотри ей в глаза, сядь поближе,
Ей твой взгляд, как надежды маяк.
Расскажи о себе непременно
И скажи, что о ней ты гдустил.
Вспомни детство, как ты вдохновенно

Ей цветы полевые дарил.
И сейчас, к своей старенькой маме
Ты приди, но сейчас — не потом,
Она нежно коснётся губами
Твоих рук, позабыв обо всём.
От лучистого нежного взгляда —
Озарится всё светом вокруг,
Это высшая в жизни награда —
Мамин взгляд и тепло её рук!

Как хорошо с тобой мне

Ты приходишь как-то по-особому...
Быстрые шаги твои легки,
И я вновь до глубины расстрогана,
Чувствуя тепло твоей руки.
Жаркими, осыпав поцелуями,
Долго-долго смотришь на меня,
И, твоею нежностью... балуема,
Всё на свете забываю я...
Страсть моя, до капли сбережённая,
Всё кипит, кипит во мне сильней,
Я, прильнув к груди, изнеможенная,
Утопаю в нежности твоей.
От горячих губ, необъяснимые,
Сладостные токи в глубине.
Мы с тобой самые счастливые...
Как же хорошо с тобой мне!

Я помню...

Вот комната: тихо и пусто.
Давно уже здесь не была,
На сердце тоскливо и грустно,
Я многое здесь поняла.

Я помню: войдёшь ты румяный
(Спешил... От волнения ли?),
Твой взгляд виновато-туманный
Тревожил все мысли мои.

Войдёшь, и засветится светом —
Теплом озарится она,
Глядящая комната в лето,
Где долго жила я одна.

Мы были во власти рассвета,
Что ласку дарил нам двоим,
Ты был для меня лучом света
И был ты восходом моим!..

Цветок любви

Берегите любовь, берегите!
Её очень легко потерять,
Злом, обидою - душу не жгите,
Сердце, этим, зачем засорять!
Берегите любовь... Эту птицу,
Только ласка способна держать
И не надо печалиться, злиться,
Вам друг друга зачем обижать?
Берегите любовь, берегите —
Это чувств ваших дивный цветок,
Восхищайтесь, любя, и цените,
Храня каждый его лепесток.
Берегите любовь, берегите
От чужих и завистливых глаз,

Неустанно от скверны храните
И любовь будет радовать вас.
Берегите любовь — лучик света,
Что так греет и светит в пути,
Берегите любовь! Цветок этот
Будет вам в благодарности цвести.
Берегите любовь и храните —
Это радость, но радость двоих,
Вы любите, всем сердцем любите,
Не считая годочков своих.

Чтобы день оценить — надо ночь пережить

После дней дождливых и ненастных
Будут ещё солнечные дни!
Ты не причисляй себя к несчастным
И на мир с улыбкою взгляни.
Сразу всё вокруг преобразится —
Чёрный цвет хотя бы будет сер,
И увидишь ты другие лица,
И обид уменьшится размер.
Улыбнись! Я знаю, это трудно,
Но светлее станет жизни путь.
Не бросай в шторма своё ты судно,
А мудрейшим капитаном будь.
В жизни нашей всё идёт циклично,
После ночи следует рассвет,
Это всё для каждого привычно,
И для всех, конечно, не секрет.
Бесконечно если б было лето,
Если бы конца день не имел,
Трудно даже и представить это —
День нам быстро всем бы надоел.
Всё проходит: счастье и несчастье,
После осени придёт зима,
Только это всё не в одночасье,
Жизнь подскажет вовремя сама.
Не трезвонь, ликуя от удачи,
И от неудач терпи, не плачь.
Ты грустишь сегодня, это значит —
Радость где-то уж несётся вскачь.
Ночь дана, чтоб люди отдыхали,
В этом сладость ночи, может быть,
Чтобы в нас заботы утихали
И не расхотелось завтра жить.
Как бы мы друг... друга не любили,
Радость встреч — где грусть и боль разлук,
Без того б любви не оценили,
В жизни не случайно всё, не вдруг.
Может, есть отмеренная норма
Сумрачных, а так же ясных дней,
Зато как привольно после шторма —
Как-то всё иначе и светлей.
Мы без ночи — день бы не познали
В суете нахлынувших забот,
Ночь прожив, душой светлее стали,
Достигая мудрости высот...
Вспять идти природе не пытайся,
В жизни всё как есть воспринимай:
Не грусти, не злись, не обижайся —
Как необходимость принимай.
День прошёл, успей им насладиться
И осуществишь свои дела,
И пусть сладко тебе ночью спится,
Чтобы днём жизнь радовать могла.

Людмила ТАНКОВА

Пора сенокосная

Анна вынула из печи румяные ватрушки. Последнюю белую муку извела на них. Все берегла для встречи мужа и сыновей, а вот вчера вдруг поставила сдобное белое тесто, как до войны. Поставила по привычке, как она всегда делала перед началом сенокоса.

Вздохнула, постелила на стол вышитое полотенце, на один конец переложила печиво, другим прикрыла. Вспомнилось, как еще в начале лета поутру просыпалась вся семья. Муж и сыновья шли во двор и долго плескались холодной водой. Солнце к этому времени уже висело над горизонтом и щедро освещало березовый лес по другую сторону села. Так же, как сегодня от земли исходил пар, над сельским прудом толпился туман. Вот только светило поднимется, и пордеет туман, а потом рассеется.

Разгоряченные и веселые её мужчины сажались за стол, ели горячие булочки, запивали парным молоком, потом, взяв узелки с едой, отправлялись на работу.

...Прерывистый вздох всколыхнул тоску в груди: «Где-то они сейчас?»

В один день все трое, вместе с мужчинами села, ушли на фронт. Провожала спокойно, без единой слезинки. Простая русская женщина сердцем чувала, что вернется муж и дети живыми и невредимыми, а потому, дождавшись, когда районная машина с призывниками скроется за лесом, вместе с сельчанами шла от околицы, рассуждая: сколько месяцев продлится эта постылая война.

К уборочной управятся, - убежденно говорила она рыдающим соседкам, - да и дольше-то нельзя никак: хлеба поспеют, так мужская сила надобна будет. Конбайнеров-то, пожалуй, еще раньше отпустят. Как пить дать, отпустят. А уж остальные и будучи добивать гитлеров.

- Тебе хорошо говорить: конбайнеров... У тебя все механизаторы.

- Надо было и своих учить.

Так они дошли до своих опустевших хат и занялись обычными для села делами, твердо веря в скорый конец войны. И хотя в это село еще не пришла ни одна похоронка, а единственное радио, что висело в сельсовете, шипело и хрипело, до селян доходили страшные вести. Кто-то слышал, как в районе одна баба рассказывала, что враги прут несметной силой, и некому их остановить. Почталянка привезла весть о том, что где-то совсем недалеко сожгли живьем целое село: и баб, и стариков, и ребятишек - всех, под корень.

Селян мучила неизвестность. Они шли к леду Арсению, оставшемуся за председателя.

- Арсень, - наступала на нового председателя бабка Наталия, - позвони в район, пушай радиу отремонтируют али рассказжут, как тама, на войне - новая армия допустила в... ли мужики до ват вернуться.

- Сказано вам, что напали на нас, не уп-

редив. Наверное, маневр такой, чтобы заманить немца подале, да тут его и прикончить.

- Ишь че придумали, заманить, - кричали бабы. - Вот товарищ Сталин узнает про их маневр, так быстро бить начнут, а не заманивать.

- Может товарищ Сталин сам велел так.

- Вот и позвони в район.

- Звонил, не отвечает, - отмахивался от баб дед Арсений, - вот сенокос проведем, сам в район поеду да все узнаю.

- Сейчас поезжай, - настаивали бабы.

- Каждая лошадь на счету, - сердился председатель, - а я на целый день её заберу. Косилку-то на себе таскать будете?

Бабы, старики да ребятига уходили в поля. Вечером, подоив корову, Анна выходила на дорогу, по которой уходили муж и сыновья. Она ждала, что из-за берез появится районная машина и вернет дорогих ей людей.

Шли дни, а машина все не появлялась. Где-то на закате гремели далекие грозы. Старики называли такие грозы - хлебозорами. Однако в этом году хлебозоры гремели вечером, днем, ночью. Гремело все ближе и ближе, сжимая сердце русской женщины страшными предчувствиями.

Наступила сенокосная пора, так что лежать и вздыхать было некогда.

...Завязав в холстину три ватрушки, Анна налила в бутылку молока, сходила в огород, сорвала несколько огурцов. Дорога неблизкая. Председатель велел косить дальнюю делянку. Вышла во двор и начала отбивать косу. Раньше это делал муж, а теперь надеяться не на кого. Зима не спросит, кто где был...

С разных концов села доносились петушиное пение и стальной звон отбиваемых кос. Вдруг в сельское утреннее многогололье вплелись нестройные звуки множества машин, будто уборочная началась.

Защемило сердце в предчувствии беды. Анна, так и не выпустив косу из рук, вышла на улицу. Все население глухой деревушки высыпало на выгон.

Со стороны березового леса к селу катил мотоцикл. Раньше на таком приезжал представитель заготконторы. Но за ним выехали еще мотоциклы, потом - грузовики, совсем непохожие на наши полторки. Колонна остановилась около сельсовета. Солдаты в квадратных касках, с диковинными, короткими винтовками, смеясь, разминали ноги.

Чужой отрывистый говор обжог - враги! Откуда они здесь? Где наши? Никто из селян не двинулся с места. Враги оказались простыми и неопасными. Вот вновь прибывшие по-хозяйски двинулись по селу.

К Анне шли двое: невысокий средних лет и полноватый молодой. Ошеломленная женщина стояла, не шелохнувшись. Не знала, что и думать. Вроде бы враги, а так - обычные люди, совсем не похожие на лютых зверей, стреляющих в ребятишек и баб.

Н невысокий, средних лет человек снял квадратную каску, повесил её на изгородь. У него были такие же русые волосы, как и у Анниного мужа.

Повернулся к хозяйке и улыбнулся:

- Матка, брод...

Анна развела руками, дескать, не поняла. Молодой, дернув напарника, что-то ему сказал. Чужих слов женщина не разобрала.

«Не по-нашему говорят», - подумала она. Два немецких солдата, толкнув калитку, прошли мимо Анны. Женщина изумилась: чужие люди заходят во двор, не спросив разрешения. Она посмотрела вслед, затем медленно двинулась за ними, стараясь понять: о чем говорят чужаки.

Солдаты двинулись к крыльцу.

- Ты, почему такой грустный, Ганс? - спросил напарника молодой.

- Письмо из дома получил. Анхен пишет, что соскучилась.

- Ничего, скоро закончим войну, привезешь свою Анхен сюда, построишь ферму... Вон какие кругом поля.

- Я свой дом во сне вижу, его еще мой дед строил, - вздохнул Ганс.

Они поднялись по ступенькам, вошли в хату. В ней царствовал хлебный дух.

Такого за всю свою жизнь Анна не видела: чужие вошли в её хату, как к себе домой, даже сапоги не сняли. В открытую дверь она слышала незнакомую речь. Прощла в сенцы, заглянула в хату, непрошенные гости хозяйничали на кухне...

...- Какие пышки, - дернул конец полотенца молодой, - я посмотрю еще чего-нибудь. Он положил автомат на лавку и начал

ставил на пол и снова нырнул вниз. Невысокий стоял около стола и рассматривал фотографии на стене. Потрогал ту, на которой вся семья Анны в полном сборе. В центре они с Гаврилом, за спиной - сыновья.

Ганс взял в руку ватрушку, понюхал её: так захотелось домой к детям, к жене... Откусил кусок и с наслаждением начал жевать. Такую вкусноту умела стряпать только его Анхен. Он повернулся к окну, ему показалось, что он у себя на кухне, вот к нему идет жена, у неё в руках...

- Положи ватрушку, - раздался от дверей дрожащий женский голос, - не для тебя печено было.

Обернулся. Около порога стояла женщина с косой в руках. Наверное, хозяйка.

- О, матка, гут, гут... - улыбался, дожевывая кусок, непрошенный гость.

Он снял со стены фотографию, показал хозяйке и спросил: «Зольдатен?»

Анна кивнула головой: «Конечно, солдаты».

Она шагнула от порога, протянула руку, что-

шарить по полкам. Около печи увидел крышку в полу. Заглянул в подполье и обнаружил ряд крынок с молоком. Спустился вниз.

Обида хлестанула по сердцу женщины: «Да, что же это делается? Хозяйку не спросив, шастать по углам. Как разбойники...»

В селе истощно завизжал поросенок, что-то быстро затрещало, и поросенок смолк. Прислушалась, везде царил передолох: гогосили бабы, лаяли до хрипоты собаки, кудахтали куры, постоянно слышался быстрый треск, будто большие горошины летели по железной трубе.

Большие горошины покатались где-то рядом, похоже на подворье деда Никиты.

Сердце екнуло, послав по телу ледяную волну страха. Вернулась на крыльцо. Стой стороны изгороди стояли немецкие солдаты, перед ними лежал старый дедов пес Полкан. Из головы фонтанчиком текла кровь. «За что?» - изумилась женщина. Все село знало доброго и покладистого Полкана, который и в молодости-то ни на кого не гавкнул. Сейчас вечный друг детворы был распростерт у чужих сапог. К нему подошел дед Никита, наклонился... но удар приклада свалил старика с ног. Рыжий верзился с хохотом пнул упавшего по лицу, направил на него ствол короткой винтовки... Горошины снова покатались на подворье соседа. Дед Никита дернулся и затих, рубаха на груди намочила, покраснела.

«Господи, что же это делается?» - вскрикнула Анна, испуганно прикрыв рот.

В хате что-то загремело, и хозяйка тихонько прошла в сенцы, шагнула внутрь жилья: из подполья показалась голова чужака, он вытащил крынку со сметаной, по-

бы забрать карточку, но немецкий солдат вдруг избрал пальцами пистолет, как это делают дети, навел «ствол» на мужа... «Пук», - выстрелил он губами. Перевел палец на сыновей... «Пук... пук...пук...» - смеясь расстреливал он изображения на карточке. Потом, видя страх на лице женщины, расхохотался своей шутке, бросил фотографию на пол, наступил на неё грубым сапогом и откусил новый кусок от ватрушки:

- Матка, гут...

В голове у Анны всё перемешалось: залитые кровью дед Никита и его пес, треск и крики по селу и вот этот... со смехом расстреливающий её семью. Тихие «пук...» свинцом входили в сердце, рука опустилась на черенок косы, с силой сжала его...

Выбравшись из подполья, молодой немец наклонился, чтобы поднять крынки с молоком и сметаной.

Анна шагнула вперед, высоко взмахнула косой, но не так, как если бы она на поляне косила траву. В свете невысокого утреннего солнца блеснуло тонкое, узкое лезвие и окрасилось алым цветом...

Схватившись за горло, Ганс с удивлением, медленно оседал на высокблennyй добела пол. Анна подошла, подобрала фотографию, положила себе в карман передника. Посторонилась, чтобы дать непрошенному гостю упасть.

Вслед за стуком упавшего тела, раздалась автоматная очередь. Тихо, словно боясь сломать, Анна оперлась на косу, растеряно посмотрела на молодого немца и стала заваливаться набок...

Так они и лежали рядом: простая русская баба с зажатой в руках косой и невысокий, средних лет немец с застрявшим в горле куском ватрушки.

Тяжёлые медали детей войны

Много написано о солдатах Великой Отечественной войны, их героизме и подвигах. Много написано и о самоотверженном труде в тылу.

Но есть ещё одна сторона войны, про которую говорят скупно. Трудовой подвиг детей войны, которым на долю вместо игр выпала работа у станков и на полях. Когда ушли на фронт родители и братья, это они, пацаны и девчонки, встали на их место. Работали полные взрослые смены, не зная выходных и отпусков. Работали не за страх, а за совесть. Их маленькие руки переделали столько работы, что некоторым взрослым не под силу.

Моей маме, Александре Максимовне Танковой (в девичестве - Захаровой), не поверили, когда она предъявила документы о наградах:

- Да ты же ещё ребенком была во время войны. Откуда у тебя такая медаль?

Действительно, откуда у неё медаль: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», если в 1941 году ей исполнилось всего тринадцать лет?

Мама светлеет лицом. Ее голубые, шалашиком, глаза затуманиваются... Она мыслями далеко-далеко, в том времени, куда нам никогда не попасть. Мама вспоминает свое алтайское детство.

- К нам, в колхоз «Красный городок» известие-то о войне пришло на полдень 22 июня. Это потом мы пели: «Двадцать второго июня, ровно в четыре утра Киев бомбили. Нам объявили, что началась война». А в самом-то деле дядя Сережа Кураев проскакал на коне по деревне и кричал, чтобы все шли к правлению, будет правительственное сообщение.

Мужики и бабы побросали какую-никакую работу, механизаторы с полей вернулись, и все - за речку. Там, в правлении, висело радио. Это вот такая черная, как сковорода, ее еще «тарелкой» называли.

Набилось народу полное правление, дыхнуть негде. Мы, ребятишки, под окнами пристроились, тоже ведь интересно, о чем будет правительственное сообщение. Сидим, придумываем, какое такое сообщение будет. Из окон и дверей табачный дым коромыслом валит, это мужики самокрутки курят.

Председателем у нас был одноногий Михаил Алексеевич Танков. Он до революции воевал германца за царя и Отечество. Ранен был, ему отрезали ногу, и лежал он в госпитале в Петрограде, когда царя скинули. Так он на одной ноге помогал революцию делать. Всю жизнь идейным был, большевиком. Его кулаки стреляли в коллективизацию, но он все равно сделал колхоз, наладил хозяйство. Хороший был председатель, строгий и справедливый. Всегда с урожаем был колхоз.

А в тот день Михаил Алексеевич все мужиков и баб успокаивал. Разговоры о войне давно у колодца обсуждали. Механизаторы из Косихи привозили разные слухи...

И тут по радио объявляют, что Германия вероломно напала на нашу страну. Сначала в правлении стало тихо, так, что было слышно, как мухи на окнах жужжат. Потом вдруг заголосили женщины, как-то страшно, с подвыванием, словно на похоронах.

Мы напугались и попрятались в полынь. Сидим и тоже плачем. Мальчишки говорят: «Пойдемте, посмотрим, что в правлении делается». Мы пошли. В окно заглядываем, а председатель мотает головой и колотит себя по протезу. Деревяшка глухо так гудит, что нам стало еще страшнее.

Мне почему-то показалось, что холщовое платянышко на мне стало каким-то большим, или я так сжалась от страха. Не знаю.

Первые недели войны у нас в Красном городке стоял бабий вой — мужиков

забирали на войну. Посидят в котельной, а потом кто-нибудь из ребят придет, кому придет повестка, а завтра уже к другим идут. Так почти всех и забрали. В колхозе из мужиков остался только Михаил Алексеевич да хворый и никуда не годный бригадир, дядя Саша Трутнев. Его в детстве жеребец копытом в лоб ударил. Бригадирил он хорошо, только совсем немощный был.

Как-то вечером мы уже на полати забрались, а мама квашенку ставила, приходит к нам дядя Саша и говорит маме: «Ты, Дарья, завтра собирай старших ребятишек в поле. Надо пашаницу полоть, а некому. Бабы на ферме да тракторам учатся. Так что собирай в помощь».

Утром мы, со старшим братом Колей, молока попили, мама нам узелок с хлебом да огурцами дала. А за околицей нас уже бригадир ждал. Собрал он всех ребят и повел на поле.

Борозды до самой боровой дороги тянутся, пшеница еще зеленая, а между рядами осот красуется. Если его не выдергать, то затянет посевы, и осенью собирать будет нечего. Мы и раньше ходили осот дергать, когда маме помогали трудодни зарабатывать.

У нас тятя-то еще в Нарыме помер, надеяться было не на кого. Старшие сестры кто где были: Нянчка замуж вышла, Елена на станции в магазин пристроилась и Зою с собой прихватила. Вот мы и остались одни: малышей кормить надо.

Стоим мы у поля пшеничного, а дядя Саша нам говорит: «Дергайте, робятки осот с корнем так, будто Гитлеру голову отрываете». Только Гитлеру голову отрывать было, наверное, попроще.

Осот очень подлое растение, кругом на стебле, листьях острые колючки. За полдня руки в кровь издирались. Перчаток и верхонок в то время не было. Потом

согнуть их было больно. Да и чтобы выдернуть осотину, нужна сила. Солнце печет, спина ноет от усталости, руки в царапинах, но о том, чтобы все бросить и уйти, не было мысли даже.

Потихоньку от дяди Саши мы стали приносить в поле серпы и резать ими сорняк, работа шла споро, но осот поднимался очень быстро. Как-то наш Николай тоже принес серп, только его увидел бригадир и очень рассердился. Дернул за ручку серпа и распластал Коле ладонь до кости. Кровь хлынула ручьем, а дядя Саша еще и ругается. Подоспела мама, она увезла Николая в Барнаул, где ему зашили рану.

Нам бы с подружками клубнику собирать по увалам да на Копанушке плескаться, только время было другое, беспокоеное.

Раным-ранехонько встаем и... куда дядя Саша пошлет: возили волокуши, гребли сено, помогали хлеб убирать. После уборочной посылали колоски собирать.

Много работы переделали наши маленькие руки, много вёрст исходили ноги, а ели мы то, что на огороде вырастет, а когда за огородом смотреть, потому что и мама, и мы все целый день в поле. Хлеб-то на фронт отсылали, там он был нужнее. Вместо хлеба мама пекла лепешки из обсевков, пополам с лебедой и жабреем. От таких лепешек ноги переставали ходить.

Вот мы и ослабли с голодухи. Уйдем утром на жнивьё еще ничего, а оттуда уже ноги не идут. Сяду на увал и плачу: знаю, что идти надо. С тех пор ноги-то у меня болят, а к старости совсем как баготи стали.

Сосенью забрали на войну Николая, потому что ему исполнилось восемнадцать, чуть погодя мобилизовали и сестру Зою. Старшим мужиком у нас в доме остался семилетний брат Витя. Тоже работал с нами вместе, хоть и маленький был. Его мы определяли возить волокуши. Витя с конем хорошо управлялся, как настоящий мужик, еще и прикрикнет: «Нюка баловать у меня!»

Зима выдалась в тот год с крепкими морозами. А надо было возить хлеб на станцию. На переднем возу едет кто-нибудь из взрослых, а потом мы, ребятишки. Мама наденет на меня полушубок, укутает в платки так, что я повернуться не могу. Посадят меня на воз, как копну, только чтобы кто-нибудь управлял конем. Вот и еду, везу хлеб для фронта и в мороз, и в метель. Кругом белым-бело, и только обоз тянется по дороге.

Самое страшное заснуть в обозе на возу: или замерзнешь, или под полозья свалишься.

Случалось зимой так, что у нас выдавалось свободное время. Председатель и бригадир тут как тут. Соберут нас, ребятишек, у кого-нибудь в избе попросторнее.

- Рукавицы фронту нужны, - скажет дядя Саша. - Вяжите, девчонки, рукавицы с одним пальцем, чтобы солдатам ловчее было фрицев бить...

Горит керосиновая лампа, вокруг мы, девчонки, вяжем да песни поем, голову поднять некогда.

Работы на селе всегда много, а работников — нехватка. Потому и привлекали нас всюду.

Некоторые девчонки иногда оставались дома, чтобы передохнуть, а мне да подружке моей, Валечке Буймовой, не до отдыха. Семьи большие. Не было в эти годы праздников.

Весной приходилось нам пахать на быках, коней-то всех на фронт отправили. Это только сказать легко: «Пахать на быках». Бык - животное ленивая и капризная, устанет, и не своротишь его ничем с места. Вот и наш бык Борька завалится в борозду и полеживает, а мы бегаем вокруг него, плачем, уговариваем лодыря. Хорошо, если дядя Саша придет, да бичом и матами поднимет бычару, плохо, когда помочь некому.

Поднимет быка бригадир, и снова мы пашем: одна впереди идет, тянет Борьку за собой, а другая сзади за плуг держится. За день умаемся так, что вечером на ходу засыпаем. А было нам тогда, на второй год войны, уже по четырнадцать лет.

Тут новая беда свалилась на нашу семью. На Николая пришла похоронка. Погиб он при переправе реки Дон. От него не осталось даже фотографии. А какой он был добрый, мухи не обидел.

О школе мечтать не приходилось, потому что с пятого класса учили в Каркавино, а это в пяти километрах от нашего села. В худой одежке и обувке далеко не уйдешь. Я плакала, маму просила отпустить в школу, а она плакала и не отпускала, потому что не во что было одеть меня. Потому и осталась у меня грамотешка на четыре класса только.

Я была худенькой, невысокой, но очень прилежной и исполнительной, а потому часто хвалил меня наш председатель за работу. А уж сё-то было невпроворот.

Только отсеются в колхозе, уж и сено косить надо, осенью - уборочная. Так всё время мы, ребятишки, в поле и жили, и работали.

Приедем в субботу вечером домой, в бане вымоемся, на вечерку сбегаем. Вот и вся радость тех времён, весь отдых. В воскресенье утром снова в поле. Но никто от работы не бежал. Ленивых не было. Зимой полегче было. Сено возили да в обозы ходили.

Мальчишкам приходилось не только пахать, но и работать наравне с мужиками. Силёнок-то было маловато, потому случались и беды.

Как-то брат Витя при перевозке брёвен, на спуске, попал под воз и погиб. Мама, а твоя бабушка, почуяла беду, бросилась к дороге через согру. Одна бревна с воза сбросила, только поздно было. Но нам даже горевать и плакать приходилось на работе.

Это уже в сорок пятом Михаил Алексеевич представил нас, девчонок, наравне с женщинами к наградам, медалям «За доблестный труд». А пришли награды после Победы.

Помню хорошо тот день, по радио Левитан сказал, что Победа, и больше войны нет. Мы все смеялись, плакали, обнимались и танцевали. Такой светлый, солнечный день был, как сейчас помню.

После войны, уже в сорок седьмом, вернулся с фронта сын председателя Михаила Алексеевича, Сашка Танков. А мы в тот день перебирали семенную пшеницу. Он заходит в военной форме, такой бравый солдат... и так на меня посмотрел. Только председателю не понравилось, что его сын на мне собрался жениться. Хотел он на богатой Катке женить, только Сашка уперся, с отцом поспорил. Сам дом построил, в нем мы и стали жить.

И в колхозе, и потом, когда уехали в Сталинск, я всегда была на хорошем счету. Награждали меня, премии выписывали. Только вот эта медаль досталась мне тяжелее всего.

...Мама снова задумывается, потирает натруженные нелегкой работой руки. Сколько их, детских рук, трудилось в тылу, чтобы фронт не нуждался ни в чем? Сколько тягот и лишений перенесли дети наравне со взрослыми? Да, тяжелые были их медали.

Последний день его войны

Рисунок Олеса ГОЛОВИЧЕВА.

Семен Привалов шел по светлому лугу.

Ветер. Ослепительное солнце выжигало все кругом, сковывало руки и ноги, от этого становилось тяжело идти. Ноги топтались на месте, будто пробуксовывали.

Справа на лугу каплями начали расцветать красные, как кровь, маки. Они стали перебегать с места на место. Чем ближе подбегали они к Семену, тем больше и кустистее становились. Хотелось бежать от назойливых цветов, но ватные ноги не отрывались от земли.

Совсем рядом громадный, алый мак с треском распустил лепестки, вцепился в тело колючими листьями, превратившись в чертополох. Хотелось кричать - кричал, не слыша своего голоса.

Теплые мягкие руки оторвали колючки от тела. Это мама. Семен совсем не помнил ее лица, только руки, хотя, когда она померла, ему исполнилось двенадцать лет.

«Семенушка», - позвала мама. Голос становился все грубее и скрипучее.

Семенушка, Семен, - тряс за плечо Тихон Тишаков, дорогой друг и товарищ.

Сон медленно рассеивался, и сознание, нехотя, возвращалось со светлого алтайского луга в промозглость окопа под Грозным. Хотел оттолкнуть руки товарища, не смог. Руки и ноги оказались скованными так, будто на них кандалы надели.

Не рыпайся сильно, - тянуче сказал Тихон, - ночью дождь моросил, как ты пришел. Вот, а теперь морозец прихватил шинельку. Так, что ты сиди, а я по тебе постучу.

Лучше ты по нему потопчись, - пробурчал Поликарпыч. - Молодость, как дурость, ни о чем не думает. Россея - это тебе не Сибирь, здесь и в феврале, как у нас осенью: дождь идет, да следом за собой мороз ведет. Вот ты завалился мокрый спать, тебя и скужило. Да не дергайся сильно, а то галифе сломаешь.

А Семену галифе сломать, что до девки сбежать, - загоготал Данило Питерский.

Привалов уже совсем проснулся, понял, что вся его амуниция закована морозом в ледяные латы. Пехота вокруг уже готова была потешиться над бессильем человека в морозном панцире.

Э-э-х!, - Семен подпрыгнул на месте. Как сидел скрученный, да с пеленутый, так и подпрыгнул. Ну, тебе лягушонок на болоте.

Эн-ка, лруг Тишаня, полержи-ка винтовки твои.

Солдаты в окопе подняли головы, что-то еще выкамурит этот баламут Семен.

Молодой, высокий и очень худой солдат в смерзшейся шинели подпрыгнул еще раз, но упал на бок - ни шинель, ни галифе не хотели распрямляться. Поднялся на четвереньки и безразлично сказал:

Собьешь прицел у винтовки, а она и обидится. Вместо того, чтобы по фрицам стрелять, начнет пулять по дружку моему, Тихону Тишакову.

Врешь... - недоверчиво пробормотал дружок, но винтовку бережно взял на руки, как берут дите.

Да ему соврать, не дорого взять, - хмыкнул Поликарпыч, - вон Сидорчукин до сих пор котелок носит на веревке спереди, чтобы вражины не отстрелили его мужскую честь.

И ниче не ношу, - быстро замигал глазами Сидорчукин, нервно щипая рыжие брови, - он сам туда сползат..

Эн-ка, комрады, - снова подпрыгнул на корточках Привалов, - расступись, дай-те поджожать.

Никто тебе и не застит свет, - моргал белесыми веками Сидорчукин, - только куда уж боле тебе дрожать. Поди весь прикоченел.

Вот рязанский, ты и есть рязанский, - Семен прыжками разминал ледяные окопы, - разве не знаешь, что в этом деле главное - крепко дрожать, лед сам рассыпается, как фрицы от вида «тридцать четверок».

Солдат плюхнулся на землю и давай по ней кататься да подпрыгивать. Тишаков в это время, молча, сидел, прислонившись к брустверу и нежно прижимая к себе винтовку. Он с интересом наблюдал за действиями друга.

Минут через пять шинель и галифе высвободились из ледового плена, и Семен смог распрямиться.

Эх, братцы, - с наслаждением потянулся Привалов, - сейчас бы хорошего борща, да под бок теплую бабочку. Слушай, Сидорчукин, тебе какие больше нравятся: белые или черные?

Тебе-то до этого, како дело?

Мне кажется, что у нас с тобой вкусы совпадают.

- И че?

Сидорчукин обосс, что медсестричка Катя не может придумать за кого ей замуж пойти. Когда на меня смотрит, а когда все глаза отмозолит от тебя. Но на тебя с такой лаской глядит, что я прям обзавидовался.

Сидорчукин пошмыгал веснушчатым носом, недоверчиво посмотрел на Привалова, потом стал выглядывать из окопа в сторону блиндажа для медсестер. Поликарпыч отвернулся от молодых солдат, вынул из кармана гимнастерки аккуратно сложенную газету, оторвал от нее ровный прямоугольник, медленно достал кисет, выщипнул из него ароматной махорки и с наслаждением начал скручивать цыгарку. Потромбовал табак пальцем, языком провел по краю бумаги и еще раз подкрутил, склеивая. Чиркнул спичкой по краю коробка и, пряча огонек в плотную горсть, закурил.

Что ж ты, Поликарпыч, друзей махорочкой не угостишь? - усмехнулся Привалов.

Таких друзей моя бабка продавала в базарный день по пятаку за пучок.

Дешево же ты дружбу держишь, - посерьезней солдат и, повернувшись к пехоте, командным голосом сказал: - Отныне Поликарпыча окликать торжественно и по фамилии. Урядового Пузынькова нет среди вас друзей.

Ты, Семен, здесь человек временный, - сердито обернулся Поликарпыч, - сходил на позиции, пострелял и отбыл, а нам здесь вместе в атаку идти. Не баламуть народ.

Есть, товарищ Пузыньков! - отдал ему честь Привалов, потом вдруг запел частушки и пошел вприсядку по окопу:

Сапоги мои худые,
Больше нету никаких.
Блохи прыгали по пузу,
Я поплеывал на них.

...Сплюнул в сердцах Поликарпыч, ткнул самокрутку ближайшему солдату и, согнувшись, пошел в другой конец окопа, бурча: «Ну все, попал на язык трепачу, теперь пока не перемелет».

Со стороны вражеских окопов начался ежедневный артобстрел.

По немцу сверять часы можно, - говорили солдаты, прижимаясь к глиняному борту.

А что, оне позавтракали, - ехидно заговорил невысокий кряжистый мужик, - а до нас никак полевая кухня доехать не может,

все ждут, когда нас фрицы снарядами «накормят». Глядишь, и едоков станет меньше.

Ты, Глебов, меньше трепли языком, пока свои не «накормили», а то и в бой не успеешь сходить, как за шею притянут.

Окопная жизнь, - довольно протянул Семен, - она для пехоты самая красивая. И что в ней самое главное?

Чтобы артобстрелов было поменьше, - проговорил Сидорчукин, все пытаясь разглядеть медсанчасть.

Короткий ты человек. Главное, не высовывайся, чтобы немец тебя не увидел.

Да он чуть выше винтовки, - захохотал Данило Питерский, - где уж немцу его увидеть.

Почему это меня не увидит немец, позиции то недалеко, вон даже их песни слышать, - обиделся Сидорчукин.

Если тебя увидят враги, у них прицелы собьются и сразу наступление начнется.

Это почему?

Наблюдатели ослепнут от твоей рыжины и решат, что им приказ на наступление пришел.

Сидорчукин медленно отвернулся под хохот бойцов.

Снаряды стали ложиться гуще и чаще. Из-за бруствера послышался голос повара Николая Матвеевича:

Мужики, я завтрак привез, принимай.

Ты бы его еще ночью привез, - беззлочно ругались бойцы, принимая термоса с кашей.

Но открыть термоса не было никакой возможности, комья земли сыпались так густо, что даже Семен, и тот рта не раскрывал.

Да, законину их в перехлест, - заругался вдруг Привалов, - мне скоро на позицию выдвигаться, я, что голодный идти должен.

А ты попроси фрицев, пусть перестанут стрелять, - отомстил Сидорчукин обидчику.

Вот ведь есть в тебе мысли, - обрадовано хлопнул бойца Семен.

Он приподнялся немного, чтобы только немного видеть вражеские позиции. Сложил руки рупором и что есть мочи закричал: «Фриц, а, фриц, кончай стрелять, дай позавтракать». Помолчал и снова крикнул: «Дай позавтракать».

На немецких позициях наступила тишина и оттуда послышалось: «Латно, савтракай».

Ровно через полчаса вражеская артиллерия снова начала обработку местности. Снаряды ложились кучно перед окопами, не задевая боевое расположение. Особенно тщательно обрабатывали небольшой лесок на нейтральной полосе.

Привалов, опять народ баламутишь, - из хода сообщения появился старшина.

Никак нет, обучаю новичков премудростям окопной войны.

А зачем с немцами говорил? Там уж политруку доложили.

Кушать очень хотелось.

Кому другому уж давно бы голову отвернули, - хлопнул по плечу старшина, - тебя пока милуют, больно зоркий ты.

Так мы алтайские двузильные, так ведь Тишаня, - окликнул Привалов своего друга.

Хитрый ты, Семен, вовремя с позиции ушел. Я-то думал, что ты струхнул. А немец-то по тебе долбит целый день, ишь, всю полосу перелаял.

Ты, старшина, думай меньше. Как начнет стихать обстрел, пошуми на левом фланге, чтобы я мог уйти.

Капитан не велел тебе сегодня ходить.

Может и не надо ходить, а надо. Я там вчера за приметил - стеклышко взблескивает. Уж не снайпера ли фрицы себе завели. Хочу приглядеться.

Семен проводил взглядом старшину, надел масклат и начал разворачивать винтовку.

Тихон протянул другу варежки:

Свои-то ты потерял, а эти из посылки. Теплые, теплые. А то тебе сидеть-то долго.

Ладно, бывай, - ткнул его в плечо При-

валов, - постараюсь не потерять. Да, гляди не высывайся, а то шальную словишь, что я твоим скажу.

- Сам потише, - засопел Тихон.

...Уже сидя среди ветвей старой сломанной березы, Семен передернул плечами: как-то Тихон сегодня проводил его не так. «Не высывался бы он лишней раз, глупо в обороне погибать».

Обжил место, приладил винтовку. Эту березку снайпер Семен Привалов облюбовал давно, но все берег для особого случая. Дерево старое, корявое с изогнутым стволом. Ветви толстые, обломанные — так что есть где расположиться.

Особый случай подоспел. В немецких окопах появилось не только движение, но и офицерских фуражек стало много, да и стеклышко взблеснувшее его тревожило.

Если бы с той стороны выбирать позицию ему, то он бы выбрал разваленный сарай за дорогой, или разбитые тигры на холме...

Семен в прицел медленно осматривал немецкие позиции, местность вокруг них. Ведь видел же он то стеклышко, и это не было случайностью.

Медленно шли часы, но уйти с позиции можно было только ночью. Промозгло крепчал мороз. Вроде бы и не холодно, а сырость да ветер до костей пробирали. «Н-да, Россей...»

Короткий февральский день собирался на закат. Привалов уже совсем потерял надежду на то, чтобы обнаружить вражеского снайпера. Притулился к белому стволу, чтобы дожидаться темноты. Вспоминавая свою дневную выходку, усмехнулся: «Видно не все немцы — фашисты, есть среди них и люди. И чего они сюда пришли?»

Семен скользнул взглядом по полю и краем глаза увидел, как на чердаке сарая блеснуло стекло. Сомнений не было — снайпер.

Снять снайпера было делом техники, и Семен начал собираться. Надо было срочно менять позицию, рассчитывать на то, что его не вычислят — нельзя. Больно много он насыпал перцу на хвост фрицам.

Напоследок глянул в прицел, провел по окопам...

За бруствером шел немецкий офицер. Лощеный, в чистенькой одежде. Тросточкой помахивает. Оглянулся, словно в душу Семену поглядел. В голове пронеслись виды сожженного села, груды наваленные тела пострелянных баб и ребятешек. Кровь прилила к сердцу, стало трудно дышать.

- Ах, ты гада в кочерыжку, и такая мразь по земле ходит..

Палец сам нажал на спусковой крючок. Офицер вздрогнул, по лбу побежал красный ручеек... Алтайский паренек, словно замороженный, смотрел в прицел, он ждал, когда враг упадет.

Ончулся от наваждения только когда услышал первый разрыв снаряда. Артиллерия била по леску, по его березе. Хотел спрыгнуть, но рядом расцвел огненный мак...

По хлебному полю навстречу мужчина и женщина. Семен уже мог различать их лица: это были его родители. Семен узнал и мать, и отца, хотя понимал, что никогда не видел отца, тот помер за три месяца до его рождения. А тут идут к нему, а видеть не видят.

Мать только голову повернула да сказала: «Не срок тебе, Семенушка, с нами».

...От этих слов боль резанула по голове, схватилась цепкими, жадными лапами за тело и начала скручивать его. Перед глазами стояла тьма. Попробовал вырваться из липких объятий, но пошевелиться не смог.

«Товарищ военврач, - донесся до слуха тоненький девичий голосок, - боец в себя приходит».

Через силу открыл левый глаз. В щель

меж веками вкатился в душу свет от белого зимнего дня, что расстился за окном полевого госпиталя. Чья-то седая голова закрыла свет.

«Уйди», - хотел сказать Семен, но губы не разжались.

- Уже хорошо, - сказал мужской голос, - раз пришел в себя, может быть и выживет.

Сознание то растворяло мир, то возвращало его снова. Боли не становилось меньше. Появилось беспокойство: как там друг Тишаня, началось ли наступление, или все еще часть в обороне сидит? Хотелось побыстрее снова на передовую к своим ребятам, но для этого надо было победить боль.

Ончулся как-то обыденно, словно проснулся дома поутру. Рядом с ним хлопотала курносая девушка.

- Тебя как зовут? - спросил ее Привалов.

- Нина.

- Сильно меня побил?

- Сильно, - обреченно вздохнула медсестра, - вон товарищ военврач собирает тебе ногу и руку ампутировать. Гангрены боится.

- Пусть и не думает даже меня резать, - хотел приподняться боец, но боль свалила его на кровать, пересиливая боль, добавил: - Не дам.

- Ишь, какой прыткий, - подошел мужчина в белом с ржавыми пятнами халате, - не успел прийти в себя, а уж командует.

- Товарищ военврач, оставь меня - как есть, - прохрипел Семен, - заживет, как на собаке, я же алтайский двуужильный.

- Гангрены боюсь.

- Мы же мужики, чего же мы бабенки испугаемся?

- Какой бабенки, - не понял врач.

- Да гангрены твоей.

Хирург устало рассмеялся: «Ну, раз шутить вздумал, значит, точно выживешь, а вот оперировать все равно надо. В тебе столько железа, что на целый самолет хватит. Вынимать надо».

...Придя в себя после операции, Семен, прежде всего, попробовал пошевелить руками и ногами. С удовлетворением отметил, что все части тела в наличии.

- Ну, герой, - подошел к нему военврач, высыпал на стол кучу осколков, - ты в двух рубашках родился. Этих вот я смог достать, остальных - побоялся. Особенно из головы опасно трогать.

- Мне лишь бы... к своим ребятам вернуться... Там друг Тишка... Вместе выросли... Вместе воюем...

Говорить было трудно, но бойцу хотелось объяснить доктору, что он не намерен долго прохладиться в госпитале.

Военврач похлопал его по здоровой левой руке, и горько усмехнулся:

- Твоя война уже закончилась. К вечеру будет транспорт, отправим в тыловой госпиталь. Глядишь, сколько-нибудь проживешь с божьей помощью. Ты парень красивый, хоть и увечный, так что бабы прокормят.

Эпилог

И остался снайпер Привалов с божьей помощью в этой жизни. Он создал семью, где выросло четверо детей. Сделал все, чтобы его дети не остались сиротами как он, а получили образование. Работал не покладая рук, за бабы спины не прятался, ранами своими не кичился, не правых правил, бывало и по-мужски, если слов не понимали. Дождался Семен Петрович не только внуков, но и правнуков. В возрасте 92 лет встречает 65-летие Великой Победы.

О своей судьбе он говорит: «Врагов наших целый пульман наберется, и все они повылетали, как пробки, а я, Семенушка, здесь родился, всегда был тут в этой жизни и всегда буду».

Дождь Победы над братской могилой

Золотой день Победы,
Голубая весна,
Поседевшая рать ветеранов.
И гранита плита
Не от крови красна -
От весенних и нежных тюльпанов.
Скорбь доживших солдат,
Слезы вдов и сирот
Над плитой могильной скопились
И весенним дождем
На скорбящий народ,
На спасенную землю пролились.
Плачет старый солдат
О погибших друзьях,
О годах той войны опаленных.
Вперемешку текут
Слезы, дождь по щекам
Стариков сединой убеленных.
Плачет небо и день
О мальчишках Земли,
Что героически погибли в окопах.

Плачет ивовый куст
О сиротах войны,
О солдатах умерших до срока.
Не вините дожди,
Что на праздник пришли,
Промочили зонты и рубашки.
В день Победы святой
Души павших сошли,
Опустились на ваши ладошки.
По медалям пролились,
По морщинам, рукам,
Обнимают друзей постаревших.
Как хотелось бы им
Прикоснуться к сердцам,
В топке страшной войны обгоревших.
Просят души солдат,
Чтобы внуки росли,
Чтобы люди друг друга любили ...
И дождями они
К нам сегодня пришли,
За ошибки они нас простили.

Монолог ветерана

Я очень рад,
что я живым вернулся,
Что дожил я до столь преклонных лет,
И что сегодня утром я проснулся,
И что осколок вынут наконец.
Я очень рад...

Но больно ранят душу
Заросшие могилы тех солдат,
Что погибли за свободу нашу,
Пройдя сквозь взрыв,

огонь,
и дым,
и ад.

Мы победили.
Но какой ценою?

Ценою крови и ценой любви.
И вот теперь над истиной простою
Юнец смеётся...

Господи прости!

Нас осуждают,
что мы победили,

Что поднимали из руин страну,
За то, что внуков мы своих любили,
За старость беспокойную свою.
И на пиру,

в застольные мгновенья
Я поднимаю первый свой бокал
За всех ушедших в смерти измеренье,
За тех солдат,

кто смертью храбрых пал.
Пред ними я коленопреклоненный
И водку горше горя отхлебну.
Я поминаю смерчем унесенных
Героев,
спасших жизнь и тишину.

Я рад,
что я живым вернулся,
Что подрастают внуки у меня.
Им лучший жребий,
жребий "жить" достался,
Продолжить наши планы и дела.

Поседевший парад

Как далёк этот день,
По ночам вас не будит тревога,
Стёкла мирной избы
Не затянуты тёмным тряпьем.

И давно для детей
Вы не просите мира у Бога,
И не слышен опять
Вой сирены над вашим жильём.

Мир давно залечил,
Зализал свои горести, раны.
И окопы сейчас
Не заметны в лесах под Москвой.

Но в ненастье болят
На груди вашей старые раны,
Да по сердцу хлестнёт
Запоздалой горючей слезой.

Поседел виски,
И походка помедленней стала.
Поредели ряды
На торжественных сборах весной.

Вы простите сынов,
Что внимания дарят вам мало,
Что вы часто одни
Со своею нелёгкой судьбой.

На холодный гранит
Лягут пышные ветки сирени.
Их положат к огню
благодарные внуки солдат.

Пусть сегодня звучат
Ноты тихой и нежной свирели,
Принимая уже поседевший
Победы парад.

г. Новокузнецк.

Владимир НЕУНЫВАХИН

ДВЕ ПУЛИ

Роман Константинович, мужик солидный, с брюшком и седой шевелюрой, руководитель крупного предприятия, привыкший к кабинетному стилю работы, в последнее время заметно стал тяжел на подъем.

Роман Константинович и сам, чувствуя сбой в сердце, стал подумывать об уходе на пенсию. Да только страшновато было ломать установившийся порядок и ритм жизни. А ломать, наверное, придется - как ни как шестой десяток разменял. Вот и мать в письмах просит поберечься, оставить «нервотрепную» работу и уйти на заслуженный отдых.

Милая мама... Она всегда с любовью и нежностью заботилась о нем: и когда ему было десять лет, и когда стало двадцать; и когда у него появились дети - ее внуки. Не притупились ее чувства и сейчас, а ведь самой далеко за восемьдесят.

Она давно зовет его с семьей, с внуками и правнуками в гости в тихий, патриархальный городок, где в послевоенные голодные годы прошло его детство, учеба в школе, вплоть до поступления в институт в крупнейшем промышленном центре. С тех пор Роман Константинович бывал у матери только проездом, при возвращении с курортов Черноморского побережья и реже - при следовании на юг. Приезжал на день - два не более.

Телеграмму от матери принесли Роману Константиновичу поздно вечером. «Сынок, - телеграфировала мать, - приезжай здоровьем плохое». Защемило сердце, застучало в висках.

...Мать сильно сдала, сгорбилась, ее голова и руки заметно тряслись, но была еще на ногах. Она очень обрадовалась появлению сына, всплакнула и засуетилась на кухне.

- Ты как надумал-то? Проездом или что-то случилось? - выглянула она из кухни.

- У нас все хорошо. Все живы и здоровы. Ты-то, мама, как себя чувствуешь? И потом, почему ты спрашиваешь о причинах моего приезда? Не ты ли давала мне телеграмму?

- Какую телеграмму? - удивилась мать, а когда прочитала текст, рассмеялась.

- Ну, надо же, узнаю руку Наташи Куликовой. Это дочка соседки на общественной площадке, частая моя гостья. Когда жаловалась я ей, что ты редко приезжаешь в гости. Вот она и дала телеграмму, чудачка.

Роман Константинович рассмеялся вместе с матерью. Он нисколько не рассердился на соседскую девушку - иначе он так и не нашел бы времени для поездки к матери.

На третий день, когда Роман Константинович собирался домой, мать сникла и еще больше выглядела постаревшей. Накануне его отъезда достала из старинной шкатулки с облупившейся краской маленький узелок из пожелтевшей марли.

- Помнишь, я тебе рассказывала, когда ты окончил школу, историю узелка из бинта?

Мать развязала узелок, на ее морщинистой ладони тускло блеснули почерневшей медью две пули.

- Я хочу, чтобы ты сохранил пули и передал их внукам. Это напоминание о женщине, которая, жертвуя собой, спасла тебе, а, возможно, и мне жизнь.

- Я плохо помню, мама, эту историю. Расскажи, пожалуйста.

***

Более двух часов разговаривали, сидя на скамейке в привокзальном скверике, милостивая смуглая женщина в потертом драповом пальто и худенькая с бледным лицом девушка-лейтенант медслужбы в военной шинели и шапке-ушанке.

Неподалеку, одетый в умело перешитую из военного ватника куртку, маленький мальчик лет пяти кормил голубей, которые безбоязненно сновали и клевали крошки у самых ног малыша.

Женщина, слушая военврача, часто подносила платок к глазам. Она благодарно смотрела на собеседницу и с нескрываемой нежностью изредка касалась вздрагивающими пальцами рукава ее шинели...

...Немецкий пулеметчик засел на чердаке углового дома и простреливал каждый метр заснеженной городской площади и прилегающую к ней центральную улицу. Санинструктор Стеша, прижавшись к вышеренной кирпичной стене, выжидала удобную минуту, чтобы проскочить на другую сторону улицы. Надо только как можно плотнее упереться спиной в холодную шероховатую кладку и, резко оттолкнувшись, на одном дыхании рвануться вперед. Тогда можно успеть добежать до противоположного дома, в подвале которого располагался временный перевязочный пункт.

«Пора!» - решила Стеша, как только смолкла очередь фашистского пулеметчика. И вдруг увидела, как из-за угла соседнего дома, не спеша, на открытом пространстве простреливаемой улицы показалась крошечная фигурка, укутанная в непомерно большую женскую жакетку, крест-накрест перевязанную за спиной серой шалью.

- Ребе-енок... - похолодев, прошептала Стеша.

И тут же впереди малыша взметнулись снежные фонтанчики. Ребенок остановился, с интересом посмотрел на фонтанчики, снова шагнул вперед и вдруг, тоненько вскрикнув, рухнул на снег...

Стеша рванулась к малышу, в несколько прыжков была уже рядом с ним, схватила на руки. Пули веером ударили в стену над ее головой, обожгли кирпичной стеной. Стеша, закрывая собой ребенка, рванулась к перевязочному пункту. Не добежав, почувствовала, как ударило

сзади в плечо, и обжигающая боль растеклась по правой стороне тела.

Она с трудом добралась до подвала, где располагалась медчасть и, чувствуя, как красная пелена застилает глаза, опустилась на битый кирпич у входа.

- Доктора... скорее... - спекшимися губами прохрипела она.

Подбежавший санитар принял из ее слабых рук безжизненное тельце ребенка...

Стеша очнулась утром вскоре после операции. Хирург, военврач медсанбата склонился над ее изголовьем.

- Как девочка? Жива? - еле слышно прошептала Стеша.

- Почему девочка? Мальчик.

- Правда? - раскрыла удивленные глаза Стеша. - А я думала...

- Жив, жив. Не волнуйся. Ранен, но не опасно. Хороший мальчуган. Где ты нашла такого?

- Там больше нет, - слабо улыбнулась Стеша. - Один был...

Врач хотел уйти, но вернулся.

- Держи на память, - и положил поверх одеяла маленький сверточек из бинта. - Это тебе и твоему спасенному пацаненку гостинец от фашистского пулеметчика...

Наступил март. Снег почти сошел, лишь в тени развалин кое-где сохранились еще осевшие, грязные, ноздреватые сугробы. За окнами госпиталя звенела капель, ворковали голуби. Линия фронта отодвинулась далеко на запад. Город залечивал раны. Расчищались мостовые, восстанавливались дома, возобновилось движение трамваев.

Рана Стеши затянулась, однако рука все еще была на повязке. Пошел на поправку и спасенный ею мальчик. Было ему лет пять, не более. Мальчик был хорошеньким: темно-русые, курчавые волосы, огромные глаза, припухлые, как будто накрашенные губы.

Стеша упростила военврача перевести мальчика в ее палату. Кормила с ложечки, напевала ему вечерами песенки, которые слышала в детстве от матери. Когда ребенок спал, подолгу сидела, склонившись над ним, и с тревогой думала, что будет с малышом, когда их выпишут из госпиталя? Найдется ли его мать? Ей пора было возвращаться в медсанбат. А она привязалась к мальчонке.

Раненое бедро малыша почти зажило. Он начал ходить. Трогательно прихрамывая, он ковлял по палате и коридорам госпиталя, а устав, забирался к Стеше на кровать и затихал, прижавшись к ее плечу.

Еще в первый день, когда мальчика перевели к ней в палату, она спросила его: - Как тебя зовут?

- Рома... Мама звала Ромашкой, а я потерялся...

Недели через две утром Рома спросонья потянулся к Стеше, обхватил теплыми руками за шею и прошептал: «Мама-а... Девушка замерла. Сердце защемило в сладкой истоме. На глаза навернулись слезы...

Ко дню выписки из госпиталя санитары помогли Стеше пережить для мальчика солдатский ватник, а военврач где-то достал очень маленькие сапожки. Так, общими усилиями ребенок был одет.

После выписки из госпиталя Стеше предоставили отпуск для поездки домой на Урал. Она с болью в сердце принялась за поиски матери или близких мальчугана, хотя в душе надеялась, что никто не найдет. Знала, что грешно так думать, тем более желать этого, но ничего с собой поделаться не могла.

Бродя с мальчиком по городку, Стеша тихо спрашивала:

- Рома, где ты раньше жил... с мамой?

- В большом-большом доме. Вот... в этом, - и указывала пальчиком в очередное кирпичное здание.

Так, в бесплодных поисках прошло три дня. Все, кто встречался, вздыхали, ви-

новато смотрели на девушку в военном, а женщины, выслушав Стешу, смаргивали набежавшие слезы и охотно соглашались приютить мальчику у себя, пока найдется его родители. Стеша, поблагодарив сердобольных женщин, в очередной раз подхватывала малыша на руки и торопливо уходила.

Обшарив весь город, Стеша, наконец, облегченно вздохнула и, повеселев, отправилась на вокзал. Оформила в военной комендатуре проездные документы до родного города на Урале и, крепко сжимая в своей ладони Ромкину руку, вышла на перрон.

До отхода поезда оставалось больше трех часов. На перроне толпился народ. Из приходящих составов выплескивались все новые и новые толпы людей. В город возвращались беженцы, его прежние жители, кто с узлами, котомками и чемоданами, а кто и налегке.

Стеша присела в скверике на скамейку, сняла вещмешок. Рома бегал за голубями, снующими по дорожке. Девушка улыбалась, потому что сделала все, чтобы найти родственников мальчику, кто виноват в том, что они не нашлись. Повидимому, все погибли. «Сейчас поедем с ним домой, оставлю Рому с мамой, закончится война, вернусь и проживем», - думала она.

- Мама, дай хлебushка, я птичек покормлю, - подбежал малыш.

Стеша с глухо бьющимся сердцем отломила от буханки краюшку черного и подала ребенку. «Ма-ма-а...» - какое нежное и емкое слово. Малыш вернулся к голубям. Вдруг, будто споткнувшись, он остановился, уставившись на бредущую вдоль забора привокзального скверика невысокую женщину в драповом пальто.

- Ма-а-ма-а! Ма-амочка-а! - дико вскрикнул мальчик и бросился к женщине.

Та резко вскинула голову и, качнувшись, упала перед мальчиком на колени. Обхватив его голову руками, долю секунды смотрела в лицо, затем прижала к груди затрясавшуюся в беззвучном рыдании.

Стеша похолодела... медленно поднялась на непослушных ногах...

...Они сидели на скамейке в привокзальном скверике и разговаривали уже больше двух часов. Малыш кормил крошками голубей.

Часто прикладывая к глазам платок, милостивая смуглая женщина прерывающимся голосом в который раз повторяла:

- Вы не только сына. Вы и меня спасли... Я отчаялась... Я бы не перенесла... Наш дом разбомбили, и мы с сынишкой жили в одном из подвалов. Когда начались бои за город, никуда не выходили. А тут, Рома попросил пить. Я выскочила из подвала, чтобы набрать снега, почти рядом разорвался снаряд. Я больше ничего не помнила, - женщина на мгновение умолкла, судорожно вздохнула и продолжила. - Очнулась в машине. Вместе с ранеными солдатами меня привезли в левый госпиталь в пригороде. Контузия была тяжелой... Неделю назад вернулась. Обшарила каждый подвал, каждую развалину. И ничего... Часто ночую на вокзале. Уже грешным делом, в минуты отчаяния думала: «Не найду сына - наложу на себя руки!» Вы спасли меня...

Стеша медленно поднялась, чувствуя усталость и разбитость в теле. Одним движением забросила вещмешок за спину. Молодая женщина встретилась.

- Куда же вы теперь?

- На фронт. Догонять свою часть, - севшим голосом, еле слышно ответила Стеша, и вдруг спохватившись, растегнула шинель, достала из нагрудного кармана гимнастерки крохотный марлевый сверточек.

- Вот наша с Романом памятка от фашистов. Сохраните для него на память.

И положила на раскрытую ладонь женщины, отливающие тусклой медью две пули.

Блокада. Голод. Голубь

Отчиму моему, перенесшему ужасы Ленинградской блокады, этот рассказ посвящаю.

Шел 132-й день блокады. Постоянное, сосущее, мучительное чувство голода притупилось. На смену ему пришли сонливость и тупое равнодушие. От слабости подкашивались ноги. Отяжелевшие, точно свинцовые веки смыкались.

Три дня назад Владимир Эмильевич и Виктор Петрович доели последний кусочек «студня» из брючного ремня. Рецепт приготовления этого месива сообщил Виктор Петрович — сосед по подъезду с четвертого этажа, впоследствии перебравшийся к нему на второй.

В наличии у них оказались три брючных ремня из чистой кожи, которые по уверению Виктора Петровича были пригодны в пищу. Их нужно было не менее суток вымачивать, периодически заменяя воду. Размякшую массу прокрутили через мясорубку и образовавшийся фарш варили долго-долго в кипятке. Получилось желе. По вкусу — совершенно противоположное наименованию русского блюда. Сравнить его с каким-либо ранее употребляемым продуктом было бессмысленно. Получилась преснятина с горьковатым вкусом, почти не утоляющая чувство голода, но жизнь несколько продлевающая.

Поселившись вместе в квартире Владимира Эмильевича, они с Виктором Петровичем объединили усилия в борьбе с холодом, голодом и, оставшись одни на весь подъезд, невольно цеплялись друг за друга. У Владимира Эмильевича была буржуйка, которую он раздобыл в одном из подвалов и с трудом притащил в квартиру. Спасаясь от жестокого холода, они топили ее, используя вместо дров старые книги, обломки кресел, столов и стульев, которые собирали по опустевшим квартирам, а в последнее время в топку шел паркет одной из комнат Владимира Эмильевича...

Перед самым началом войны Владимира Эмильевича, в соответствии с решением Генштаба ВВС, демобилизовали из эскадрильи летчиков-испытателей (тогда из действующей армии вывели всех, не внушающих доверие, особенно немцев, даже советских немцев). Устроился он на Ленинградский завод геофизаппаратуры, располагавшийся на улице Герцена. Началась война, и завод с первых же дней переключился на производство малокалиберных бронебойных снарядов и пулеметных патронов.

Петля блокады все жестче сжималась вокруг города, который уже задыхался от недостатка электроэнергии, воды и, главное, продуктов, которые могли поддерживать жизненные силы горожан. Ручеек этих сил иссякал.

Агонию ускорило уничтожение фашистской авиацией Бадаевских продовольственных складов и холодильников. Их бомбили в ночь на 8 сентября, когда кольцо блокады только-только начало смыкаться.

Налет был неожиданным и массированным. Самолеты шли волна за волной, и бомбы ложились кучно, точно в цель. Создавалось впечатление, что фашистским летчикам подавались сигналы с крыш складских помещений.

Пожар был страшным, в полночь было светло, как днем. В огне погибли годовые запасы зерна, муки, мяса, консервированных продуктов. Сахар, рас-

плавившись от высокой температуры, мутным потоком расплзался по земле вокруг горевших складов, застывая, перемешиваясь с грязью под сапогами солдат и пожарных.

Спустя три месяца, зимой, в самый голодный период блокады к месту пожара потянулись изможденные люди. Они долбили, колупали, скребли ногтями, собирали, заворачивали в тряпочки, рассовывали по карманам крошки заледеневшей сладкой земли и разбредались по заснеженным улицам, уступая место другим.

Побывали на пожарище и Владимир Эмильевич с Виктором Петровичем. Притащились, цепляясь друг за друга, когда на месте сахарных потоков уже образовались рытвины и ямы, в которых копошились, ползали на коленях, похожие на мумии, существа, с ввалившимися глазами, почерневшими губами, обтянутыми серым пергаментом кожи скулами.

Набив карманы земельной крошкой, дома Владимир Эмильевич с Виктором Петровичем растопили все это вместе со снегом на буржуйке, пока густое месиво не превратилось в мутную и чуть-чуть сладковатую жидкость, затем долго фильтровали ее через тряпку. Это лакомство они растянули почти на две недели...

А город, погрузившись во мглу, медленно умирал. Завод «геофизики» (так звали его между собой рабочие) закрыли, электроэнергия не хватало и на более мощные военные предприятия. Специалистов, еще не дошедших до полного истощения, перевели на Петроградскую сторону, на завод имени Энгельса, выпускающий огнеметы и минометы.

Кормежка здесь была получше, чем на «геофизике». В столовой один раз в сутки выдавали кружку дрожжевого бульона, крошечный жмыховый пончик и 150-граммовый ломтик черного хлеба. Хлеб был наполовину с отрубями и другими примесями, своим вкусом совершенно не напоминающий довоенный ржаной хлеб, который Владимир Эмильевич постоянно покупал в булочной на Мойке.

После того, как в одном из складов обнаружили несколько бочек с техническим рыбьим жиром, и, испытав его на добровольцах, стали выдавать по ложке всем рабочим вместе с кружкой дрожжевого бульона. Многим это помогло избавиться от цинги и спасти хотя бы часть зубов.

Но на заводе имени Энгельса Владимир Эмильевич проработал недолго. Трамвай не ходил по всему Ленинграду, и, чтобы добраться до завода, ему приходилось четыре часа идти пешком, на что сил почти не осталось.

Можно было оставаться на ночь в цехе, как делали многие, но Владимира Эмильевича тянуло домой хотя бы на часок, чтобы заглянуть в почтовый ящик: а вдруг жена Фира прислала весточку с Урала, куда эвакуировалась вместе с детьми — Люсей и Юрой — еще в августе 41-го, перед самой блокадой. Ни писем, ни записок не было...

Всех ослабевших, в том числе и Владимира Эмильевича, перевели с завода в сандружину по месту жительства. Теперь они с Виктором Петровичем дежурили ночами на крышах, спасая дома от зажигательных бомб.

Днем расчищали улицы после артобстрелов и бомбежек. Ходили в закреп-

ленных районах по квартирам, выявляли умерших и, вместе с другими сандружинниками, выносили иссохшие тела на улицу, складывали у подъездов на снег. Оттуда их машинами увозили на Пискаревское кладбище. Когда на Пискаревском не успевали подготовить траншеи (ломался экскаватор), трупы везли на другие кладбища, в том числе и на Сергеевское, что за фабрикой «Веретено», куда Владимир Эмильевич неоднократно ездил с похоронной машиной...

Пожалуй, тяжелее, чем голод, переносил Владимир Эмильевич отсутствие курева. Часами выстаивал он неподалеку от здания штаба обороны города, жадно наблюдая за входящими и выходящими офицерами и отмечая, куда некоторые из них отбрасывают окурки. Стыдливо втянув голову, он собирал эти окурки. Дома подсушивал, трясясь над каждой табачной крошкой. Затем осторожно скручивал из обрывка газеты самокрутку и с наслаждением затягивался горьковатым дымком.

С обострением цинги охоту за окурками пришлось прекратить. Распухшие, кровоточащие десны изматывали, отнимая последние силы. Выпавшие зубы Владимир Эмильевич пытался сохранить, складывая в коробочку из-под чая...

Однажды им с Виктором Петровичем здорово повезло. В заброшенном и захламленном подвале соседнего дома, где до войны размещалась столярка, они обнаружили большую плитку казеинового столярного клея. Еще работая на заводе имени Энгельса, Владимир Эмильевич слышал от сменщика, что из казеина можно приготовить подобие сыра, и даже запомнил рецепт.

Они с Виктором Петровичем долго, как и брючные ремни, вымачивали казеин в талой снеговой воде. Затем прокрутили матовую массу через мясорубку, и получившийся фарш варили до образования густого желе. Слив остатки кипятка, завернули варево в тряпку и положили под груз. Через шесть часов «сыр» был готов.

Темная вязкая лепешка отдаленно напоминала вкус плавленого сыра, но и она была деликатесом в течение нескольких дней. Владимир Эмильевич с Виктором Петровичем позволяли себе съедать казеинового «сыра» не больше стогривного кусочка...

... До войны на театральной площади у Мариинского театра имени Кирова обитало несметное количество голубей. Они сновали под ногами прохожих, сидели чуть ли не на головы людям, отдыхающим на скамейках, выпрашивая хлебные крошки, пшено и семечки подсолнечника.

В короткие приезды домой из летней части Владимир Эмильевич любил посидеть на скамейке у Мариинского театра, смотреть на спящих голубей и, прикрыв глаза, слушать шум города: шелест шин проносящихся невдалеке легковых машин, перезвон трамваев, голоса прохожих, воркование голубей и другие звуки, присущие только городским улицам. У него всегда были с собой остатки батона или булочки, которые, раскрошив, скармливал своим любимцам практически с руки.

Его поражала почти человеческая нежность между парами голубей. Он с удивлением и восторгом наблюдал за ухаживаниями сизаря. Вот раздув отливающую перламутром шейку, он ворку-

ет и пританцовывает, как будто что-то нашептывает подружке, склоняет голову ей под грудку. Голубка нежно перебирает клювом перышки на его шейке, спинке и крыльях, будто расправляет их. А как они целуются... Страстно, упоенно, клювик в клювик, с человеческой нежностью, прикрыв бусинки глаз, трепетно вздрагивая крыльями. Чувства как у людей...

Несколько десятков голубей гнездились на чердаке соседнего дома, где жил с семьей Владимир Эмильевич. Фира подкармливала пернатых соседей, высыпая на подоконник крошки со стола, семечки и другие остатки пищи.

Началась война. Блокада. Голод. Чувствуя людскую беду, стали исчезать из города голуби: некому да и нечем стало подкармливать сизарей. Но пара голубей продолжала прилетать к кухонному окну Владимира Эмильевича. Прохаживаясь вдоль подоконника, на который когда-то Фира сыпала крошки, голуби нетерпеливо заглядывали внутрь кухни, постукивали клювами по стеклу: что же вы, люди, вы же были так щедры?

И однажды Владимир Эмильевич решился. Он будто в яви увидел наваристый бульон из голубей, ноздрями ощутил его щекощущий аромат.

Поборов в себе чувство жалости, приоткрыл створку наружной рамы, привязав к ручке бечевку, и пропустил через форточку внутренней рамы. Затем набрал пригоршню мусора помельче у буржуйки и демонстративно, чтобы видели голуби с соседней крыши, рассыпал мусор на подоконнике между рамами.

Сам же спрятался за кухонную дверь. Вскоре голуби подлетели к окну. Настороженно косясь, голубь отнесил подружку и первым направился к приоткрытой створке. Владимир Эмильевич дернул бечевку, и сизарь забился между рам.

Удерживая вырывающегося голубя в ладонях, Владимир Эмильевич ощущал, как под пальцами трепещет сердце птицы, как дрожит горячее тельце, и с ужасом подумал:

- Боже мой! Как ты истощен! Белодлага, и ты вместе с людьми страдаешь от тягот блокады, и тебе невогнута голод... Ну, не дрожи так, не дрожи. Никто тебя не обидит. Ну, иди... Лети, — тут же поправился Владимир Эмильевич, открывая окно и отпуская голубя. — Лети к своей голубке. Вон она ждет тебя.

Голубь взметнулся, устремляясь к соседней крыше. Захлопав крыльями, будто заплотировав, бросилась за ним и голубка...

Виктор Петрович умер на 145-й день блокады, перед заходом солнца. Его выходящая, с восковой желтизной рука медленно сползла с вороха тряпья и костышками скрюченных пальцев глухо стукнула об пол.

Из полуоткрытых, почерневших губ вырвался хриплый, как вздох облегчения, еле слышный стон.

Владимир Эмильевич открыл глаза, прислушался и с трудом оторвал голову от подушки, всмотрелся, напрягая глаза, в серый полумрак комнаты, позвал: — Петрович, как ты?

С дивана не доносилось ни звука. «Отмучался Петрович...

Скоро вот так и я... — откидываясь на подушку, равнодушно подумал Владимир Эмильевич. — Надо бы позвать дежурных из сандружины, чтобы забрали тело, — но представив, что нужно выбираться из под вороха одеял и спускаться, цепляясь за перила, вниз на 24 ступени, а затем, столько же вверх, он мысленно содрогнулся. — Не осилить!»

пос. Абагур-Лесной.

ЗАБЫТЬ Я НЕ В СИЛАХ

Стучат на стыках колеса, мелькают за окнами опоры высоковольтной линии, плывет мимо тайга. День на исходе. Горы вдали подернулись синей дымкой, заходящее солнце вот-вот коснется их вершин.

Весна. Поблескивают внизу у насыпи лужицы талой воды, похожие на осколки неба с бездонной синевой и плывущими в них облаками. А дальше от насыпи, в трущобах тайги, нет - нет да и мелькнет в какой-нибудь низине потемневший снежный островок, оставшийся от зимы.

Стучат колеса, слегка покачивается вагон. Вдруг этот монотонный перестук выхватывает из памяти то ужасное, что до сих пор не даст покоя. И это уже не мирный и успокаивающий перестук, это грохот, бьющий по перепонкам, гвоздями впишающийся в мозг.

... Квадратный кусочек голубого неба под потолком вагона-телятника иссечен колочей проволокой. Скрежещет, повизгивают колеса. В вагоне полумрак. Стонут и бредят раненые. Кто-то сзади (повернуться невозможно: сдавили со всех сторон) матерно ругается и скрипит зубами. Впереди - молоденький лейтенант, почти мальчишка, в изодранной и окровавленной гимнастерке, прижимает правую руку с оторванной кистью к щеке. Лоскут от нижней рубахи, которым обмотана культя, покрыт кровавой коркой, и мне приходится все время держать голову набок, чтобы не задеть изуродованную руку и не причинить боль.

В ушах и голове сплошной гул от контузии. Чувствую, как дергается левая щека, по подбородку стекает струйка слюны - не могу закрыть рот. Нижняя челюсть словно чужая. Атмосфера в вагоне пропитана потом, кровью, разлагающимися человеческими телами. От смрада к горлу подкатывает тошнота. Хотя бы один глоток чистого воздуха, что настоян на хвое, траве и лучах солнца, и, кажется, напил бы вдоволь.

Рядом тяжело повис на плече пожилой солдат, раненый в живот. От потери крови его лицо землистого цвета. Вот уже часа два, как он без сознания. Упасть ему не дают - некуда. Свободное пространство только между потолком и нашими головами. Голова солдата запрокинулась назад, его горячее, хриплое дыхание обжигает мне щеку и шею. Так стоим мы, покачиваясь всей массой в такт вагона, впрямешку с теми, кто давно умер, стоим и качаемся - почти сутки.

Стоны, скрежет зубов впавших в бессмятство, тяжело раненых, предсмертный хрип умирающих, тошнотворная вонь загнивающихся ран и давно не мытых потных тел - мутит сознание, спазмами сдавливает горло.

Чтобы не видеть мучения окружающих, закрываю глаза, вновь и вновь начинаю перебирать в памяти события последних дней.

...Нас пятеро. Младший лейтенант, которого несли на носилках, умер на рассвете. Мы похоронили его на опушке леса. Молча постояли над свежим холмиком. Степан Болдырев прячет в нагрудный карман гимнастерки авторучку, документы и блокнот погибшего. В блокноте незаконченная статья для фронтовой газеты о наших пулеметчиках. Младший лейтенант, сотрудник газеты, не успел отправить очерк о тех, кого уже тоже нет в живых. Мы не знаем ничего о рыжеватом, с веселыми искорками в глазах журналисте, он появился в нашем расположении за день до последнего боя и не успел рассказать нам о себе. Помним только, как он упоенно и захватывающе читал стихи Есенина.

Светлеет небо на востоке. Близится рассвет. Густой туман, будто ватой, укутал все кругом, и кажется, что ветки чахлого тальника растут прямо из воздуха. С них при каждом прикосновении за воротник сыплются крупные и холодные капли росы. Идем молча, гуськом друг за другом. Болото тянется километра на два. Под ногами хлопает коричне-

Рисунок Олега ГОЛОВИЧЕВА

вая жижа, чавкает в сапогах. Впереди Степан. Он осторожно отводит свободной рукой нависшие ветви и, подождя, пока я переохвачу их, нащупывает сапогом следующую кочку. Замыкает нашу пятерку раненый в руку Амирбай Байназаров.

Где-то слева глухо доносится рокот моторов танков и машин. Там дорога. Фашисты подтягивают силы к линии фронта. Впереди явственно слышна канонада передовой.

Наконец, болото позади. Отступил и туман, дальше идти опасно: можно напороться на фашистов. Степан Болдырев, сделав предостерегающий жест рукой, исчезает в мелколесье. Выходит солнце. Его первый розовый луч брызнул и разбил на бесчисленное множество искор по глянцевым от росы листьям на самой вершине дерева. И листья, вздрогнув, затрепетали, зашелестели. Тотчас, где-то совсем рядом, пискнула пичуга. Пискнула и замолкла, будто устыдившись хриплого спросенного голоса. В глубине леса ей ответила подружка. И тогда наша соседка зашелкала, залилась на все лады.

Закуковала кукушка. Это сигнал Степана: можно идти. Он поджидает нас на краю густо заросшего тальником оврага. Когда спускаемся к мутному ручейку на дне и располагаемся на крошечной прогалинке, Степан рассказывает, что ему удалось разведать.

- День переждем здесь. Немцы кругом, - говорит он. - Я забирался на сосну, - кивает он на маячившую вершину разлапистой сосны. - Обзор хороший, но могут засечь. Так вот. В километре от нас - дорога. По ней движется много техники. Откуда у них столько машин?

- Степан матюгнулся и сплюнул.

- Сколько примерно отсюда до передовой? - перебивает его Мотя Пухов.

- Километров восемь - не больше. За этим лесом километра на четыре тянется поля с необранной пшеницей и картошкой. За ними, на пригорке - небольшая деревушка. Она горит. Вокруг нее и среди горящих домов - фонтаны взрывов. Думаю, наша артиллерия подсыпает гансам перцу. Мне, кажется, ночью нам эту деревушку лучше всего обойти справа. Там местность, хотя и ровнее, но, пожалуй, меньше шансов нарваться на фашистов. А сейчас давайте отдыхать по очереди. Трое - спят, двое - дежурят наверху.

Степан с Яковом Логовым выбирают наверх. Мотя достает из рюкзака три банки консервов (наш трофей от разбитой немецкой кухни, когда шесть дней назад наша часть попала в окружение), вскрывает их финкой.

- Эх, сейчас бы котелок душистой ухи из окушков и ершей, - вытирая полую гимнастерку ложку, мечтательно вздыхает Петр Карпунин - земляк Якова Лобова, оба призванные в армию с Алтая.

- Хорошо у нас на Алтае, - продолжает он. - Отец мой заядлый рыбак. Утром до восхода

солнца встанем и на речку Чумыш. Она у нас прямо за околицей. Роса обжигает холодным огнем босые ноги. Над речкой туман стелется, волнами ползет. Вода же теплая, теплая, как парное молоко... не остыла еще за ночь...

Петр умолк. Его ширококулое лицо с чуть раскосыми серыми глазами мрачнеет, острый кадык под рыжей щетиной судорожно дергается вверх, вниз, будто толкает и не может протолкнуть что-то вязкое и большое.

День прошел спокойно. К вечеру заморосил дождь, к ночи усилился и превратился в ливень. Это неприятно, но нас радует: фашисты, наверняка, попрячутся в укрытия, и нам будет легче проскользнуть на передовую.

Темнеет, хоть глаз коли. Благополучно миновали деревушку, вернее то, что осталось от нее. Там тишина. Дождь прибил последние языки пламени. Короткими перебежками пересекаем картофельное поле. Долго лежим в крайней, заросшей бурьяном борозде, прислушиваясь к ночи. Впереди, метрах в трехстах (определяем по взлетающим в небо ракетам и «татаканы» пулеметов), немецкие траншеи, за ними - ничейная земля, а там - наши.

Держа наготове финки, автоматы и гранаты, подползаем к брустверу первой траншеи, прислушиваемся. Гулко, у самого горла, колотится сердце и стучит в висках. Силы и нервы на пределе. Степан Болдырев приподнимается на руках и резко перекидывает тело через бруствер. Слышно, как чавкнула грязь под его сапогами на дне траншеи. И тишина. Немцы, действительно, попрячались по блиндажам, оставив в ячейках пулеметчиков и ракетчиков-осветителей. Облегченно вздыхаем и тут же вжимаемся в землю - очередная осветительная ракета взвивается в черное небо, заливая все вокруг мертвенным светом. Когда она гаснет, мы сползаем в траншею вслед за Степаном.

Шумит дождь. Я наклоняюсь к Степану и шепчу: «Давай. В случае чего - прикрою». Так же бесшумно выбираемся из траншеи. Я залезаю за кустиком, а ребята один за другим уползают в темноту. Вот уже исчезли облепленные грязью сапоги Моти, Петра и Якова. Мысленно отсчитываю секунды и минуты: «Одна... две... три... Пора». С шипением взвивается очередная ракета, и тут же за поворотом траншеи начинает бить пулемет, давая понять - здесь не спят. Бегут тени, падает и гаснет ракета. В последний момент замечаю впереди воронку от крупнокалиберного снаряда. Кидаю тело в воронку и холодею, чувствую, как по горлу, точно лезвие ножа, полоснула проволока. «Мина!» - обжигает мысль. Взрыва не слышу, только чувствую, как какая-то сила неохотно и медленно отрывает меня от земли и, скомкав тело, швыряет в черную пустоту...

Завизжали тормозные колодки, глухо стук-

нули буфера, вагон, судорожно дернувшись, остановился. Тишина. Затихли даже раненые, раздаются скрежет гравия под подошвами сапог и гортанная немецкая речь за дверью вагона. Остановились напротив. Премит засов, со скрипом отъезжают двери. В вагон врывается поток пьянящего воздуха, от которого начинает кружиться голова, и ослепляющие лучи предзакатного солнца. Фашистский солдат, сунувшийся было в вагон, откачнулся и, зажав нос, гнусаво заорал:

- Русийш швайн! Ком, ком! Шнел!

Обитатели вагона зашевелились, начали спрыгивать на землю. Поддерживая под руки раненых под гавканье рвущихся с поводков, овчарок и под окрики гитлеровцев выстраиваемся в колонну вдоль насыпи.

Тощий офицер в сопровождении двух автоматчиков шагает вдоль вагонов и заглядывает в их чрево. Затем он что-то кричит конвоирам, те прикладами выгалкивают из нашего строя человек двадцать. Они, разбившись парами, начинают выносить из вагонов трупы и складывать их на землю.

Сзади, чуть в стороне, из-за кустов, что островками окаймляют насыпь, виднеются крыши домов какого-то селения. Впереди поблескивает зеркальная гладь небольшого озера-блюдечка.

Я стою крайним в пятерке метрах в двадцати от кустов. Легкий ветерок обдувает лицо, я, подавшись чуть вперед, вдыхаю его полной грудью. Рядом с засученными рукавами и автоматом наперевес расхаживает здоровенный гитлеровец.

Вдруг вижу, как сквозь листву ближайших кустов на меня в упор смотрят две бусинки глаз. Приглядываюсь. Точно две пары детских глаз в них смесь испуга с любопытством и жалостью. Зашелестели ветки, и из кустов шагнули мальчишка лет десяти, держа за руку девочку в изорванном, грязном платье. Конвоир резко развернулся и, вскинув автомат, заорал:

- Халт! - разглядев виновников своего испуга, еще больше обозлился. Выпучив глаза, он сделал несколько шагов к детям, угрожающе замахнул прикладом:

- Ver! Ver!

Мальчишка и глазом не повел. Девочка же только плотнее прижалась к ногам мальчугана и зажмурилась. Зашевелились пленные в строю, зашушукались. Мальчишка хотел что-то сказать, переступил босыми ногами и вдруг полез за пазуху. Достал большой ломоть хлеба и кинул его в шеренгу вечно голодных. К ломтю вскинулось сразу несколько рук.

Коротко хлестнула автоматная очередь. Мальчугана подбросило и отшвырнуло назад, взмахнув руками, он упал навзничь. Долю секунды стояла зловещая тишина. Все смотрели, как в конвульсиях дернулось тело мальчишки и замерло.

- Гал! Детей! Бей их!

Я успел заметить, что к фашисту кинулся тот молоденький лейтенант с оторванной кистью, не добжав трех шагов, он опрокинулся назад, подброшенный автоматной очередью. Не помню, как оказался в моей руке большой камень... Я никогда не вкладывал столько силы в удар, сколько вложил ее в тот раз, когда ударил конвоира по голове. Лавина разъяренных людей ринулась на фашистов и смяла их. Сголовного и крайнего вагонов ударили пулеметы. Тяжелым обухом ударило меня по затылку и, как тогда ночью на передовой, у немецкой траншеи, закружились перед глазами кусты, бегущие люди, небо с плывущими облаками, и... наступила тьма.

В проблеск сознания помню склоненное над собой морщинистое лицо женщины и ее тихий голос: «Потерпи». И опять тьма...

...Стучат колеса, слегка покачивает вагон, а за окнами плывет тайга.

Мне никогда не забыть мальчишку, бесстрашно бросившего пленным ломоть хлеба, никогда не забыть младшего лейтенанта - сотрудника фронтовой газеты, упоенно читавшего стихи Есенина, и, конечно, никогда не забыть того лейтенанта с оторванной кистью, остервенело бросившегося на конвоиров...

Ольга БЕРЛЯКОВА

Две судьбы

В истории каждой семьи есть свои герои. Их подвиги, чаще всего, совершались не с целью прославиться или, например, обогатиться. Скорее всего, в те минуты эти события и не воспринимались как подвиги. Для нас - это образцы мужества, чувства долга, любви к Родине, жизни, любимым и родным людям.

Речь пойдет о двух моих бабушках, которые во многом являются примером для нас. Судьбы их во многом несхожи, однако, обе жизни сложились ярко и насыщенно, несмотря на все лишения. Печально, что Валентины Александровны Берляковой уже нет с нами. Слава Богу, Елена Степановна Соломон (Шведова) и сейчас, в свои 87 лет, сохраняет жизнерадостность и бодрость духа, при этом является надежной опорой для своих детей и любимой бабушкой для многочисленных внуков.

Валентина Берлякова.

Валентина из 1-й Ударной

Валентина Александровна прошла всю Великую Отечественную войну, воевала в 1-ой Ударной армии. Свидетельством тому являются многочисленные награды. Мы с восторгом рассматриваем фотографии молодой красавицы-комсомолки в военной форме. И, конечно, для меня очень дороги пришедшие из детства рассказы бабушки и ее тетради, в которых без прикрас отражено все то, что пришлось пережить в те не легкие годы.

Рассказанное поражает оптимизмом и красочными подробностями. При этом первые воспоминания бабушка изложила 12 февраля 1990 года по памяти, спустя 45 лет после Победы, по просьбе Совета ветеранов 1-ой Ударной армии. Сегодня, 20 лет спустя, я считаю за счастье и большую честь поделиться прочитанным с вами.

В августе 1941 года бабушка добровольно пошла в армию. «...Девчат на-

правили в Новосибирск на учёбу радиотелеграфистов, где формировался первый комсомольский батальон связи Сибирской 1-й Ударной армии...».

«...Связисты работали на радиостанциях, но постоянно находились под бомбёжкой противника, держали связь между фронтом и штабом армии, а также между штабом армии и дивизиями. Принимали и передавали радиogramмы, сами же разносили их в шифровальный и оперативный отделы, бегали ночами, освещённые пожарниками сёл и деревень, было светло как днём. Пробегали по несколько километров от радиостан-

ции, расположенной в лесу, в отделы, находящиеся в деревне. На пути попадались убитые и раненые наши солдаты, трупы немцев, разбитая техника...». Так бабушка писала о времени разгрома немцев под Москвой.

Затем бойцы 1-й Ударной армии вели бои на Западном, а потом на Северо-западном фронте под Старой Руссой, «...двигались пешком, лесными тропами, очень осторожно переползали шоссейные и железные дороги, неся на себе обмундирова-

ние и радиостанции. Делали привалы в только что освобождённых деревнях. Наше снаряжение: вещевой мешок с сухим пайком, котелок, противогаз. Одеты в фуфайки, ватные брюки, большие серые валенки с портянками, ежедневно проходили до 30 километров в снегу по пояс...».

Мое воображение живо рисует бабушку и весь их расчет из четырех человек верхом на лошадях под Старой Руссой, с «радиостанцией», смонтированной на санях».

В ходе отступлений «...в пути бесконечно подвергались обстрелу, через каждые 7-10 минут фашистские са-

молёты пикировали на нас, но шофёр так вёл машину, что ни одна бомба не попала, остались все живы и невредимы... В окружении, в болотах, плохо было с продовольствием. Нам сбрасывали сухари с самолётов. Но от сухарей оставались только крошки, есть было нечего. Доходило до того, что на день приходилось шестьдесят пять грамм муки, которую размешивали в воде и пили...».

«Чтобы было легче, пели песни. Особенно мы любили песню: «О войне - пожарах, о друзьях-товарищах...» Однажды хозяйка слушала, слушала, а потом достала из погреба два чугуна картошки и говорит: «Берите, девочки». И заплакала.

Сварили ту картошку с кожурой, разделили по две-три картофелины и съели без соли, неочищенную. Верный наш утешитель и запевала был лейтенант Буров».

«С июня месяца 1944 года я находилась в 9-м корпусе 993-го отдельного батальона связи 43-й ударной армии, которая штурмовала город Кёнигсберг - фашистское логово в Восточной Пруссии... Штурм города был ночью - неописуемое зрелище: небо - сплошное зарево. Сначала работали наши бомбардировщики, потом - круговой обстрел «Катюшами», и - наступление. Утром въезжали в город. После взятия Кёнигсберга 43-я армия находилась на отдыхе в Восточной Пруссии».

День Победы, 9 мая 1945 года, встретили очень радостно: плакали, целовались, кидали пилотки вверх и кричали: «Победа! Победа!».

...Валентина Александровна была демобилизована на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР, от 25.09.1945 г. Бабушку очень ждали дома родные и любимые люди. И все последующие годы бабушка переписывалась с однополчанами и часто ездила на встречи полка связи в Новосибирск и в Москву.

Морозы были не помехой

Другой моей бабушке не пришлось участвовать в боях на той ужасной войне. Но то, что она пережила после вынужденного переезда из родной Тамбовской области, впечатляет!

Ведь ещё до мобилизации в Сталинск в 1942 году Елена Степановна успела освоить профессии няньки, паркетчицы, маляра... Молодая девушка до Великой Отечественной войны работала в Москве, в строительном тресте.

О том, что происходило дальше, бабушка рассказывает: «...После силь-

ных налётов противника осенью 1941 года трест наш был закрыт, а мы - уволены и мобилизованы в Сталинск, где с 1942 года работали на Кузнецком металлургическом комбинате. Мы, молодые девушки, жили в 2-х этажном общежитии на 300 человек. Было холодно и голодно. Выдавали нам мёрзлую капусту, 50 грамм гороха вместо мяса и пивные дрожжи, чтобы люди не потеряли последние силы.

С 6 часов работали в копровом цехе КМК, строили гнёзда под станки, грузили цемент, делали колёса к танкам, готовили патроны и боеприпасы. Работали по 14-16 часов в сутки. Позже, в 1943 году работали на строительстве города Сталинска. Прокладывали дорогу от Островской до Антоновской площадки. Работали при лютых морозах: -43°C, -45°C».

...Проработав всю войну, бабушка

вышла замуж, родила шестерых детей. И только через 20 лет съездила на родину, в Тамбовскую область.

Внуков и правнуков Елены Степановны не так легко сосчитать. Среди нас есть музыканты, юристы, экономисты, учителя, инженеры. Всех нас объединяет и поддерживает она - бабушка, замечательный человек, труженик тыла, ветеран Великой Отечественной войны и Мать-героиня.

Я горжусь моими дорогими бабушками, и мне очень хочется быть достойной их. Ведь в том, что мы сегодня живем с надеждой и верой в завтрашний день, во многом - их заслуга.

Страницка из военного билета Валентины БЕРЛЯКОВОЙ.

Наименование части	Должность	Дата назначения	№ приказа по части
43-й корпус связи	связист	1941	
1030-й корпус связи	связист	1941	
89-й корпус связи	связист	1941	
Феинбургская	связист	1941	
СССР	связист	1941	

Геннадий Морозов

Слово о Земле Кузнецкой

Земля - просторный, общий дом -
Всем это изречение известно.
Пусть даже мы в количестве растём —
Нам всё равно не будет тесно.
Такой прекрасный шарик голубой
Достался квартирмейстером-судьбой.
Зелёные леса и голубые океаны
Наполнят тело жизненною праной.
Для нас раскрыли лепестки цветы,
Чтоб вызвать в душах восхищение
И подсказать заблудшим направление
Для поиска любви и доброты.
Здесь каждый миг по-своему чудесен,
Звучит он в трелях птичьих песен.

Богата красками уютная планета.
От юга знойного, до северных широт,
Причудливый венчик живого цвета
Зовёт к мольберту творческий народ:
- А ну, ребята, мастерством блистайте,
Попробуйте, моё искусство повторите.
На полотне, картоне и бумаге
Своей палитры проявите магию!
Мы чувствуем чарующие звуки.
Возвышенных хоралов из ночного неба -
То нам поёт таинственная небелья.
Хотя, для скептиков земной науки,
Весьма условно наше утверждение.
Зато, душе приносит наслаждение.

Не станем ограничивать наш путь
Сухими строчками научного доклада.
Через поэзию попробуем взглянуть
На мир, пульсирующий рядом.
Пускай меняет он ежеминутно краски,
Но мне тепло от материнской ласки.
Сюжетом для поэмы выбираю —
Признание в любви к родному краю.
А кто ещё расскажет вам без фальши,
О том, как дорог каждый уголок?
Биением сердца выбираю слог,
Пусть резонанс помчитя дальше.

Лишь человек, из наших, местных,
Поведать может о местах известных.

К востоку от Уральских гор,
Россия прибавляет резко вишерь.
Стеснённости наперекор,
Раскинулась бескрайняя Сибирь.
Первопроходцам было не легко,
Привычный быт остался далеко.
Что впереди? Имеет ли значение,
Уже не изменить судьбы течение.
Не разделили край помещичьи угодья,
Земля в нетерпеливом ожидании.
И где-то здесь, по древнему преданию,
Находятся врата святого Беловодья,
Там справедливый жизненный уклад.
Для человека выше всех наград.

Меня мир, уходят поколения.
Век девятнадцатый умчался вдаль.

Оставив нам великое творение -
Сибирскую, стальную магистраль.
Не лишне бы, напомнить вам о том,
Как создавали чудо, и каким трудом.
Вручную, лишь лопата да кайло.
Шли по болотам, комарам назло.
С «Дубинушкой» вбивали сваи
Мостов, через холодные потоки.
Снимите шляпу господу потомки,
Не стойте у вагонного окна зевая.
Взгляните с благодарностью в окно -
Поклон творцам создавшим полотно.

Дорога из Европы на восток,
Явилась стартом нашего Кузбасса.
Стал нужен угольный поток -
Прожорлива локомотивов масса.
Дымят, грохочут тяжеленные составы,
Тайгу тревожат паровозные октавы.
Анжеро-Судженску великое спасибо,
За то, что он открыл Транссибу
Несметной мощи угленосные пласты,
Так долго ждавшие назначенного часа
И многотомный труд истории Кузбасса,
Явил на свет начальные листы.
Мы, с вами - авторы и персонажи,
Создатели прекрасной книги нашей.

Не фейерверка праздничные выстрелы -
Кузнецкие мартены реки стали льют.
Мощнейший комбинат рекордно выстроен,
Шлёт из Сибири трудовой салют.
Не существует для мечтателей преград -
Встаёт над Томью небывалый город-Сад.
Здесь ветеранов улаживают птички трели,
А юных - танцы, фильмы и качели.
На карте появились города,
Взамен таёжной глухомани.
Их новизна призывно манит,
Безусых, непоосед сюда.
О них писали с гордостью газеты,
Здесь находили вдохновение поэты.

Сверкая струями, течёт река —
Артерия земли родной, Кузнецкой.
Томь, величава и строга,
Словно царица в книжке детской.
Движеньё плавное, уверена в себе,
Тысячелетия прошли в её судьбе,
Надменно-равнодушна к суете людской,
Струит глубокий, гипнотический покой.
Зато, на берегах не знают тишины,
Ломаются привычные, извечные законы.
Мир старый, к изменению не склонный,
Уходит под напором новизны.
Встаёт заря. Светлеет небосвод.
Кузбасс уверенно пошёл вперёд.

Три мощные опоры - базис областной,
Надёжней трёх китов былинных.
Их не подточит дух распада возрастной,
Сильны по-прежнему их спины.
Бесспорно, первым делом - уголёк.
Пройдите землю вдоль и поперёк,
Напрасно будете без усталости шагать -
Таких запасов не удастся отыскать.
За той опорой, следует вторая —
Металлургия подставляет спину,
Своею мощью закрепив картину.
А рядом третья силу набирает -

Химкомбинаты поднялись заслуженно
На пьедестал в триумвирате дружном.

Год сорок первый - роковая дата,
От мирной жизни поворот крутой.
Листком календаря помятым,
Мечты ушли за невидимой чертой,
Исчезли под ночным покровом.
Рассвет занялся заревом багровым.
Кузнецкий край расправил плечи,
Бронию для танков выплавляют печи.
Шахтёр Прокопьевска, забыв усталость,
Даёт две нормы для победы над врагом.

Его оружием - отбойным молотком,
Победа неуклонно приближалась.
Все силы фронту - общая задача,
Сибиряки не могут жить иначе.

В суровом сорок третьем, напряжённом,
Вопросом жизни - уголь и руда.
Из нашей области потоком, эшелоны
Помчали результат ударного труда.
На карте Родины родился богатырь,
Слились в новорождённом мощь и ширь.
Мощь броневых, непробиваемых листов,
Ширь необъятных, угольных пластов.
Напомню вам героев тыла имена:
Проходчика Беляева и сталевара Чалкова.
Двоих из тысяч, чьей рабочей смекалкой
И мастерством, упрочилась страна.
Не сможет переменчивая мода
Стереть их след из памяти народа.

Спасённый мир вздыхает с облегчением,
Восходит солнце после долгой тьмы.
Прошла Европа полный курс лечения
От эпидемии коричневой чумы.
Напоминанием останется в веках —
Скульптура воина с ребёнком на руках.
В поверженном Берлине гордо встал
Солдат-спаситель на гранитный пьедестал.
Из нашей области, Тисульского района,
Сержант-гвардеец, знаменосец Мосалов.
Рискуя жизнью, без цветистых слов,
О нас сказал Европе изумлённой.

В трагедии кровавой заключительная строчка,
А монументом в Третов-парке - наша точка.

Проснулась Томь от зимнего покоя,
Взыграла мощью, затаённой до весны.
Помчались льдины плотным строем,
Послушно воле подгоняющей волны.
Победным ветром разлетало роковые тучи,
Луч солнечный скользнул с небесной кручи.
Ушли в небытие четыре долгих года,
Ушли, с победным майским ледоходом.
Черёмухи пьянящий аромат,
Наполнил край, Сибирь, Вселенную,
Наполнил душу вечную, теленную,
Теплее сделал у прохожих взгляд.
Скворцы воспели хором новизну,
Сошедшую на мирную страну.

Не терпит время постоянных величин,
Торопится из прошлого в грядущее,
Меняет антураж, без видимых причин,
В покое не оставит, вездесущее:
Ни человека, ни семью, ни регион,
Каким бы прочным не казался он.
Невольню, ты становишься участником
Событий,
Творцом, или соавтором серьёзнейших
Открытий
В себе, или в ближайшем окружении.
В калейдоскопе будничных вопросов,
Когда стремимся разгрести их россыпь,
Так трудно подыскать решение,
Необходимое для нашей круговерти.
Успех приходит, если в будущее верите.

Гораздо проще, коль в ответе за себя,
За свой, единственный мирок.
А вот, когда всей области судьба?
Не каждый сможет выполнить урок
Экзаменаторши невидимой - Фортуны.
Прочны ли ваши внутренние струны?
Такая личность нам была знакома —
Неутомимый секретарь обкома,
Талантливый руководитель - Ермаков.
Не понаслышке, зная существо проблемы,
Мог компетентно обсуждать любые темы,
Искать и находить просветы тупиков.

Он твёрдо верил - будущее счастье
У нас в руках и в нашей власти.

Но Провидением другой сценарий уготован
Для жителей Советского Союза.
Попёр двусмысленный, туманный и бредовый,
Словесный шквал, минув шлюзы.
Консенсус, перестройка - новые слова,
Вводила в оборот руководящая Москва.
На работяге честном, как плевков,

Ярлык повесили: «совок!»
Потеряны единство, идеалы, цели.
Нам, русским, ставили в вину —
Патриотизм, обиду за страну,
За всё, что мы создать сумели.
Пороки Запада возникли мутным валом.
Растление грозило гибельным финалом.

На долю россиян хватает испытаний.
Возможно, в этом кроется загадка
Божественной любви. А путь страданий —
Лишь ступенька высшего порядка?
Россия, как Христос, даёт другим спасение,
Своими муками, во славе - Воскресение.
Ну что ж, коль так угодно Богу,
Пройдём и эту, трудную дорогу.
Мы обладаем «чёрным золотом»,
У нас, в Кузбассе, трудовой народ.
Имеем всё, чтобы шагнуть вперёд,
А не лежать букашкой приколотой
В альбоме иностранного владельца.
Нас даль зовёт, под ноги стелется.

Мы с вами в беспокойном океане.
Вздвигают волны корпус корабля,
Но экипаж уверен в капитане —
Не первый год он в рубке, у руля.
Прошли сквозь шторм, становится светлее,
Курс правильный избрал Аман Тулеев.
Да разве может быть иначе?
У нас и капитана общая задача.
Огромный лайнер под названием: «Кузбасс»
Стал лидером экономической регаты,
Где социальный блок и уровень зарплаты,
Оценкой служат для подъёма жизни масс.

Прости, читатель, за словарное клише.
Я рифмой высказал, что было на душе.

Земля - наш общий и уютный дом.
Жаль, отношения меж нас, не идеальные.
Добрососедства, вряд ли, где найдём.
Закрылись на замки национальные.
Возьмёмся одолеть барьер непонимания.
Ведь это просто, было бы желание.
Расскажем рифмой о родном и близком,
Землянам, говорящим на английском.
Пускай узнают, что сибирский человек,
Не избалованный теплом погодным,
Остался в мыслях и поступках благородным,
Собой остался в меркантильный век.
Пускай узнают о Кузбассе и Сибири,
О наших людях, их душевной шире.

Храни, Господь страну родную,
Святую землю дедов и отцов.
Пусть чаша горькая минует
Моих потомков, и рассыплется кольцо
Из алчных недругов моей державы.
Вновь замышляют пир кровавый,
Почуяли добычу господу,
Но этому не сбиться никогда.
Я заявляю это твёрдо:
Со мною дух великих предков,
Черёмухи цветущей ветки,
Томь аккомпанирует аккордом -
Никто не одолеет нас.
Цвети мой отчий дом Кузбасс!

Новокузнецк.

Ольга Беккулиева

***
Ты на качелях меня раскачай...
В сердце моем поселилась печаль,
В сердце моем поселилась тоска...
Много воды утекло и песка...

Ты на край света меня не зови -
Хочется сердцу обычной любви,
Хочется сердцу немного тепла...
Я тебя целую вечность ждала!
Т
ы не сиди у окна до зари -
Нежность вечернюю мне подари.
Нежность, и радость, и ласки чуть-чуть
И никогда обо мне не забудь!

***
Смотрел на меня, не мигая,
И думал о чем-то своем.
Молчанием странным пугая,
Глаза полыхали огнем.

А я, так нежна и наивна,
Поверила зареву глаз!
Склонилась плакучею ивой,
Попала под мрачную власть.

Безумным очам покорилась,
Холодным огнем сожжена...
А после — попала в немилость,
И больше ему не нужна.

Сентябрь

Они еще белей, чем были летом -
Берез высоких тонкие стволы...
Пронизан лес осенним чистым светом,
На юных пихтах капельки смолы...

Сосняк могучий небо подпирает,
Тропинку мягко выстлала хвоя.
За поворот неслышно убегает
Накатанная кем-то колея...

На паутинах солнца луч играет,
Прохладна и свежа лазурь небес,
И каждый звук волшебю замирает,
Растаяв в тишине лесных чудес...

***
Вы меня совсем не помните —
Так печальна и нежна
По пустынной бродит комнате
Ваша бывшая жена.

Распустилась роза чайная,
Погасил сквозняк свечу,
Почему я так отчаянно
Встречи с Вами не ищущу?

Почему такие разные,
Без упрека и вины,
Мы теперь ничем не связаны,
И друг другу не нужны?

Вчера

В воду накрошила апельсинов,
Свечи ароматные зажгла...
Очищая кожу от токсинов,
В ванну негорячую легла... ммм...

Мысли разлетелись мотыльками
Под такой спокойный плеск воды...
И свечей трепещущее пламя
Не сулило никакой беды.

Пахло так волнующе и вкусно,
Радужно дробились пузырьки...
...А на кухне жарилась капуста.
От нее остались угольки!

Одиночество

С одиночеством вы не венчаны,
Почему же тебе не хочется
Одинокую столь же женщину

Пригласить в твое одиночество?
Почему вечерами долгими
Мнешь в руке журнал недочитанный,
Ну, а сердце скребет игалкою,
Неуютной тоской пропитанной?
Почему на пыль холостяцкую
Променял семейные хлопоты,
На ночную удаль кабацкую
И на будни скучного робота?
На окне гербарий гераневый,
На столе глазунья остывшая...

...Одиночеством забураченный,
Спящий город мерцает крышами...

***
Вспоминай обо мне иногда,
Так, как детское вспоминают...
Для тебя я - только звезда,
Ведь с такими не изменяют...

Вспоминай иногда налегке,
Что меня ты однажды встретил,
На мгновение сжал в руке -
Ведь таких больше нет на свете...

Вспоминай, как простились легко,
Чуть печалась и торжествуя...
Ты сейчас далеко-далеко,
Но ты знаешь: Я существую!

Женщина, которую любил

Ты ее забыл. Совсем забыл.
Память паутиной оплела...
Женщина, которую любил,
Горько-горько-сладкою была...

Ты ее забыл. Совсем забыл.
И уже не вспомнишь мельком вдруг
Женщину, которую любил,
Всплеск ее неповторимых рук...

Ты ее забыл. Совсем забыл.
Расотпал, как сорванный цветок,
Женщину, которую любил,
Без которой просто жить не мог...

Ты ее забыл. Совсем забыл.
Сердце подчиняется часам...
Женщина, которую любил...
А любил ли? Ты не знаешь сам...

***
В глазах чужих не утонула -
В твоих глазах не утону.
Не обожгла - не дотянула,
И может быть, не обману...

Прости. Отравленные стрелы
Предназначались не тебе!
Неловко так и неумело
Я прерываю свой забег.

Луна в зеленом. Тихий вечер.
И быть вдвоем уже нельзя...
Мои опущенные плечи,
Твои глубокие глаза...

***
Уже разбит хрустальный куб,
Лежит осколками дождя...
Моих ты не коснешься губ,
В полузабвенье уходя...

Мы не помиримся уже,
Наполам разделим ложь,
И ты в разгульном кураже
Остаток счастья проведешь...

А я, слезами замоля
Дни, что в любви я провела,
Поставлю вместо хрусталя
Куб из обычного стекла...

С нуля

Свершила поворот Земля,
Совсем как в детстве карусель...
Жизнь начинается с нуля
Восьмеркою на колесе...

Разбит убогий тарантас,
Я от него не жду чудес...
За мной прилут на этот раз
По меньшей мере, «мерседес»...

Повозка жалкая моя!
Ты столько лет меня везла...
Теперь с тобой прощаюсь я -
Без сожаления и зла...

С нового листа

Я на тебя почти уже не злюсь...
Ты приходишь и сниться перестал.
И я внезапной встречи не боюсь,
Жизнь начиная с нового листа.

Не вслушиваюсь в шорох за спиной,
И не боюсь вечерней темноты,
И тени не охотятся за мной -
Ведь растворился
в зыбком прошлом ты...

А я тебе простила тишину,
Простила рай, который ты украл.
Я больше не веду с тобой войну.
Ее ты проиграл!

Любовь.

Она придет. Всплеснет руками.
Заставит встать, умыть лицо,
Круги припудрить под глазами,
Надеть сережки и кольцо,

Сменит за вечер три наряда,
Шальные кудри распустишь...
Пристанет так...

Чего ей надо?
Не даст спокойно погрузиться!

Она опять всплеснет руками,
Не понимая, отчего
Валяюсь с книжкой я в пижаме
И не меняю ничего.

Не жду, не плачу, не скучаю,
К дверям вприпрыжку не бегу...
И никого не замечаю -
Хотела бы, но не могу.

Она придет, ногою топнет,
Заденет так, что вспыхнет кровь
И мой покой уютный лопнет -
Она придет ко мне, Любовь...

Конфетка.

У тебя хороший, добрый взгляд,
И не рвется разговора нить.
Мне вокруг все хором говорят,
Что давно пора тебя женить,

Что тебе такая и нужна,
Что свое я счастье упушу...
Только я -
бу/шная жена
И обратно замуж не спешу...

Ты меня конфеткою зовешь,
Будущим безоблачным маня.
Но в моей душе не ты живешь -
Горькая начинка у меня.

Для тебя я -
драгоценный клад.
Но пока ты не поймешь совсем,
Что там -
просто горький шоколад
Или ядовитый сладкий джем?

И конфетку вертишь ты в руках
И пустой прихлебываешь чай...
Чтоб не оказаться в дураках,
Ты пока обертку не снимай!

Стекло.

Слышу, слышу голос твой,
Голос за стеклянной дверью,
Чуть качаю головой
И тебе почти не верю..

Льются, льются как вода
Нежные твои словечки,
И находят без труда
В сердце узкое местечко.

Я не знаю, как мне быть -
Ведь на сердце так тревожно -
Дверь стеклянную разбить,
Или приоткрыть немножко.

Льются лестные слова,
В облаках душа витает,
И кружится голова,
И стекло, как льдинка, тает...

Брошенка.

Я теперь разведенка. Брошенка.
И не жду я родного к ужину...
Потерявшаяся горошинка,
Превратившаяся в жемчужину.

Потерпела я поражение,
Ожидала - век буду маяться...
Только в зеркале отражение
Так счастливо мне улыбается...

Почему-то мысли разбросаны.
А печаль торжественна и светла -
И цветут июльские розы,
Там, где только польнь росла...

***
Вы меня совсем не помните -
Так печальна и нежна
По пустынной бродит комнате
Ваша бывшая жена.

Распустилась роза чайная,
Погасил сквозняк свечу,
Почему я так отчаянно
Встречи с Вами не ищущу?

Почему такие разные
Без упрека и вины
Мы теперь ничем не связаны,
И друг другу не нужны?

***
Еле слышно капает вода,
Муха глупо бьется о стекло.
Мы с тобой расстались навсегда,
И уже от сердца отлегло.

Оторвав тебя с куском души,
Отпустила с миром от себя.
Чтоб меня тоска могла душить,
Горько и безудержно любя...

Было вместе нам так хорошо,
Страсть пылала, как лесной пожар,
Отчего же ты к другой ушел?
Отчего ты слова не сдержал?

Еле слышно капает вода,
За окном вечерние огни.
Вместе мы не будем никогда:
Счастливы будь.
Господь тебя храни...

***
Отпускаю стихи, отпускаю...
Неуютной душой не держу...
В тесной сумке с собой не таскаю,
Ярких шарфов из них не вяжу...
Отпускаю стихи, отпускаю.
Просто так всем подряд раздаю,
Словно чистую воду плескаю
В неуютную душу мою...
Отпускаю стихи, отпускаю
Голубками в окно от души...
И безоблачно пережидая
Их парение в синей тиши...

Наталья ЕРЕМЕЕВА

Твой солдат, Родина

В свое время А. Солженицын сказал: «В каждой жизни есть какое-то событие, решающее всего человека: и судьбу его, и убеждения, и страсти...»

Павла Дмитриевича Климова такими событиями судьба наградила с лихвой.

Не поле перейти...

7 ноября 1920 года в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома», в которой вождь всех народов призвал резко ускорить темпы сплошной коллективизации.

В деревне начались два взаимосвязанных процесса: создание колхозов и раскулачивание. Ликвидировали крепкие хозяйства и за счет этого обеспечивали материальной базой коллективные.

Кулаков выселяли с семьями, отбирая у них все. Судьба раскулаченных людей служила примером тем, кто не желал добровольно идти в колхоз. А так как власти не дали точного определения кого считать кулаком, в черный список попадал всякий крепкий хозяин.

Таковых в Сибири оказалось большинство. Мужики корчевали тайгу да распахивали целину, на сколько желания и сил хватало.

В эту переделку попал дед Павла Дмитриевича Климова, Архип Яковлевич, сын пленного австрийца и Татьяны Захаровны Феровой.

Отца Татьяны Захаровны за политику выслали вместе с семьей когда-то из Петербурга. Он был членом кружка, созданного Михаилом Васильевичем Петрашевским. Члены этой организации выступали за демократизацию политического строя России и освобождение крестьян с землей. На «пятницах» у Петрашевского обсуждались планы организации тайного общества, создание подпольной типографии, разрабатывалась пропаганда для народа. Петрашевцы были арестованы по доносу 23 апреля 1849 года. За борьбу против правительства их осудили: одних отправили на каторгу, других выслали в Сибирь.

Архипу Яковлевичу на момент коллективизации было 69 лет. И главнее его богатство это одиннадцать детей, девять из которых сыновья.

Разве мог он быть бедняком, имея в арсенале столько сыновей, любящих и умеющих работать. Архип Яковлевич был крепким хозяином. Имел большой дом, скотину и по очереди, и по возможности помогал ставить дома отделившимся от родового гнезда, детям.

Много позже получила Валентина Михайловна Тупицина, двоюродная сестра Павла Дмитриевича и внучка расстрелянного деда, справку о реабилитации: «Постановлением президиума Новосибирского областного суда от 18 января 1964 года «Постановлением особой тройки ПП ОГПУ Западно-Сибирского края от 13 марта 1930 года в отношении Климова Архипа Яковлевича, 1861 года рождения, осужденного по статье 58-10-11 УК РСФСР к исключительной мере наказания» отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения. Климов А.Я. по данному делу реабилитирован».

Кузнецкстрой

...Деда расстреляли, а внуку, Павлу Дмитриевичу Климову, по комсомольской путевке разрешили уехать из села.

На строительство Кузнецкстроя я прибыл 13 апреля 1930 года, - пишет в своих воспоминаниях Павел Дмитриевич Климов, - поселили меня в одну из палаток, которые стояли около деревни Бессоново. Палатки были двойные, обогревались круглыми железными печами. Вдоль стен стояли металлические нары. За печью направо - стол, по бокам - две скамейки. Налево - примитивная вешалка для одежды, под ней обувь. По одну сторону от входа ящик для белья, по дру-

вые ножки, точеную фигурку, русые косы, уложенные короной вокруг головы. Одно слово - хороша.

И мужская атака началась. Где уж устоять при таком настойчивом ухаживании. Да и льстило ей внимание взрослого, уверенного в себе парня, ведь многие товарки на него заглядывались. В восемнадцать лет стала Сашенька женой Павла, а через год мамой: у них родилась дочка Тамара. Как бы ни были они загружены работой, но находили время для душевных разговоров по вечерам.

Тогда-то Павел Дмитриевич и узнал, что Сашеньке только полтора года и было, когда ее отец, обменяв зимой в городе свой тулуп на хлеб и возвращаясь домой полураздетым, в дороге промерз настолько, что, пролежав какое-то время на печи, но так и не оклемавшись, умер. Остались его трое детей сиротами. Благо, мама их, Авдотья Федосеевна, была женщиной расторопной да веселой. Где она - там улыбки да смех. Рядом с ней любая работа спорилась и в тягость не была. Потому и заглядывались на вдовушку мужики.

Павел Чуйков заслал к Авдотье Федосеевне сватов. Переписав ребятишек на свое имя, увез семью в Сталинск, на

Заметила шуструю девчонку молодая семья врачей. Она - гинеколог, он - терапевт. Целыми днями на работе. Вот и взяли Сашеньку себе в дом нянькой. Присмотрелись, все налету схватывает девчонка. Время от времени стали с ней заниматься грамотой. Уговорили учиться. Александра поступила в школу рабочей молодежи, получила там начальное образование.

Профсоюзная организация нянск дала девушке направление в трамвайный грест, куда приняли ее на должность кондуктора. Параллельно с работой в августе сорокового окончила Александра курсы водителя трамвая. Попав в молодежный коллектив, вступила в комсомол.

«Идет война народная...»

Вот так разными дорожками, но сошлись два любящих человека для счастья и продолжения рода. Жить бы да радоваться на подрастающую дочь, но 22 июня 1941 года началась страшная, кровопролитная война.

Слухи о ней в народе уже ходили. Но слухам люди верят лишь наполовину и очень надеются, что именно их минует сия беда. На рассвете сон особенно крепок, сибиряки еще спали, когда война уже перешагнула границы Родины. В одну минуту она переломала судьбы советских людей. Объявленная мобилизация подставила под ружье мужское население всей страны.

По первому призыву ушел на фронт Павел Дмитриевич. И первый же бой - за столицу, за нашу Москву. Потом были Калининичи, Варшава и, наконец, Берлин. Долгие, трудные годы войны. Невыносимо трудные дороги, расквашенные дождем, разбитые техникой и кирзухой, переправы через болота, речушки и реки. Кровь, смерть, огромные потери. Старшина Климов как мог старался облегчить трудную долю простого солдата.

По воспоминаниям однополчан о своем старшине (из материалов музея школы №103) можно судить о Павле Дмитриевиче как о руководителе:

- Когда у солдат началась цинга, врач Куликов приказал всем старшинам делать настой из сосновой коры и хвои. Климов следил за тем, чтобы каждый воин обязательно ежедневно выпивал стакан этой немудреной настойки...

- Одно время все обовшивели, и тут старшина проявил смекалку. Соорудил со своей службой парилки для дезинфекции одежды и бани. Перед баней лично брил солдатом головы. А в дальнейшем строго следил за чистой воинского белья...

- В свободные минуты уставшим от боев и смертей солдатам сержант Климов устраивал концерты художественной самодеятельности, привлекая к этому талантливых однополчан и жителей освобожденных территорий.

Муж ушел на войну, осталась Александра с двухлетней Тамарой и свекровью Евдокией Павловной. Кормить и одевать троих стало ее обязанностью. В депо Александра Ильинична старалась брать только ночные смены. Отколесив на деревянном трамвасе двенадцать часов по городу, ставила вагон на смотровую яму, чтобы подготовить его к новому выезду. Сколько гаск за годы войны пришлось перекрутить ее рукам. Выручала молодость. А дома, поспав только два-три часа, садилась за швейную машинку. Из белой простынной ткани шила женские блузки, украшая каждую вышивкой. Они получались очень нарядными и на базаре пользовались спросом. Да не только блузки были подспорьем в хозяйстве. Ни от какой работы не отказывалась молодая женщина, только б не голодала ее семья.

Не раз приходилось ей ходить по пус-

Ветераны на стреловстве мемориала «Бульвар героев». Второй слева Павел КЛИМОВ.

кую ящик с углем. В таких условиях мы жили до мая 31-го. Затем для нас в районе улицы Музейной построили засыпные бараки. В них у каждого был уже отдельный топчан. Рядом с ним персональная тумбочка. Спали мы на матрасах, набитых соломой, под головой ватные подушки. В одном конце барака - печь и камера хранения. В другом - Красный уголок с шашками, шахматами, газетами и журналами. Здесь же мы регулярно выпускали и свою стенгазету.

...Павел Дмитриевич всегда был в центре всех интересных дел. Его заметили и направили работать в трамвайный грест освобожденным комсомольским секретарем.

Саша Сафронова прибывала к стене какой-то лозунг, когда в раскомандировку вошел комсомольский секретарь греста. Он обратил внимание на девушку, стоящую на табурете. Отметил ее краси-

строительство КМК. Купили они небольшую избушку в районе депо на деньги, что выручили от продажи деревенского хозяйства.

Павел с темна до темна трудился на комбинате, а Авдотья - с детьми дома. К трем ее детям родились еще трое общих: два сына и дочка. Так что работы Авдотье хватало, только знай, крутись. Обшивая детей, научила шить и вышивать своих девчонок. Как же пригодилась им потом эта наука. Не раз Александра благодарила мать за нее.

Дети Авдотьи росли старательными и трудолюбивыми. Для Александры чайник, полный питьевой воды, был еще тяжелой ношей. Но она, помогая матери, продавала воду кружками. На вырученные гроши покупала зерно для каши. Авдотья брала из рук девочки маленький узелок, отвернувшись, чтобы та не видела ее слез, гладила дочку по голове.

тым полям в поисках оставшейся картошки. «Гашнотики» — это блюдо из мороженой картошки не было вкусным, но голод угождало. Хотя и с ней не всегда взло — бывало, что уходила водителю трамвая на смену с пустым желудком. Зато дочка ее была сыта и нарядна — обшивала она ее с особой любовью.

Труд Александры Ильиничны на про-

Один день на фронте.

изводстве не остался не замеченным. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года она была награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

О раннем детстве Тамара Павловна, дочка Павла Дмитриевича, вспоминает так:

— Мы жили недалеко от пединститута, где в общежитиях его в то время базировался военный госпиталь. Мои игрушки были выкинуты из окон госпиталя пузырьки и коробочки от лекарств, различной формы гипсы. Между кустов акации с подружками играла я ими в свою больницу.

Главные дела мирной жизни

Дойдя до самого Берлина, сфотографировавшись на развалинах Рейхстага, Павел Дмитриевич в декабре 45-ого вернулся домой. В горьком парии, увидев его ордена и медали: два ордена Отечественной войны, орден Красной звезды, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», предложили ему должность помощника директора Кузнецкой ТЭЦ. И оказалась эта должность ему по плечу.

В трудные послевоенные годы Павел Дмитриевич много сделал для станции, и для поселка Кульяновка. Для успешной работы нужны были люди, на которых можно было положиться в любой ситуации. Павел Дмитриевич разыскал своих однополчан. Кому же больше верить, как не тем, с кем прошел дорогами войны и одержал Победу? Одиннадцать человек откликнулись на его призыв и, помогая друг другу, построили себе дома во вновь строящемся рабочем поселке.

Сразу после назначения на должность помощника директора ТЭЦ и пока шло строительство собственного дома в поселке, Климовы переехали в Кузнецк на улицу Почтовая (эта улица названа в январе 1981 года именем первого директора алюминиевого завода Леонида Александровича Бугарева — Н.Е.).

Александра Ильинична с работы ушла, чтобы содержать дом в должном порядке. Все у нее получалось. Хозяйкой она была гостеприимной да хлебосольной. Недаром многочисленная родня мужа любила

присезжать к ним в гости и за помощью. В ней Павел Дмитриевич не отказывал никому и никогда.

В Сталинске активно шло строительство алюминиевого завода, а для его успешной работы — Кузнецкой ТЭЦ, деревообрабатывающего завода, жилого фонда. В городе, в том числе и на Кульяновке, были лагеря с пленными немцами.

Только на Кульяновке пленные построили жилые дома для всего Заканального района, магазин, клуб, школу, баню, вручную вырыли два канала, они до сих пор служат для охлаждения турбин ТЭЦ.

Два пленный немца каждый день приходили к окнам климовской квартиры.

— Одному лет сорок, а другой — совсем мальчишка, — рассказывала Тамара Павловна. — Ставили на скамейку небольшой железный котелок и кричали бабушке: «Матка! Матка!». Бабушка, выглянув в окошко, отправляла меня за котелком, наливала в него два черпачка супа и наказывала: «Неси аккуратно, не расплещи. Да никому об этом не рассказывай».

Когда я немного подросла, то спросила у бабули, почему она так делала. На что получила ответ, что не все виноваты в той войне. И у этих немцев, наверняка, тоже есть мамы. Мне хочется написать об этом в передачу «Жди меня», вдруг, кто откликнется, — мечтательно говорит Тамара Павловна, — ведь пленные перед отправкой на родину сумели попрощаться с бабушкой и в благодарность подарили ей золотой кулон.

Когда семья Климовых переехала в новый дом, и пришла пора Тамаре идти в школу, то возникла проблема. Учиться в поселке пока было негде. Ребятушки независимо от возраста ходили пешком за пять километров вдоль железной линии в деревянную школу №62, что стояла когда-то в районе бывшего клуба имени Н.В.Гоголя, рядом с прачечной. Совсем маленьких возили в открытом кузове грузовой машины, но довольно часто по производственной необходимости она не приезжала. Можно только догадываться, о чем думали работающие мамы этих ребят, ведь дорога до школы была трудной и опасной.

Из письма Виктора Павловича Титова с Украины:

— В школу мы шли мимо первого и второго корпуса ферросплавного завода, вдоль ИТК-12 — это трудовая колония для пленный немцев. Каждое утро наблюдали, как выводили их отрядами, вели строем в шеренгу по шесть на работу. Немцы считались расконвойкой, но все же охрана была. Одеты кто во что, но во все немецкое. Со стороны это очень походило на эпизод из фильма «Сталинградская битва». Взрослые нам объясняли, что пленные отрабатывают за то, что разрушили во время войны фашистские солдаты.

Мы — кидали в них камни и называли фашистами. А немцы отвечали, что они не враги, дарили нам глиняные свистульки, клоунов на веревочке, клюющих по очереди деревянных курочек. Просили взамен хлеба, картошки, видимо, не додали. В каждом доме поселка жили фронтовики, но ненависти к пленным взрослые не выражали и нас одергивали. Сами были далеко не богаты, хлеб еще получали по карточкам, но за игрушку через детей что-нибудь из съестного им обязательно передавали, — продолжает рассказывать о своем детстве Виктор Павлович.

Администрация ТЭЦ взялась за строительство школы. Для строительства здания под школу был только проект. А пока решили оборудовать под нее маленький, пустующий дом, предназначенный для проживания только одной семьи. Домик в два окна с улицы Водосливной стоял на берегу теплого канала. В нем-то и стала Тамара Александровна Помогаева первой учительницей и первым директором. Ученикам парты изготовили сами родители. В первой небольшой комнатке школы была печь, в ней весело потрескивали поленья дров. На улице снег, мороз, а здесь мальчишкам и девчонкам тепло и уютно. Укутанная в шаль женщина затопила ее задолго до прихода ребят. А теперь принимала у учеников пальтишки и вешала на гвозди, вбитые прямо в стену.

Двери этой школы открыли для учеников первого и второго класса сразу после зимних каникул, в январе 1948 года.

Вспоминая об отце, Тамара Павловна говорит, что он никогда не ждал, а сам

определял место, где на данный момент в нем особенно нуждались. Кульяновка — это его детище. Много хорошего было осуществлено по его задумкам и при его непосредственном участии. Телефон, установка на перекрестках улиц водных колонок, освещение, разбивка сада, озеленение улиц, их благоустройство, строительство танцплощадки, на которую по вечерам стекалась молодежь не только Кульяновки, но и близлежащих поселков.

Можно сказать, что Кульяновка — это одно из заметных дел на земле Павла Дмитриевича Климова, но далеко не последнее.

Обладая огромными организаторскими способностями, неугасающей с годами энергией, Павел Дмитриевич и на заслуженном отдыхе не смог просто сидеть на лавочке. Он пришел в 103-ю новокузнецкую школу с огромным материалом о 486-м артполке, с которым прошагал дорогами войны до самого логова фашизма.

Последние десять лет своей жизни Павел Дмитриевич Климов возглавлял

совет ветеранов Бранденбургского полка. Вел огромную переписку с однополчанами. Ему ежедневно приходили письма, на каждое из которых он отвечал. Активно сотрудничал с местной газетой «Земляки», поднимал на ее страницах злободневные вопросы, которые волновали не только его однополчан, но и всех мужчин, вернувшихся после войны к мирной жизни.

Под его началом из заинтересованных учителей и учеников школы был создан поисковый отряд. Поисковики за несколько летних каникул проехали по главным местам сражений артиллеристов. Собрали бесценный, богатейший материал. Используя его, во всех классах школы накануне Дня Победы проходили уроки мужества, уроки ответственности, уроки любви к Родине и месту, в котором довелось родиться.

Под руководством П.Д.Климова и при его непосредственном участии были организованы три весомые встречи однополчан. На первую, состоявшуюся в 1984 году, в школу съехалось со всего Советского Союза более трехсот бывших воинов.

Во время второй встречи ветеранов на Бульваре Героев было установлено боевое орудие полка — 152-мм артпушка, привезенная из самой Москвы.

Жизнь не в интересах своего кошелька

Где бы не находился Павел Дмитриевич — на фронте, на трудовом посту, везде его отличали предельная честность и ответственность к порученному делу. Трудности не сломили его волю, не де-

формировали душу. Изучение жизни такого человека очень полезно современному поколению, чтобы воспитать на его примере людей, способных жить не только интересами своего кошелька.

«Живыми памятниками ходим мы по земле, омывтой кровью...»

Этими словами поэта 486-го артполка Алексея Семеновича Чернова начался праздник, посвященный присвоению музею, правда, уже посмертно имени Павла Дмитриевича Климова, где достойно представлены материалы о его боевых друзьях-однополчанах.

Из представленных материалов видно, что эти солдаты Родины были далеко не богатыми людьми. У многих было трудное и не всегда сытое детство. Многие пострадали от репрессий местных чиновников. И могли бы обидеться из-за этого на свою Родину. Обидеться за несправедливое, а порой и жестокое отношение к ним. Но грянула война. И все они, забыв обиды и лишения, встали на ее защиту. Воевали достойно и победили.

Вечная им память в наших сердцах и низкий, до земли, поклон.

г. Новокузнецк.

Наташка

В тот день Наталья с мужем возвращались из сада. Сотовый завибрировал и по машине разлилась знакомая мелодия вызова.

- Наташка, это Мистер!

...В то лето каникулы затянулись. Комиссия уже объявила о готовности новой школы к открытию, которая была не хуже городской. Четыре этажа гордо возвышались над одноэтажными строениями Кульяновки.

Первый, где был актовый зал и школьные мастерские, утопал в низине. Широкое парадное крыльцо с металлическими сварными перилами, как мост над рекой, возвышалось над ним и вело к главным школьным дверям сразу на второй этаж. И первого сентября на общешкольной линейке в просторном коридоре четвертого этажа выстроится семьсот двадцать учеников от семи до пятнадцати лет. Сейчас трудно представить, что в небольшом рабочем поселке за год рождалось более шестидесяти будущих школьников. Человек чувствует себя по жизни увереннее, если он не одинок, если есть у него братья и сестры. С этим ребята Кульяновки повезло.

Маленькая конопатая девчонка с тремя горбинами в руке топала по ступенькам лестницы на последний этаж. Подойдя к окну, удивилась — весь Закапальный район, как на ладони. Через открытую форточку шумит большой водопад, сбросный канал принимает в свое тело падающую воду, и несет ее до самой Рушпайки.

- Наташка, посмотри на озеро. Какое оно красивое сверху, а вон пляж, — сказала подошедшая к окну одноклассница Галя.

- Да, точно! «Вон на берегу канала наш дом! И мама в огороде!

Мама Наташки и двух ее младших сестер, Антонида регулярно выписывала журнал «Семья и школа» и воспитывала своих детишек по науке. С самого детства приучала их к труду. Двор был полон скотины: тут тебе и куры, и поросенок, и кролики, и корова. Так что-то, а работы всегда хватало.

Бывали в доме и праздники. Но больше всего Наташке нравились семейные зимние вечера. Огород, который забирал много времени, тепло укутанный снегом, отдыхал, копил силы для будущего сезона. Забота о животных полностью перекладывалась на отца. И после ужина семья собиралась у радиоприсемника. Отец пилел бредень, а мать учила девочек нехитрому рукоделию. А еще Наташка любила чтения перед сном, жаль, удавались они не часто — мать работала по-сменному. Возможно, поэтому вечера были особенно дороги. Антонида читала с выражением, регулируя интонацию и громкость голоса. И это походило на импровизированный спектакль.

Наташка любила свою «тридцать вторую». И годы учебы летели легко и быстро. Давно ли было девять, а уже семиклассница.

В этом году в школу пришел новый директор, Иван Алексеевич Силичев. Он же учитель истории.

С приходом весны в школе поселилось состояние влюбленности. Для молоденьких учительниц это было трудное время. При каждом удобном случае головы влюбленных девочек поворачивались в сторону предмета обожания, поворачивая свои затылки и к учителю, и к доске. А глупые наивные записочки затуманивали им ум — тут совсем уж становилось не до объясняемой темы.

В 7-ом «А» заводилой стал Владимир Анисимов. Казалось, обычный пацан. Не было в нем ни высокого роста, ни красивой внешности: какие-то пухлые губы, непонятной формы нос, слегка оттопыренные уши... Но он был смелый, и от него шла какая-то особая энергетика. Вероятно, поэтому мальчишки прислушивались к нему, а девочки влюблялись. Вокруг Володи часто разгорались какие-то страсти, ревность, записочки. Маль-

чишка был не по годам влюбчив и очень галантен к женским особам. Ему даже придумали прозвище «Миллиард». Это аббревиатура, составленная по начальным буквам фамилий его юных пассий: Милешина, Литвиш, Арсенюва. Но со временем как-то само собой Миллиард дорос до Мистера. Несмотря на то, что мистер это обращение к нетитулованному гражданину мужского пола, вел он себя так, словно ему заслуженно присвоили самый важный из всех существующих на земле титулов, и нес его с особой гордостью.

Наташка смотрела на Мистера с обожанием. Нет, она не ревновала его к местным красоткам. Антонида часто сравнивала дочь с другими девочками. И в этих сравнениях Наташка проигрывала.

Только однажды она почувствовала себя интересной для одноклассников. Это было во время новогоднего бала. Мать сшила ей костюм цыганки: широкую, пышную, в пестрых цветах юбку до пола, ярко синюю блузку, на пояс повязала шаль с кистями, а главное из искусственных нитей сплела две длинные косы. Спрятав под платком резинку, удерживающую на голове это черное блестящее чудо, и надев на лицо очки-маску, Наташка шагнула в спортзал, где стояла наряженная елка.

В тот вечер она ни осталась не замеченной. Во время игры в ручек ее выбирали. Почтаillon новогодней почты то и дело приносил новое послание. А когда Анжела самая красивая девочка в школе пела свою знаменитую «Рула ты рула, ты рула ла-ла...» осмелела настолько, что представила себя на ее месте...

Праздники закончились. Маска упала с лица и открыла веснушки, светлые короткие волосы пришили на смену косам. А после зимних каникул под пристальным взглядом матери Наташка опять надела ненавистные нарукавники, такие же, как в фильмах носили старые и угрюмые бухгалтеры. Объяснение этому было простое: «Ты старшая. После тебя форма достанется Гале, потом Версе. Они что будут сверкать заштанованными локтями?»

И потому стать подружкой Мистера Наташка даже не мечтала. Но она чувствовала его кожей. Очень хотелось, чтобы Мистер заметил ее, назвал по имени. Она делала корабрики из листов школьной тетради и отправляла их по воде. Верила в то, что, проплывая дом Мистера, который стоял вниз по течению, кораблик передаст ему привет и расскажет о девочке тайно влюбленной в него. Один на один они встретились случайно. Мистер шел навстречу. У Наташки ноги прилипли к шатающимся плахам узенького мостика. Раскинув руки, мальчишка взялся за перила и перегородил ей дорогу.

- Спасибо за поздравление.
- Я тебя поздравила?
- Твоя открытка, — сказал он уверенно, доставая ее из портфеля.

- Е.Н. Да инициалы мои, но не почерк. Похоже, это блондинка из параллельного.

На следующий день после уроков Наташка вышла из школы. На крыльце, облокотившись на перила, стоял Мистер.

- Пойдем вечером на старое озеро. Говорят, там опустились белые лебеди.

На малом водопаде собралась большая часть класса. Граница между озерами была из гравия и речного камня, покрытого слизью узенькая и кое-где скрытая водой. Решили идти гуськом. Договорились не шуметь. Но разве такое возможно, если ноги то и дело разъезжаются, и кто-нибудь обязательно падает в воду да еще тянет за собой соседа. Закончилось все шумным и веселым купанием сначала в озере, а потом у водопада. Вода после ТЭЦ, где охлаждала турбины, была как парное молоко, брызги ее, падающие с высоты, раскрашенные лучами заходящего солнца, казались россыпью драгоценностей. Купаться в таком великолепии было верхом наслаждения.

Но такое место на Кульяновке было единственным. Третий водопад в поселке переливал воду из сбросного канала сразу за общественной баней в Рушпайку. По субботам здесь было паломничество. Бани работала несколько дней в неделю, но именно в субботу там собиралась огромная очередь. Родители общались друг с другом, а подростки купались среди столбиков, оставшиеся от действующего здесь когда-то моста. Это был поворот реки с очень быстрым течением. Ребяты, поднырнув, крепко хваталась руками каждый за свой столбик и выныривала. Тело течением выпрямлялось. А вода, тормозя о головы, укутывала их в шикарные пушистые воротники. Из-за шума говорить было трудно. Но для чего же глаза? Общение шло наперемигивании. Мистер время от времени подмигивал Наташке, а она в ответ на мгновение крепко зажмуривала оба глаза сразу и быстро распахивала ресницы навстречу мальчишеской улыбке. Ее конопатый мокрый нос блестел на солнце.

Неожиданно быстро прозвенел звонок с последнего урока в этом учебном году. Вроде ждали, а все равно неожиданно. Завтра классный час.

С самого утра, как только взошло солнце, и высохла роса, девочки пошли к Томи. Они решили подарить своему классному руководителю, всеми обожаемой Любви Николаевне, огоньки. В такой поход за поселок в течение лета они ходят еще много раз. И поводам будут поспешившие черемуха и боярышник, распустившиеся ромашки, незабудки и лилии, сбор лекарственных трав и просто желание посидеть у костра, попеть печной картонки и пообщаться. Это было одно из красивейших мест их малой родины.

Запах цветущей черемухи дурманил головы. В этот год она обещала обильный урожай. Между зарослями кустарников время от времени появлялись небольшие полянки с цветущими огоньками, кандыками, медуницами. Летнее солнышко приискало, и девочки, снимая теплые кофты, подставили ему для загара пощечки за зиму руки. Подружки рвали цветы, весело смеялись, говорили о предстоящих танцах.

- Кто умеет танцевать чарльстон?
- Я!
- Научи.

Надзем проделывала свои «па» грациозно. Наташка, которая не раз тренировалась дома перед зеркалом, встала напротив ее.

- У тебя получается, — сказала Надзем, — девочки, присоединитесь.

Постепенно чарльстон был забыт, и началась невообразимая пляска. Наташка прыгала, махала руками и чувствовала такую легкость в теле, словно она не плясала на земле, а парила над ней. Это состояние полета запомнилось на всю жизнь.

Для концерта сьедьмой «А» подготовил отрывок из повести Гайдара «Тимур и его команда». Наташка играла Квакина. Сразу после выступления побежала домой переодеваться. Одежду для роли она взяла на время у соседского мальчишки.

В актовый зал она вошла, когда танцы начались. Но в центре зала крутились только девочки. Было немного смешно смотреть на чарльстон со стороны. Но он был в моде. Как известно мода сменит дважды: когда приходит и когда уходит. А когда властвует, то уж властвует по полной.

Мальчишки все еще выжидали. Кто толкался среди танцующих девочек и мешал им. Кто набивал зоску, виртуозно подбрасывая ее согнутой в колене ногой. Кто-то бегал курить. Наташка видела, как Мистер поднялся на сцену, где находился проигрыватель, сменил одну пластинку на другую, и по залу полилась мелодия танго. Через весь зал подошел к Наташке, наигранно склонил голову и со словами: «Мадам, разрешите», — подал руку для танца. Девчонка смутилась, танго это парный танец, тут нужно особое умение.

- Не трусь, я поведу.
Он взял Наташкины руки и положил себе на плечи, а свои осторожно опустил на се-

лию. Мистер повел по залу, приговаривая: «Раз, два, три — поворот, раз, два, три — поворот». Доселе неведомое чувство охватило девчонку. Впервые к ней прикасались мальчишеские руки, и впервые она танцевала не одна. От волнения Наташка не видела и не слышала, что творится вокруг. А вокруг танцевали другие пары.

Когда казалось, танцы были в самом разгаре, учителя объявили об окончании праздника. Расходиться совсем не хотелось.

- Пойдем на водопад.
- Уже темно. Страшно.
- Страшно, но очень интересно.

Наташка бывала там, но с девочками и днем, а ночью вряд ли бы когда решилась. Не упускать же случай. Водопад — это не что иное как железобетонный короб с узкой верхней крышкой посередине, окруженной со всех сторон железными перилами. Вода, посеребренная светом луны, несет с огромной скоростью по дну короба, маня за собой, и шумно падает с высоты в сбросной канал, обильно посылая калиями всех любителей адреналина. Это была местная Ниагара и служила испытанием на прочность.

Наташка, не отпуская из рук перилы, шла вслед за Мистером. Дойдя до конца и оперевшись на ограждение, подростки подставили свои лица танцующим брызгам. Мистер что-то говорил. Но девчонка смеялась и мотала головой, прикладывая руки к ушам, в знак того, что она ничего не слышит. Мистер прикасался к ее мокрой щеке своими губами, а Наташка замирала от страха и удовольствия.

Вскоре к ним присоединились и другие любители приключений. Промокнув окончательно, подростки пошли бродить по ночным улицам поселка.

- Каникулы! Завтра будем спать сколько угодно. Ура!!!

Но такой праздник закончился прозаически просто. Обычной поркой. Зато, что дочь не вернулась домой до десяти вечера, мать души отсырела ее хворостинкой.

Утром ласковое солнышко своим лучиком пощекотало девчонку по щеке и зацепилось за ресницы. Вспомнилась ночной водопад и первый поцелуй мальчишки. Наташка потянулась, улыбнувшись солнышку и предстоящему дню. Но чтобы вечером отпустили гулять, надо до прихода родителей с работы переделать кучу дел. Список лежит на столе. Нежится некогда, пора вставать.

Наташка крутилась то в доме, то в огороде. Нарвала кроликам и курам травы, намыла и поставила варить чулчок картошки для порослят. Сестры вертели под ногами, просились кунаться. Наташка отмахивалась: «Подождите, некогда».

...Наташка уже несколько дней не видела Мистера. Когда голова и руки чем-то увлеченно заняты, то все постороннее от цели мысли отодвигаются на задний план. Но вечерами перед сном вспоминался во всех подробностях последний школьный день и все, что тогда произошло. Спросить о Мистере у кого-либо было неудобно. Наташка пошла на второй поворот озера.

Там у самой дамбы бил родник. Пошла одна, чтобы посидеть, подумать, попросить родник об исполнении заветного желания. Сюда часто приходили девочки, прихватив из дома немудреную еду, поиграть в куклы, а молоденькие девушки умытьесь родниковой водой для вечной красоты и молодости. Народу приходило много, но вокруг родника всегда был порядок. Здесь никогда не сорили и никогда не рвали цветов. Наташке повезло. Сегодня здесь было тихо. Прямо на траву она постелила полотенце и легла. Наблюдала за плывущими по небу облаками, стараясь придать им знакомые очертания, и слушала родник. А он своим журчанием потихоньку приводил ее мысли в порядок.

- Когда-нибудь я узнаю, почему он не приходит. А он никогда не узнает, как мне сейчас больно.

Пос. Кульяновка.

Геннадий СОЛОВЬЁВ

Геннадий Сергеевич Соловьев родился в 1938 году в селе Второй Троицк Тюменской области в семье колхозника. В 1955 году окончил Карасульскую среднюю школу. В 1960 году окончил Ишимский государственный педагогический институт историко-филологический факультет. Работал учителем истории в селе Ново-Локти. С 1961 года - учитель железнодорожной школы № 77 на станции Белово Западно-Сибирской ж/д.

В 1964 году назначен директором школы. В 1983 году переведен директором школы № 76 Кемеровской ж/д. Отличник народного просвещения, Почетный железнодорожник. В 1994 году переведен директором школы № 10 станции Белово-Кемеровской ж/д.

В 2003 году стал пенсионером и начал писать воспоминания о своем голодном, босоногом детстве.

А вернулись только двое

Военные годы наиболее отчетливо помнятся мне с зимы 1943.

В нашем селе Второй Троицк (Тюменская область) стали обучать новобранцев 1925 года рождения. Их собрали с окрестных деревень и поселили в сельском клубе. Офицер учил будущих солдат ползать по снегу, колоть штыком, стрелять по мишеням. Начинили и заканчивали строевой подготовкой.

Вечером в клубе звучала музыка. Нас, мальчишек, а мне в ту пору было около пяти лет, привлекало настоящее «чудо» - патефон. В селе ни у кого такого аппарата не было, не было и радио.

Мы, мелюзга, забирались под стол, и с любопытством наблюдали, как ставят пластинку, крутят ручку патефона, и вдруг раздавался голос певца.

Провожать новобранцев собралось множество народу. Строй дружно зашагал на станцию, где солдат должны были отправить по железной дороге напрямик на фронт. Вслед уходящим парням надрывно зарыдали женщины, а вместе с ними и детвора. Нас потом долго не могли успокоить.

Пополнение, заменившее потери после Сталинградской битвы, в основном пошло на Курскую дугу. Забегая вперед, скажу, что из тех ста призывников, ушедших зимой 1943 года, вернулись с фронта всего двое, и те по ранению: парень из соседнего села и мой брат Петр. Ему перебило позвоночник. Случилось это в 1944, во время прорыва блокады Ленинграда.

Привезли братку на телеге, сняли, подерживая под руки, подали костыли, и пошел он, волоча за собой ноги. Долго потом лечился, перенес несколько операций, был на курортах в Гаграх, Сочи, и все-таки встал, но инвалидом остался навсегда.

Телячья шкура

Военные годы в памяти моих ровесников ассоциируются с чувством постоянного, острейшего голода.

В нашей семье голод был особенно тяжелым, ведь мать одна воспитывала семерых детей. Отца как «врага народа» арестовали в декабре 1937 года. За какие-то долги забрали единственную корову. Мама работала в колхозе за трудодни, на которые не давали ни хлеба, ни денег. Надежда была только на огород. Сажали картошку, но, поскольку семена были плохими, а то и вовсе одни глазки, урожаем земля не баловала. Еще выращивали капусту, свеклу, морковь, огур-

цы. В огороде сеяли горох, рожь, ячмень, просо, лен, коноплю.

Долгими зимними ночами при керосиновой лампе мать прядла лен, ткала полотно, чтобы одеть большое семейство.

Дети делали всю работу в огороде и дома. Зерно сушили на русской печке, затем мололи на жерновах. Полученную муку смешивали с тертой картошкой и пекли «хлеб».

Труднее всего было весной, когда кончались картошка, овощи и зерно. В это время приходилось ждать, когда вырастут травы - полевой лук, крапива, лебеда, шавель. Из них варили щи, суп, пекли лепешки. Однако после такой пищи быстро подтягивало животы. Оживала детвора, когда появлялись ягоды и грибы. Так повторялось из года в год.

Все старшие ребяташки летом, после окончания занятий в школе, работали в колхозе. Малыши оставались дома одни, и нам трудно было приготовить еду из травы. Однажды мама пришла домой с работы поздно вечером и застала всех зареванными - мы не ели целый день. Она обхватила нас руками и сама зарыдала, уговаривая лечь спать, потому что приготовить было не из чего.

Пятнадцатилетний Николай, который был уже конюхом в колхозе, предложил сварить телячью шкуру, которую обнаружил на чердаке. Шкуру достали, опалили шерсть, разрубили на кусочки, несколько штук отправили в котел. Остальные отложили на другие дни. Разварившиеся куски растерли в чашке и разделили на всех. Запивали «бульоном». Отчетливо помню, что эта пища показалась мне очень вкусной. Но шкуры хватило ненадолго...

Когда дети стали пухнуть от голода, нашей семье вернули корову. Только молока с нее уже не было. Надорвалась животина на тяжелой работе, на ней ведь поле пахали, сено возили, и уже не телилась. А как выжить без молока? Выручил нас председатель колхоза. Как-то вечером Иван Васильевич заехал к нам и предложил матери работать на молококанке (пункте переработки молока). Мать стала отказываться, ссылаясь на неграмотность. Однако председатель возразил, мол, первый класс ликбеза окончила и до тысячи считать умеешь.

- Ты не украдешь, - сказал в итоге Иван Васильевич и разрешил ежедневно брать для детей полфляги молока.

Сыворотка нас поддерживала.

Кормилец

Зимой Николай, работая конюхом, стал проминать колхозного жеребца - ездил верхом на нем по снегу в лес, а заод-

но ставил петли и привозил ежедневно одного или двух зайцев - сытную пищу для семьи. Так продолжалось до тех пор, пока не появился филин. Заяц, попав в петлю, начинал кричать, совсем как ребенок. Филин прилетал на крик и склевывал добычу с головы, оставляя одни лапки.

Когда снег стаял и зайчи тропки терялись, юный охотник переключался на тетеревов. У них как раз начинался брачный период. Косачи выбирали место для тока на поляне среди мелкого леса. Еще до восхода солнца они слетались туда и начинали издавать призывные звуки для гетерок - зрелище удивительное. Увлеченные птицы не замечали сделанного в лесочке шалаша, где укрывался наш братишка, который еще с вечера расставлял по кругу петли из конского волоса, привязанные к вбитым в землю кольшкам.

Тетерева бегали по полянке и попадали ногами или головой в петли - один, второй, третий. Охотник выскакивал из укрытия и собирал добычу. Так природа помогала нам выживать.

Когда Николаю исполнилось шестнадцать лет, он по призыву пошел работать на железную дорогу. Ежемесячно ему выдавали пуд пшеничной муки, которую он привозил матери.

Красный флажок надежды

В тот день было очень тепло. Все взрослые работали на посевной. В лукошко насыпали зерно, женщины становились в один ряд и медленно шли по вспаханному полю, разбрасывая перед собой зерно. У тех, кто имел сноровку, зерна падали удивительно равномерно.

О Победе председателю сельсовета сообщили из города по телефону. Он выскочил на улицу, распряг лошадь и верхом помчался в поле.

Надо сказать, что Серко, который возил повозку председателя, тоже был ветераном войны.

Списанную после ранения лошадь отдали колхозу взамен на молодых коней. Бегал он плохо, под седлом уже не ходил, для поля не годился.

Вот и возил председателя сельсовета, вернувшегося с фронта с туберкулезом легких. Но в тот момент два фронтовика забыли о своих недугах и, окрыленные доброй вестью, мчались, чтобы передать ее людям.

Увидев председателя, скачущего на лошади во весь опор, люди замерли в ожидании. Остановив взмыленного Серко, он долго не мог отдышаться и сказать, в чем дело. Но, наконец, превозмогая боль в груди, он закричал:

- Бабоньки! Милые женщины! Победа! Наша Победа! Мы победили фашистов!

Женщины вмиг поставили лукошки на землю и с плачем, причитаниями бросились в село. Вскоре все собрались у сельсовета. А женщины стали обнимать, целовать друг друга. Незаметно толпа разделилась на две части. В одной оказались вдовы, получившие похоронки с фронта. Их было больше, чем женщин, которые еще ждали мужей с войны, в том числе без вести пропавших. И все-таки в тот день всем хотелось верить в чудо. И надеяться на лучшее.

Помню, как мы искали по всей деревне кусок красного материала на знамя, чтобы вывесить над сельсоветом. Дома мы обнаружили красный берет, разрезали его и сделали флажок, который прибили к палочке и повесили на воротах.

Надежда нашей семьи сбылась. Зимой 1947 года пришел отец. Он не смог жить в одном селе с людьми, которые оговорили его десять лет назад, и перевез нашу се-

мью в другую деревню, ближе к городу, где мы и пережили последствия войны.

Предчувствие

Не спалось Домне Федоровне в ту ночь. Только задремала..., перед глазами - грохочущий грузовой состав пронесется по станции.

- Зачем такая скорость? Куда спешат поезда? - подумала она и вдруг увидела на подножке тамбура последнего вагона своего сына Алексея. Он машет красным флажком...

Проснулась Домна Федоровна, толкнула мужа в бок:

- Что ты храпишь? Мне спать не даешь...

Владимир Егорович вынужден был уйти спать в другую комнату, и дверь, закрыл, чтобы не беспокоить жену.

Но стоило Домне Федоровне только задремать, как тяжкий сон стал одолевать её снова. На этот раз её Алексей собирал товарный состав. Машинист толкал вагон с такой силой, что лягз прицепленного вагона прокатывался по всей станции.

- Почему на нашей станции идет формирование грузового состава? - во сне спросила себя Домна Федоровна. - Случилась авария? Почему Алексей развернулся и стал ругать машиниста?

Снова проснулась.

- Что такое со мной творится? - подумала она. - Волнуюсь, сердце бьется так часто, будто хочет вырваться из груди? Может, что случилось с Алексеем? Работал кондуктором, три года назад стал сцепщиком. Ни одного брака, ни одной аварии не сделал. У сына отцовский характер, спокойный, осмотрительный, решения принимает обдуманные.

Отец проработал дежурным по станции около тридцати лет. Работа ответственная, взысканий нет, одни награды. У Алексея походка отца и манеры такие же. Дай Бог и сыну удачу!

Пойду выпью валерьянки, может, успокоюсь усну. Время только за полночь перевалило.

Долго ворочилась с боку на бок Домна Федоровна, не брала ее сон и после лекарства. Незаметно заснула. Снится ей теперь, будто собирает она в поле красную крупную полевую клубнику. Вся поляна обильно усыпана ягодами. Полный билдон уже, некуда класть. И вдруг пронесится мимо груженный состав. В тамбуре хвостового вагона сидит ее сын Алексей и кричит: - Меня...а...а...а...

...Соскочила с постели Домна Федоровна вся в поту, а в голове стук уходящего поезда и слышит только: - У... У... У!

- Пойду-ка я к дежурному по станции, попрошу позвонить на работу к Алексею. Все ли в порядке с сыном? - решила она.

Уже рассвело. Прошел пассажирский поезд. Дежурный по станции в красной фуражке стоял на перроне и поджидал приехавшего начальника станции Ивана Акимовича, который в этот раз был сам не свой.

- Что-то случилось, - подумала Домна Федоровна, а начальник издала спросил дежурного:

- Суровневы дома? Беда! Алексей попал между вагонами по вине машиниста. Смерть наступила мгновенно.

Домна Федоровна держалась за ручку двери у входа к дежурному по станции и все слышала.

Все сознание отпечатались последние слова, сказанные начальником. Она медленно стала опускаться, цепляясь за двери. Ей всё еще слышался с платформы хвостового вагона голос её родного сына: - А... А... А...

Сердце матери перестало биться.

Анатолий ГУЛЯЕВ

«Кому позор, кому бесславие, а кому бессмертие?»

Дед, Роман Иванович (1874 - 1940 г.г.)

го уезда Томской губернии, годовалым ребёнком.

Дед, Роман Иванович, был кузнецом, имел кузницу и жил со своим семейством за счёт неё.

До того как принять решение на переселение в Сибирь, из Орловской губернии хаживал он на заработки в «Донбасс», города: Донецк, Горловку и в другие места. «Постукивал» там своими молоточками, но корнями почему-то не прирастал, постоянно возвращался в свою деревню, Протасово, до тех самых пор пока не решился на самое длинное, ...сибирское «путешествие».

Жена деда, Марья Никаноровна, о которой в семье почти не осталось сведений, в скором времени, после переселения в

Сибирь, умерла, оставив деду четверых детей: трёх дочерей и сына, то есть моего отца, о котором и пойдёт весь дальнейший рассказ.

С самого раннего возраста, как и положено, Николай находился рядом с отцом, по силам помогая ему в непростом деле, начиная с самого элементарного - поддержания в рабочем состоянии кузнечного горна, раздувания его горновыми мехами.

С раннего возраста познал он свойства металла: железа, меди, латуни, стали - научился обращаться с ними в холодном и горячем состоянии, освоил сварку металлических деталей кузнечным способом, закалку и отпуск различных деталей. Умел лудить, паять, мог коня подковать или перековать и многое другое...

В памяти семьи сохранилась легенда.

Когда время пришло маленькому Коле пойти учиться в усятскую церковно-приходскую школу (было это, приблизительно, в 1914 - 1916 годах, когда шла Первая мировая война, школа в селе действовала с 1861 или 1883 года), то учёба его как-то сразу не заладилась. На пе-

ременке, балуясь со сверстниками, Коля невзначай ударил головой в живот невесты откуда взявшегося учителя богословия и настоятеля местной Пророко-Ильинской церкви.

За такую невиданную дерзость мальчик тут же был изгнан из школы.

Во все времена, без попа и кузнеца не могли обойтись ни в одном русском селе, доме, избе. Время от времени и тот, и другой требовался, как воздух, поскольку первый - венчал, крестил и отпевал всех, кому это требовалось. Второй - приводил в работоспособное состояние металлические части, нехитрой крестьянской утвари - ремонтировал телеги, кошёвки, сани, паял прохудившиеся самовары и чайники, ковал и перековывал лошадей.

Однажды, и сам усятский батюшка позавидовал кузнецу, прямо так и сказал: «Смотрю я на тебя, Роман Иванович, и завидую: хорошо живёшь, у тебя каждый стук рублём оборачивается...»

- А тебе батюшка и стучать не надобно, сказал «о-ла-ла...», вот тебе и полтора, - долго не думая, ответил ему острый на слово и своенравный кузнец.

Не понравился тогда священнику ответ кузнеца, засела в его душе обида на «звонаря». Возможно и потому, что не часто приходил кузнец в церковь, Богу помолиться, выгнал священник из школы сына кузнеца так скоропалительно.

Но, как говорится, обижайся не обижайся, а пришло время и священнику идти к кузнецу на поклон: охромела лошадейка, перековывать её требовалось. Приехал он кое-как в кузницу, посетовал на свою беду Роману Ивановичу. А тот, возможно в силу своего тяжёлого характера, однозначно заявил, что не сможет в этот день выполнить его просьбу, из-за занятости другим делом. Пуще прежнего обиделся святой отец на неспутного прихожанина, представить себе не мог как возвращаться обратно.

- Да ты не переживай сильно, батюшка, - начал успокаивать попа кузнец, - дело поправимое, позволь только исполнить его мосму сынишке, не смотри что он маленький, не хуже меня управится с твоей лошадейкой.

Не поверил услышанному священник, подумалось ему, что кузнец вновь над ним язвит. Но сопротивляться предложенному не стал, очень уж не хотелось возвращаться домой, через всё село, на хромой кобыле. И не пожалел, даже залюбовался тем, как ловко управлялся с его строптивой кобылой совсем ещё маленький парнишка.

Отметив, что животное слушалось ребенка значительно лучше, чем его, старого священника, ученики в школе на уроке по «Закону Божьему». И, когда парнишка успешно справившись со всеми делами, смущённо сообщил, что батюшка может ехать, священник прослезился, ласково потрепав его своей рукой и сказал его отцу: «Толковый у тебя парнишка, обязательно должен ходить в школу, грамота ему пригодится».

Когда священник отбыл восвояси, кузнец, хитро ухмыляясь и не откладывая в сторону своих дел, запел под нос любимую песенку:

*«Все говорят, что я ведра почию,
Все говорят, что я дорого беру.
Три копейки - донышко, дужечка - пятак,
Вся моя работушка, стоит четвертак.
Три копейки - донышко, дужечка - пятак,
Вся моя работушка, стоит четвертак...»*

В 1928 году, когда в Усятах началось массовое раскулачивание, дед Романа, с оставшимися с ним сыном и дочерью, признали не пролетарскими элементами.

Лишили избирательных прав, как человека использующего в своём хозяйстве наёмного работника (глухонемого молотобойца, дальнего родственника, с которым они жили вместе и работали «одной артелью» ещё с орловских времён). И вот нате вам - лишены избирательных прав, фактически, лица без гражданства, подготавливаемые к раскулачиванию и последующей высылке в Нарымский край.

Дед Роман, не в пример односельчанам, подвергавшимся процедуре раскулачивания, не пошёл наперекор судьбе и новому веянию времени - он добровольно передал образованному колхозу кузницу, со всеми «причиндалами», и сам вступил в колхоз.

Поэтому, первого марта 1929 года был восстановлен в правах. После восстановления в гражданских правах, в семье деда произошло важное событие: сын привёл в дом молоденькую жену, мою маму: чалдонку, «соседку» дочь, «убегом» ушедшую из родительского дома замуж.

- Какие там они были богатеи: две лошадейки, да три коровёнки, - всегда говорила мама, нам, своим детям, когда разговор заходил о раскулачивании семьи деда Романа, всегда считавшая хозяйство свёкра, ма-

Отец, Николай Романович (1909 - 1956 г.г.)

Сложно начинать повествование о самых близких мне людях: отце, матери... Но это моя святая обязанность.

Хочу рассказать вам о несправедливости свершившейся полвека тому назад в отношении моего отца Николая Романовича Гуляева.

А дело было так...

В семье моих родителей, Николая Романовича и Евдокии Игнатьевны, детей до зрелого возраста выросло шесть человек: три сына и три дочери, среди которых я - самый младший.

Отец мой, Николай Романович, родился в 1909 году в день весеннего Николая, 22 мая, в деревне Протасово Орловской губернии.

В скором времени после рождения сына Николая, его отец, Роман Иванович, поддавшись на столыпинскую пропаганду (в те годы, шутя, говорили, что в Сибири на деревьях пышки растут), вместе с многими близкими и дальними родственниками, решился переселиться в Сибирь.

Путешествие их длилось целый год: на лошадях, телегах, со всеми пожитками и членами семейств (старыми и малыши), через все пересыльные пункты на протяжении всего их пути...

Не все, из решившихся на такое радикальное изменение своей жизни и судьбы, добрались до цели, многие в дороге умерли, кое кому довелось и родиться. Николая привезли в село Усяты Проктопьевской волости Кузнецко-

леньким в сравнении с хозяйством своего отца. С её доводами сложно было не согласиться, поскольку переселенцы, пусть и прожившие в Сибири два десятка лет, всё равно жили значительно беднее тех, чьи предки поселились в эти края не одно столетие тому назад. Те, которые называли себя «чалдонами» выросли своими корнями в сибирскую землю значительно сильнее, чем недавно переселившиеся «росейские», поэтому «чалдоны» и имели от земли значительно больше, чем вновь прибывшие.

В 1931 году, после рождения в молодой семье сына, Николая Романовича призвали на действительную военную службу в Красную армию, где прослужил он год и девять месяцев. После демобилизации и возвращения к семье, впервые отец официально устроился на работу, на государственное предприятие, Прокопьевский хлебозавод № 1. Первая запись в его трудовой книжке сделана 14 января 1934 года.

Работал он на хлебозаводе и автослесарем, и токарем, и шофером. За год до начала войны, в 1940 году, дед Роман умер, и для Николая Романовича начался новый, самостоятельный жизненный этап.

С началом Великой Отечественной войны, 15 июля 1941 года, когда Николаю Романовичу исполнилось тридцать два года, он являлся отцом четверых детей и вновь был призван Прокопьевским райвоенкоматом на воинскую службу в армию.

Где, после непродолжительной начальной военной подготовки в городе Ачинске (где в последствие довелось учиться в военном училище мне), был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы в Восточную группировку войск, под Благовещенск. Оттуда на Северо-Западный фронт, шофёром в 493 сапёрный батальон.

Четвёртого сентября 1942 года, под Старой Руссой, при разминировании минного поля для прокладки дороги, Николай Романович подорвался на вражеской противопехотной мине (по колено оторвало ему левую ногу). И после лечения в госпиталях, с вердиктом: «негоден для дальнейшей воинской службы», в конце ноября 1942 года на костылях, вновь вернулся в Прокопьевск, к своей семье.

Первого августа 1943 года, он вновь был принят на работу, на всё тот же Прокопьевский хлебозавод № 1.

С началом индустриализации страны, с 1918 и 1919 годов (после «Первого съезда Советов» и «Восьмого съезда РКПб», на которых были приняты «План...«ГОЭЛРО» и решение о освоении недр Западной Сибири...Кузбасса), Советская страна начала жить и работать в интенсивном режиме. Тем не менее, несмотря на значительный прогресс во всех областях народного хозяйства, доля ручного труда оставалась высокой.

Государство стремилось механизировать и автоматизировать производственные процессы, но заменить ручной труд механизированным, и автоматизировать производство в короткий срок не получалось. Поэтому государство поддерживало и поощряло различные инициативы снизу.

Так, на одной из кузбасских шахт механиком Яковом Гуменником был сконструирован и изготовлен на производственной базе механического цеха шахты проходческий комбайн. Комбайн был запущен в серийное производство на одном из механических

заводов области и длительное время успешно работал на многих угледобывающих предприятиях, изучался в учебных заведениях горно-шахтного профиля, как передовое оборудование, и получил официальное название - «ПКГ» (проходческий комбайн Гуменика).

Перед хлебулочной отраслью пищевой промышленности страны, со времён её основания, остро стоял вопрос связанный с выпуском штучного хлеба определённой массы. Поскольку работа по постоянному взвешиванию и перевешиванию каждой булочки хлеба выпускаемой производителем (как на предприятии при передачах хлеба на склады и получении его со складов, так и в магазинах оптовой и розничной торговли хлебом) отнимало множество лишних трудозатрат, снижало рентабельность производства и так далее. Поэтому многие умные головы по всей стране занимались решением этой проблемы.

В начале пятидесятых прошлого века взялся за это дело и Николай Романович. К слову сказать, в послевоенный период своей трудовой деятельности он активно занимался многими сложными производственными задачами, за что поощрялся дирекцией предприятия и продвигался по служебной лестнице.

Так, Виктор Евгеньевич Брагин (известный кузбасский горный инженер, доктор технических наук, профессор Кузбасского государственного технического университета), окончивший среднюю школу в 1948 году и начинавший свою трудовую деятельность на Прокопьевском хлебозаводе № 1 шофёром, лично говорил мне в 2008 году: «Дядя Коля, в моё время работы на хлебозаводе, работал нечто вроде главного механика хлебозавода».

Виктор Евгеньевич не один год в своей жизни отработал директором шахты, поэтому его слова соответствуют действительному понятию называемой должности.

Со слов мамы, после войны отец продолжительное время работал и заводом.

Именно в эти годы Николай Романович начал работать как мыслитель: рационализатор и изобретатель. Он внедрял в гражданскую жизнь, производство то, что доводилось ему видеть и делать на войне.

В качестве примера можно привести следующее: в годы войны автотранспорта на хлебозаводе почти не осталось, доставку хлеба по магазинам производили, в основном, гужевым транспортом. Поэтому, для возрождения автослужбы на хлебозаводе, Николай Романович предложил воспользоваться разбитой военной техникой, поступающей в Новокузнецк (тогда город Сталинск), на КМК для переплавки. По договорённости с руководством КМК, несколько разбитых машин были получены и доставлены в Прокопьевск на хлебозавод.

И в эти, казалось, «мёртвые» машины вдохнули жизнь и, они ожили. Немногим позднее, эти же машины ставили на самодельные гусеницы и пахали на них землю и для нужд предприятия, на подсобном его хозяйстве, и на огромной гриве частных усвятских огородов.

Поскольку, во время войны и в первые послевоенные годы на предприятии была острая нехватка не только автомашин, но и людей способных управлять ими, приходилось из двух ин-

валидов войны (безногого и слепого), фактически двух калек, «делать» одного «нормального» водителя.

Для чего, уже тогда, отец делал двойное управление машиной, где один работал ногами, а второй руками. Таким «экипажем», он — одноногий, работал со слепым Иваном Мальцевым.

Поскольку в послевоенное время была острая нужда абсолютно во всём, поэтому много чего придумывал Николай Романович и на чисто бытовом уровне - делал ручные винтовые прессы и матрицы для ручной штамповки: пуговиц, вилок, ложек из всевозможных доступных материалов и многое другое.

Поэтому тестоделителем, то есть машиной, которая должна была выдавать точные порции хлебо-булочного сырья (теста), Николай Романович начал заниматься не «с чистого листа», как скажи бы теперь, а как грамотный специалист в области механики, в равной степени изобретатель и организатор начатого дела.

Он не только теоретически разработал тестоделитель, но и организовал изготовление и доводку его первого опытного экземпляра в условиях не большой механической производственной базы своего предприятия. Провёл обкатку его, проверку работоспособности и эффективности на своём предприятии.

Не всё и не сразу получалось у Николая Романовича с его детищем, много чего приходилось переделывать по ходу дела, дорабатывать и домысливать. Много бессонных ночей провёл он в раздумьях над возникающими неполадками.

И думы его не оказывались бесполезными, тестоделитель на своём предприятии показывал хорошие результаты, из которых складывались надежды на его дальнейшую жизнь и дальнейшие перспективы.

Встал вопрос о регистрации тестоделителя как изобретения. О всех наработках, предложениях и возникающих вопросах данного направления, подробно докладывалось в вышестоящую инстанцию, трест Кемеровоуголь.

Откуда, по поводу оформления документов и представлений на регистрацию изобретения сообщили, что для представления документов на «тестоделитель» в Москву, как на изобретение, испытаний его на одном предприятии недостаточно. Необходимы дополнительные испытания на других предприятиях, в различных регионах (областях) страны.

Для чего на Кемеровском ремонтно-монтажном комбинате хлебопекарной промышленности выпускают опытную партию «тестоделителей» и разошлют их по разным регионам.

Если подтвердятся результаты и показатели (полученные на Прокопьев-

ском хлебозаводе № 1) и там, то только после этого можно говорить об оформлении документов как на изобретение.

Намеченной программе действий был дан «зелёный свет» и всё, хоть и не очень быстро, но завертелось.

От автора теперь требовалось лишь терпение и ожидание результатов испытаний, которые, несомненно, должны были получиться положительными.

Дирекция хлебозавода, по секрету сообщила, что есть предложение: параллельно с оформлением документов на регистрацию «тестоделителя» как на изобретение, выдвинуть кандидатуру Николая Романовича и на награждение Сталинской премией. Последнее, в то время, было широко распространённым. Поэтому Николай Романович искренне поверил, что и его «счастливая судьба» пройдёт через это. Этим он и поделился с большой женой, так же по «секрету». Говорил: «...вот получу Сталинскую премию за «тестоделитель», на курорт тебя отправлю, ты там вылечишься... Ох, и славно же проживём мы тогда!..»

Не довелось сбыться мечтам Николая Романовича, не дождался он ни окончания испытаний своего детища, которые растянулись на несколько долгих лет, ни обещанной Сталинской премии. Подвело здоровье: в возрасте сорока семи лет его не стало, пятого июля 1956 года.

Мама, Евдокия Игнатьевна (1912 – 1995 г.г.)

Своими учениками, помощниками, видимо, и соавторами в создании «тестоделителя» Николай Романович считал: Баркова (имя и отчество забыто), Ивана Павловича Лемайкина (в будущем главного инженера хлебозавода) и Романа Петровича Первалова.

Немногим более чем через три года после смерти Николая Романовича, в пятницу, 21 августа 1959 года, в областной газете «КУЗБАСС» № 197 (9717), на последней полосе, вышла небольшая обзорная статья о достижениях кузбасских машиностроителей в области лёгкой промышленности, под общим названием: «О законной кузбасской гордости и некоторых головотях...», автор публикации - С. Шнапир.

В статье, на ряду с прочим, автор со-

общает читателю и о «тестоделителе», и о Гуляеве. Привожу дословно:

«Будучи в Ленинграде, я заходила в хозяйственный магазин в знаменитом Гостином дворе... Вижу, на прилавке много разных пылесосов, и покупатель в затруднении. «Все они хороши, - говорит продавец. — Но народ похваливает больше всего прокопьевский «Буран», его в Кузбассе делают». Как услышала это, чувствую, у меня сердце забилось. Так приятно стало...

Это мне рассказывала мимоходом о своих отпускных днях скромная кемеровчанка, старшая машинистка одного из отделов облисполкома Ирина Владимировна Дорофеева.

Находясь недавно в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства, я зашёл в павильон хлебной промышленности. И именно сразу же вспомнил рассказ Ирины Владимировны, так как и у меня возникло то же самое приятное чувство гордости за своё близкое, кузбасское...

Стыдно вато, правда, признаться в этом жителю Кемерова, но там, в Москве я впервые услышал и тут же увидел, что есть такая замечательная машина, как тестоделитель «Кузбасс», который славится по всей стране. Я был свидетелем, как о нём восторженно отзывались хлебопёки, приехавшие в Москву из разных областей.

Старший экскурсовод павильона, узнав, что мы как раз из Кемерова, попросила уточнить адрес таинственного предприятия, выпускающего этот замечательный «Кузбасс», так как на пластинке, прикреплённой к агрегату, очень лаконично и скромно значилось: «Ремонтно-механический комбинат города Кемерова».

- Чей это комбинат? — спрашивала экскурсовод, - совнархоза или облисполкома или промкооперации? У вас в Кемерове, наверное, не один ремонтно-механический комбинат? Многих интересует точный адрес.

Выйдя из павильона, я удивлялся поразительной скромности некоторых наших кузбасских земляков, умеющих тихо, без шума делать прославленные вещи.

И вот передо мной лежит стенограмма недавно состоявшегося в Кемерове областного совещания работников хлебопечения. На этом совещании были гости из соседних областей.

Тов. Зудова, главный инженер Алтайского треста хлебопечения, в своей речи сказала на совещании:

- Мы благодарны вам за то, что вы сделали тестоделитель «Кузбасс». Это прекрасная машина. Это лучший из всех тестоделителей для хлеба килограммового развеса. Мы стараемся внедрить «Кузбасс» на всех наших предприятиях.

Тов. Карташова. Заведующая Центральной лабораторией города Томска, заявила совещанию:

- Только благодаря тестоделителю «Кузбасс» мы добились хороших показателей по выработке штучного хлеба.

В одном из московских специализированных журналов мы прочли коллективную статью из Новосибирска где рассказывается о многократно произведённой там проверке работы тестоделителей ещё раз подтвердившей, что «Кузбасс» даёт самые лучшие результаты.

Читая эти отзывы, снова думаешь о том, каким, видимо, скромным человеком был мало кому известный покойный Гуляев, прокопьевский слесарь, основной конструктор тестоделителя «Кузбасс» и как скромны продол-

жатели начатого им дела.

И невольно вспомнилось, что ещё Антон Павлович Чехов в своих товарищеских замечаниях Максиму Горькому по поводу пьесы «Мещане» отмечал «присущий русскому рабочему человеку элемент скромности».

Всегда ли мы умеем правильно ценить своё, кузбасское?..»

Добрые люди принесли в семью Николая Романовича эту газету, почти сразу же после выхода её в свет. Мама, помня о «обещанной» Сталинской премии, в которой семья действительно очень нуждалась, пошла с этой газетой на предприятие, на котором всю свою трудовую жизнь провёл её супруг. Там посоветовали обратиться в пись-

ботки штучного хлеба вместе с транспортёром для подачи хлебных форм, который получил название «Кузбасс».

Материал на тестоделитель «Кузбасс» направлен в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР.

Если тестоделитель «Кузбасс» признают как изобретение тогда будет выделена определённая сумма для премирования работников, в том числе имеется в виду и тов. Гуляев. При этом условии деньги будут выданы и семье тов. Гуляева через Прокопьевский хлебокомбинат.

Управляющий трестом хлебопекарной промышленности.../Быков/»

Что касается финансовой составля-

жило и не давало покоя на протяжении всей взрослой жизни, хотелось разобраться во всём самому. Поэтому, после увольнения с воинской службы (в запас) и возвращения на родину, поддерживаемый сестрами, взялся за дело, начиная буквально с нуля.

«Прошёлся» по городским и областным архивам и библиотекам.

Перво-наперво нашёл газетную публикацию. Потом, через знающих людей - «Описание изобретения, к авторскому свидетельству». В котором значилось, что заявка на изобретение заявлена 15 июня 1959 года, за № 630930/28, в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Информация об этом опублико-

Групповое фото (сделанное, вероятно, в начале 1950-х годов) работников хлезавода № 1, на фоне гаража и «реанимированных» военных автомобилей. Слева — направо: Бычков Иван Фёдорович; Щур Андрей Афанасьевич; Гуляев Николай Романович; Коробков Николай Иванович; Хаджимитов Пётр (отчество забыто); Сергей Михайлович (фамилия забыта); Егшин Александр (отчество забыто); Миронов Михаил (отчество забыто).

менном виде в вышестоящую инстанцию и выдали точный почтовый адрес.

Обратились... и в скором времени получили ответ из «Исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся, Кемеровского областного треста хлебопекарной промышленности (за номером 2 — 2/327 от 11 сентября 1959 года)», в котором казённым языком но вполне понятно, семье «...основного конструктора тестоделителя «КУЗБАСС», как значилось в газетной публикации, сообщили:

«На Ваш № 8238/16 от 1/9 — 1959 года.

Действительно, первый образец делителя для выработки штучного хлеба, на Прокопьевском хлебокомбинате был предложен и изготовлен бывшим слесарем этого хлебокомбината тов. Гуляевым.

За проявленную инициативу по созданию тестоделителя тов. Гуляеву было выплачено 2000 рублей. Первый образец этого тестоделителя не был принят как изобретение или рационализация.

В дальнейшем, после смерти тов. Гуляева работниками хлебокомбинатов: Прокопьевского, Кемеровского, РМК и аппарата треста был сконструирован и изготовлен тестоделитель для выра-

ющей, о которой говорится в приведённом ответе Управляющего трестом хлебопекарной промышленности Кемеровской области, то об этом было сообщено ровно через пятьдесят лет, буквально следующее:

«Маме после смерти отца выделили ручную швейную машину «Подольск». Через 19 лет, в 1975 году, из Кемеровского отделения «ВОИР» (Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов) ей выслали ещё 450 рублей...», - сообщила в своей статье «О ЗАКОННОЙ КУЗБАССКОЙ ГОРДОСТИ...», младшая из дочерей Николая Романовича, то есть моя сестра - Зоя Николаевна, в Беловской районной газете «СЕЛЬСКИЕ ЗОРИ» №32, пятого мая 2009 года.

После «ответа» из Кемерова стало понятно, что в отношении «вождемной Сталинской премии семье Николая Романовича, за изобретение отца и мужа ничего не полагается.

После этого, опустили они руки и больше к этому вопросу не возвращались. Все наработки и имевшийся в семье материал, касавшийся «тестоделителя», со временем был утерян и забыт.

Во мне же, всё то, о чём было сказано выше (не финансовая составляющая вопроса, а само дело, и память об отце),

вана в «Бюллетене изобретений» № 3 за 1960 год».

После получения этой информации, я сделал запрос в Москву, в «РОСПАТЕНТ». Получил ответ, из «Федерального института промышленной собственности Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (ФГУ ФИПС)». В котором сообщалось:

«На № 6/н от 23.06.2005 г. Касается патента на изобретение № 125774.

В поступивших документах заявки № 630930/28, по которой было выдано авторское свидетельство СССР № 125774, отсутствует указание о том, что автором (одним из авторов) заявленного изобретения является Н.Р.Гуляев.

В поступивших документах заявки № 630930/28 имеется письмо Управляющего трестом хлебопекарной промышленности Быкова, в котором говорится о том, что изобретение по указанной заявке отличается от устройства разработанного Н.Р.Гуляевым, и было создано коллективом работников хлебокомбинатов.

Приложение: копия указанного в тексте письма на 1л. в 1экз...»

В своём запросе, кроме всего прочего, я просил сообщить мне фамилии, авторов на которых выписано «свиде-

тельство об изобретении» тестоделителя «Кузбасс», поскольку это для меня тоже очень важно, но эту информацию не сообщили, значит ещё нужно предпринимать какие-то действия для их поиска.

Всё то, что удалось «накопать» мне в ходе собственного расследования, я изложил, осталось высказаться лишь в отношении главного, отмеченного в самом начале повествования - обиды, глубокой обиды за родного отца.

... Не однократно в жизни доводилось мне слышать от знакомых отца, что проживи бы Николай Романович ещё годов, этак пять, то за тестоделитель он получил бы не только Сталинскую премию, но и золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Не берусь судить, соответствует ли это изобретение такой высокой государственной награде, возможно, что говорившие льстили делу Николая Романовича. Тем не менее, такие субъективные суждения звучали и не единожды. И о письме «товарища» Быкова люди знали, называли его лживым; ворами называли кое-кого из тех, чьи фамилии в семье Николая Романовича очень хорошо знали.

Многократно и внимательно вчитываясь в текст - «послания из прошлого», в статью С. Шнапира «О законной кузбасской гордости и некоторых головотях...», всё больше прихожу к выводу что «послание» это не простое. Оно явно имеет ещё какой-то невидимый на первый взгляд смысл, написано, словно по правилам какой-то тайнописи, с целью переноса во времени важной и не каждым разгадываемой информации, судите сами: зачем так назойливо, автор статьи многократно повторяет о какой-то непонятной «скромности» («скромная кемеровчанка; лаконичная и скромная надпись; удивлялся поразительной скромности некоторых наших кузбасских земляков, умеющих тихо без шума делать прославленные вещи; каким, видимо, скромным человеком был мало кому известный покойный Гуляев, прокопьевский слесарь, основной конструктор тестоделителя «Кузбасс» и как скромны продолжатели начатого им дела...»).

Подумалось, как можно судить о скромности совершенно не знакомого тебе человека, а уж тем более - о мёртвом?

Цинизмом сквозит от утверждения, что мёртвые «скромны». Тем не менее, с таким утверждением, с точки зрения какой-то «компьютерной философии», согласиться можно. Поскольку умерших действительно не «интересует» ни что, из того что творится в бренном человеческом мире, над ними... на земле.

Но как можно согласиться с утверждением, что «скромны» и продолжатели дела Николая Романовича. Как можно назвать «скромными» людей, которые «кинули» покойного, после его смерти. Присвоив - дело, на которое он потратил все последние годы своей жизни... Тут, по всей видимости, надо понимать слова о «скромности», как - ровно на противоположные: какими непорядочными и безответственными оказались «продолжатели» дела Николая Романовича. И так по всему тексту.

И уж тем более склоняюсь к таким мыслям, когда автор отправляет меня к пьесе Горького «Мещане».

О какой же «скромности» сообщает автор пьесы, то есть А.М. Горький, в своём произведении? Мнение из учебника - «Хрестоматии по русской лите-

ратуре»: «В «Мещанах» речь идёт о трусости и гнилости интеллигенции, которая озабочена только своим благополучием: «Пётр Бессменов некогда был причастен к студенческим волнениям. Теперь он проклинает своё прошлое, ненавидит свою родину и мечтает о тихой мещанской, обывательской жизни. «Чорт дёрнул меня, - говорит он, - принять участие в этих дурацких волнениях!..»

Как вяжется сказанное литературным персонажем, с делами, проходящими красной линией через всё моё повествование и доводами?

Вяжется и очень хорошо.

Закодированные слова автора статьи говорят о том, что техническая интеллигенция комбината и треста - инженеры, которые так или иначе работали с документами, касавшимися тестоделителя, видели и знали о незаконности, которое творилось вокруг изобретения, но умолчали об этом.

Зачем им подвергать себя немилости, из-за какого-то там слесаря, тем более умершего.

Подтверждение высказанному предположению получается и если хронологически расположить известные теперь факты:

1 - Заявка на регистрацию тестоделителя, как изобретение, подана 15 июня 1959 года;

2 - Газета со статьёй С. Шнапира «О законной кузбасской гордости и некоторых головотях...», вышла 21 августа 1959 года (немногим более чем через два месяца после оформления «заявки»);

3 - «Документ» за подписью Быкова, якобы отправленная в два адреса: Гуляевым в Прокопьевск и в редакцию газеты «Кузбасс», но, странным образом, оказавшийся и в Москве в «Роспатенте», зарегистрирован 11 сентября 1959 года (то есть, почти через три месяца после отправки заявки и двух десятков дней, после выхода газеты со статьёй С. Шнапира).

Нет в этом «документе» ни опровержения на газетную публикацию...; и уж тем более - нет в нем ни каких доказательств (хотя бы на уровне эскизов и по «горячему следу»), того чем тестоделитель «Кузбасс» отличается (как сказано в ответе мне из «РОСПАТЕНТА») от тестоделителя изобретённого Николаем Романовичем.

И если эти различия только в том, что он с «транспортёром» и ни единым словом не оговорено об его основе - делительной части с вращающимся цилиндром. Которая, по всей видимости, осталась той же? То, извиняюсь ещё за одно выражение на современном молодёжном сленге: «прибамбасов», на любую машину можно навешать множество, при этом машина останется той же.

Что ещё понял я из хронологии событий?

С. Шнапир, автор публикации «О законной кузбасской гордости и некоторых головотях...», работал с исходными материалами своей статьи, вслед ушедшей в Москву заявке на изобретение (с одной стороны - обильно выхолащенной, с другой - обильно «нашпигованной...»).

И получал он свои исходные данные в тех же кабинетах (или рядом с ними), в которых рождалась и заявка. Поэтому, наверняка, он знал (а может быть, поэтому и собирал материал, что знал; а может быть он вообще ничего и не собирал, поскольку сам был свидетелем) о свершившейся несправедливости, ещё до опубликования своей за-

метки.

Наверняка знал он и то, что хоть малым намёком упомянул он об этом (в статье), то она ни когда и ни за что не будет опубликована. Поэтому-то он и пошёл на хитрость - принялся так назойливо «долдонить» - о, какой-то, ни кем неведомой, повсеместной «скромности». Которая, кроме как за покойным - «основным конструктором тестоделителя «Кузбасс» (о чём он, таки, сообщает в своей статье, ни в пример авторам заявки), больше нигде не наблюдается. Всё наоборот: везде вопиющая безнравственность и безразличие. Поскольку, наверняка, знают это и видят, кроме Шнапира и другие «интеллигенты» комбината и треста, но молчат... Своё благополучие им дороже. Поэтому-то, по всей видимости очень смелый и добропорядочный человек, С. Шнапир (к сожалению совершенно незнакомый никому из членов семьи Николая Романовича), отправляет читателя к Максиму Горькому, к его «Мещанам».

И ещё одна мысль постоянно будоражит моё сознание. Как может человек, не имевший никакой специальной технической подготовки (да что там технической, можно сказать, вообще безграмотный, разве можно считать образованием, то, чему он был научен в двух-трёх классах церковно-приходской школы), изобретать какие-то сложные машины? Жизнь подтверждает - может!

Такие люди время от времени рождающиеся на земле, именно они и являются основой интеллектуального богатства страны (золотые самородки), в них все необходимые знания каким-то образом вкладывает сама мать Земля. Николай Романович был достойным продолжателем своих великих предшественников: Ползунова И.И., солдатского сына; Черепановых, отца и сына и многих других известных и неизвестных русских «кулибиных». Судьбы которых не многим отличались друг от друга.

При жизни их особо не чтити, к изобретениям их относились с пренебрежением. Поэтому большинство из их изобретений долгое время оставались не замеченными и не реализованными. Лишь благодаря чему-то, или кому-то, спустя многие годы после их смерти, на их дела обращало внимание какое-то «важное лицо... истинно государственный «муж», а то и случай...

И только тогда о них начинали говорить в соответствии с их заслугами перед Отечеством, как о великих русских механиках и изобретателях.

За примером далеко ходить не надо. Наш современник, врач Елизаров, когда изобрёл свой знаменитый «аппарат...» (впоследствии названный его именем), долгое время изгонялся из клиник. И надо же было случиться, что на его изобретение обратили внимание иностранцы, которые начали приглашать Елизарова вместе с его аппаратом к себе на работу.

И только тогда наши чиновники «защевелились», оставив свои амбиции. В итоге Елизарову предоставили специализированную клинику в городе Курган, где он и начал плодотворно работать на благо своей Родины, творить чудеса.

А сколько изобретателей осталось за «бортом» неизвестности, тех, кому не выпало такого счастливого случая, как доктору Елизарову? Много!.. Поэтому-то так скверно становится на душе когда невольно приходят в голову мысли на подобные темы.

И уж тем более, кровь закипает в жилах, когда вспомнишь и подумаешь о том, что молодые, сильные и образованные, глазом не моргнув, как липку обобрали одноногого инвалида, бывшего солдата Великой Отечественной войны, присвоив себе его дело и мысли. И так упорно на протяжении десятилетий, сознательно замалчивая его дело, вытравливали из памяти людей его имя, достойное почёта, уважения.

Придёт время и жизнь сама расставит всё по своим местам, по справедливости определит, как поётся в популярнейшей песне о войне: «Кому позор, кому бесславие, а кому бессмертие...»

Но, как же тяжело ждать, когда оно наступит - это время...

В заключение - этой, если можно сказать - «расследовательской» работы, хочется высказать слова искренней признательности: Дорощеву Владимиру Викторовичу (инженеру-изобретателю «НКМК») и Петякшевой Ноне Васильевне (ведущему специалисту патентного отдела «НКМК»), за оказанную мне, с их стороны неоценнимую и безвозмездную помощь, по направлению их профессиональной деятельности, касающейся основы изложенного в публикации материала.

Постскриптум:

В процессе работы над данной публикацией я просмотрел много всевозможных источников (архивных материалов, статей, книг...) искал хоть какую-то информацию касающуюся «тестоделителя».

Важной для меня была память о Николае Романовиче и его деле на самом Прокопьевском хлебозаводе № 1.

На словах некоторые старые работники помнили о нём, но на официальном уровне нигде и ничего не упоминалось. В частности в статье - «Вкус настоящего хлеба», бывшего генерального директора Прокопьевского хлебкомбината № 1, Валерия Михайловича Сухоробрикова, опубликованной в книгах: «Сказания о мятёжном городе» и «Прокопьевск на рубеже веков» (книгах - сборниках статей о различных предприятиях города, ведомствах и учреждениях, от имени их руководителей), ничего сказано не было.

Поэтому, с какими либо просьбами по сути своего дела к дирекции Прокопьевского хлебозавода № 1, я не обращался.

Но сестра моя - Зоя Николаевна, обратилась и ей предоставили там, по всей видимости, проект готовившейся к публикации статьи: «Развитие города и начало хлебопечения» (машинистский текст на семи листах, подписанный главным инженером хлебозавода - Лемайкиным И.П.). Так вот, в этом проекте, на шестой странице, обезличено, сказано:

«...Рационализаторами и изобретателями хлебокомбината внесён большой вклад в изобретении тестоделителя «Кузбасс», за что рационализаторы получили 2 серебрянных и одну бронзовую медаль, кроме денежного вознаграждения и ценных подарков (велосипед, швейная машина, радиоприёмник)».

Под ценным подарком - велосипед, от руки подписано - Первалов; под радиоприёмником - Барков; под швейной машиной - никакой подписи не стояло...

Кроме того, Зоя Николаевна, были предоставлены списки работников хлебозавода участвовавших в Великой Отечественной Войне, но имени своего отца она и там не обнаружила...

Мой незабываемый Феодосийский ЛИЦ

Говорят, воинские части не умирают. Память о них сохраняется не только в архивах Министерства Обороны страны, но и в сердцах людей, которым выпала честь служить в этих частях, и их душах...

Большая часть моей воинской службы (от авиатехника, до заместителя начальника Центра по инженерно-авиационной службе/главного инженера) прошла в Феодосийском лётно-испытательном центре (Феодосийском ЛИЦ).

Дембельское фото (с сотрудниками управления ИАС центра) на память. Первый ряд справа - налево: Данковцев Виктор Петрович (старший инженер, заместитель), Ивченко Инна Владимировна (делопроизводитель), Гуляев Анатолий Николаевич. Второй ряд (старшие инженеры): Степанов Сергей Витальевич, Козубек Валерий Викторович, Бирюков Вадим Леонидович, Кузнецов Виктор Владимирович.

Днем рождения части считали 4 марта 1932 года, когда приказом по ВВС, в составе Московского Научно-испытательного института ВВС, была создана Морская испытательная станция (МИС НИИ ВВС) в городе Севастополе.

В задачи коллектива МИС входили испытания гидросамолётов и амфибий, объектов вооружения и снаряжения гидросамолётов в морских условиях.

В первой половине 30-х годов были испытаны: морской ближний разведчик «МБР-2» конструкции Г.М. Бериева; бомбардировщик «ТБ-1П» и морской дальний разведчик «МДР-2» конструкции А.Н. Туполева и другие гидросамолёты. Испытывали их опытные лётчики-испытатели: М.М. Громов, Б.Л. Бухгольц, С.Т. Рыбальчук, Н.Г. Костанаев, Е.М. Кошелев, Н.П. Костяков.

В августе 1937 года из Москвы в США через Северный полюс вылетел четырёхмоторный военный самолёт «ДБ-А», командир экипажа С.Э. Леваневский, второй пилот - лётчик-испытатель МИС Н.Г. Костанаев. В районе Северного полюса их самолёт обледенел, после чего отказал один из двига-

телей, затем прервалась связь... и самолёт пропал в просторах Арктики. Именем лётчика-испытателя Н.Г. Костанаева названа одна из улиц Москвы.

29 января 1936 года, приказом народного комиссара обороны СССР, МИС была преобразована в Авиационный НИИ Морских Сил РККА (позднее часть носила наименование МИИ ВВС ВМФ, НИИ-15 ВВС ВМФ).

Во второй половине тридцатых годов, в этом институте, прошли испытания: морского тяжёлого бомбардировщика «МТБ-2» и морского крейсера «МК-1», конструкции А.Н. Туполева; торпедоносца «ДБ-3Т», конструкции С.В. Ильюшина; ближнего разведчика «МБР-7» и катапультных самолётов «КОР-1» и «КОР-2», конструкции Г.М. Бериева; летающая лодка «МДР-2», конструкции И.В. Четверикова и другие самолёты морского базирования. Катапультные самолёты испытывал лётчик-испытатель С.Я. Рейдель.

В 1937 и 1938 годах институтом МС РККА были подготовлены и осуществлены рекордные полёты на гидросамолёте «МП-1» с женским экипажем, в

составе: П. Осипенко, В. Ломако и М. Расковой.

Великая Отечественная Война дала суровую и беспристрастную оценку и авиатехнике и людям: самолёты, прошедшие испытания в институте МС РККА с честью выдержали экзамен в боевых условиях, люди несшие на себе сверхчеловеческие нагрузки также не подвели. За годы Великой Отечественной Войны и сразу после неё, место дислокации института многократно менялось. Из Севастополя он был перебазирован в Бердянск, отсюда - в волжский город Астрахань. С волжских берегов - в село Ершовка (Удмурдской АССР). Из Удмуртии в 1943 году - на Каспий в Баку.

При этом работа по испытаниям авиатехники не прекращалась и проводилась в плановом порядке...

За годы войны были испытаны: учебный гидросамолёт «САМ-11», конструкции Москалёва; морской дальний разведчик «МДР-6», конструкции И.В. Четверикова; модернизированный катапультный разведчик «Бс-4», конструкции Г.М. Бериева. Во фронтовых условиях «Брянского фронта» испытывался истребитель «Ла-5»; определялись отдельные характеристики самолётов: «Як-1», «Ил-2», «Пе-2». Испытывался торпедоносец «Ту-2Т», американские самолёты «Бостон» и «Каталана».

В последние годы войны начальником института был полковник Хатиашили. В 1946 году начальником был назначен полковник Р.М. Собченко.

В 1946 году АНИИ МС РККА пере-

шла часть моей службы в Феодосийском Центре.

В 1954 году начальником института был назначен генерал-майор авиации П.И. Сучков; которого в 1955 году сменил генерал-майор авиации М.Н. Мишук.

В 1956 году руководителем уже МИИ ВВС ВМС был назначен генерал-полковник авиации В.В. Ермаченков. МИИ передислоцировался в город Ленинград. В Феодосии оставлен его филиал 8-ЛИЦ, во главе с генерал-майором авиации Героем Советского Союза Г.В. Павловым, которого в 1959 году сменил генерал-майор авиации И.И. Овчаренко.

В послевоенное время до шестидесятых годов в институте прошли испытания гидросамолёты: «Бе-6», «Бе-8», «Бе-10» конструктора Г.М. Бериева; горпедоносец «Ту-14Т» и морской спасательный самолёт «Ту-16с» конструктора А.Н. Туполева; самолёт «Ил-28Т» конструктора С.В. Ильюшина. Вертолёты: «Ми-4ВМ», «Ми-4ПС» конструктора Миля; «Ка-10», «Ка-15» конструктора Камова и многие другие летательные аппараты и специальное оборудование...

В эти годы активно и плодотворно трудились в институте бывшие фронтовики, в том числе Герои Советского Союза: Н.И. Друзев, И.Т. Волынкин, А.Д. Карпов, А.И. Крохалёв, М.В. Лорин, Н.А. Мостовой, И.Г. Шаманов, А.В. Пресняков, Г.В. Павлов, А.Ф. Толмачёв, В.Е. Соловьёв, Н.А. Мусатов, И.М. Сухомлин, Г.Г. Черненко.

Выдающийся лётчик-испытатель

Контрольный (инспекторский) осмотр самолёта истребителя «МИГ-21».

базировался из каспийского города Баку, в прибалтийский город Ригу.

Затем в Крым, в район города Феодосия, была направлена группа военных специалистов, чтобы подыскать место для проведения лётно-морских испытаний отечественных гидросамолётов...

В Крыму, в августе 1948 года, и была образована лётно-испытательная станция, которая начала работать с крымского аэродрома «Карагоз». В районе Сиваша (с. Ерчи) - был образован полигон.

В 1952 году институт был передислоцирован из Риги в Феодосию.

В 1954 году, в сорока километрах от Феодосии был введён в строй и начал действовать лётно-испытательный аэродром (в посёлке Кировское), на котором и разместился лётно-испытательный авиационный полк (ЛИАП), со всеми воинскими частями обеспечения жизнедеятельности полка. Именно здесь в ЛИАП и прошла боль-

морских самолётов Иван Моисеевич Сухомлин служил в институте с 1937 по 1956 год, с перерывом на время Великой Отечественной Войны. Он, один из первых военных лётчиков-испытателей (всего Советского Союза), получил почётное звание - «Заслуженный лётчик-испытатель СССР» и звание Героя Советского Союза - за проводимую им лётно-испытательную работу.

Лётчик-испытатель - Н.Т. Хрусталёв, испытывавший в 1937 году торпедоносец «ДБ-3Т» (ставший в годы войны самым эффективным боевым самолётом морской авиации), сражался в начале войны в тяжелых боях под Севастополем, на самолёте истребителя «И-15».

12 ноября 1941 года самолёт, пилотируемый Н.Т. Хрусталёвым, был подбит. Лётчик сознательно направил горящий самолёт на скопление вражеской техники, повторив подвиг Николая Гастелло. В Севастополе одна из улиц носит имя этого знаменитого военного лётчика-испытателя.

С середины пятидесятых годов институт принимал участие в работах по освоению космического пространства, испытывая элементы систем космических аппаратов, в том числе и при подготовке полёта первого космонавта планеты Юрия Гагарина.

В 1961 году МИИ ВВС ВМФ вновь переформируется и объединяется с ГНИИ ВВС, имени В.П.Чкалова, как одно из его управлений. Ему присваивается номерной знак с местом дислокации в городе Феодосия. Командиром части назначается генерал-майор авиации И.И. Овчаренко; которого в 1968 году сменил Герой Советского Союза генерал-майор авиации А.В. Пресняков.

В шестидесятые и семидесятые годы управлением были испытаны авиационные комплексы по обнаружению и обезвреживанию подводных лодок противника в подводном состоянии, с применением самолётов: «Бе-12», «Ил-38», «Ту-142», «Ан-12 ПС», «Як-38»; вертолётов: «Ка-25», «Ка-27», «Ка-29», «Ми-8», «Ми-6», «Ми-14». Испытаны различные образцы нового авиационного вооружения и специального оборудования, различные средства спасения людей на море. В эти годы за многолетнюю творческую работу в области испытаний и исследований новой авиационной техники четыре лётчика-испытателя были удостоены почётных званий «Заслуженный лётчик-испытатель СССР»: А.С. Сушко, Е.М. Никитин, А.С. Старостин, Э.М. Колков; пяти штурманам-испытателям было присвоено почётное звание «Заслуженный штурман-испытатель СССР»: В.В. Давыдову, С.С. Старостину, А.С. Кудрявцеву, Р.И. Субаеву, Р.Д. Юмагузину.

В восьмидесятые годы управление ГНИИ ВВС продолжало интенсивную испытательную и исследовательскую работу. Были проведены испытания на авиационную пригодность всех, принимаемых от промышленности отечественных тяжёлых авианесущих крейсеров. Крайним из их славной плеяды стал ТАКР «Адмирал флота Н. Кузнецов».

ло испытания на авиационную пригодность военных кораблей, при одиночном базировании на них летательных аппаратов (в основном вертолётов); средств перевозки авиатехники морским транспортом - контейнеровозов... Возможность использования их (в экстренных случаях) для полётов самолётов вертикального взлёта и их посадки («Як-38», и вертолётов «Ка-27»), в условиях мирового океана...

В эти годы, по итогам проведённых работ, восьми лётчикам-испытателям управления было присвоено почётное звание «Заслуженный лётчик-испытатель СССР»: В.И. Ефимову, Ю.В. Жучкову (начальнику «Центра...» с 1989 года), Н.И. Рыжкову, В.В. Васенкову (командиру лётно-испытательного авиационного полка с 1983 года), Ю.М.

В 1988 году, за мужество и героизм проявленные при испытаниях авиационной техники Заслуженный лётчик-испытатель СССР, полковник Владимир Николаевич Кондауров, был удостоен высшей государственной награды, звание Героя Советского Союза.

Лётчики-испытатели, полковники Виктор Владимирович Васенков, командир «ЛИАП» и Виктор Андреевич Россошанский, командир эскадрильи самолётов-истребителей награждены орденами Красного Знамени.

В более поздние годы, бывший лётчик-испытатель Феодосийского ЛИЦ Валерий Иванович Токарев, был принят в отряд космонавтов России и дважды слетал в космос на американском корабле «Шатл», а лётчик-испытатель Александр Раевский стал веду-

Смотр внешнего вида зимней формы одежды Ивановым С.Г. (исполняющим обязанности командира полка) у старших офицеров части. Третий справа - Александр Раевский, будущий герой России.

Торжественное построение. Крайние слева: первая шеренга - Тишков Юрий Михайлович (главный вертолётчик полка, кандидат технических наук); вторая шеренга: Токарев Валерий Иванович (будущий космонавт России).

цов». На полётную палубу крейсера впервые в отечественной практике, военными лётчиками-испытателями управления осуществлялись горизонтальные посадки боевых самолётов: «Су-27», «Су-25» и «Миг-29».

В эти же годы, управление проводи-

Тишкову (командиру вертолётной эскадрильи с середины восьмидесятых), В.С. Картавенко, Н.К. Шкурко.

Почётное звание «Заслуженный штурман-испытатель СССР» было присвоено В.Н. Парахину и М.И. Мешкову.

щим корабельным военным лётчиком-испытателем страны (палубником), Героем России.

С начала шестидесятых годов 43 военнослужащих ЛИЦ защитили диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук; один из них - лётчик-испытатель (командир вертолётной эскадрильи) Юрий Михайлович Тишков.

За 60-ти летнюю историю центра его лётчиками-испытателями установлено около 70 мировых рекордов по самолётному спорту, десятки лётчиков стали рекордсменами СССР и мира, мастерами спорта СССР международного класса, в том числе и сам Феодосийский Центр был награждён Федерацией авиационного спорта СССР дипломом Юрия Гагарина.

После августовских событий 1991 года, по Межправительственным соглашениям СНГ, Феодосийский Лётно-Испытательный Центр (в конце первого квартала 1992 года) был передан под юрисдикцию Министерства обороны Украины и, фактически, прекратил своё существование.

На его базе и основе, в Украинском государстве создали Государственный авиационный научно-испытательный центр ВВС Украины. Который, формально, стал правопреемником Феодосийского ЛИЦ. И в это очень хотелось бы верить, но жизнь указывает на то, что это совсем уже другая организация с другими идеалами, целями, задачами, следовательно и историей.

Цена жизни...

Однажды в электричке ко мне подсел покойной мужчиной в хорошем подпитии.

- Здравия желаю, товарищ капитан, я старший лейтенант запаса (к сожалению, фамилию его я не запомнил), - сказал он.

Полы старенького пальто распахнулись, и я увидел на лацкане его пиджака два ордена Красной Звезды и орден Великой Отечественной войны и спросил у него: где служил, где воевал?

Новый знакомый, тяжело произнося слова, начал свой рассказ:

- Служил в Восьмой гвардейской воздушно-десантной армии в 1942 года и до конца войны. Дошёл до Чехословакии, дважды был ранен, контузию имею.

- Сегодня я выпил. Горе у меня, большое горе, какого с самой войны не было. Я никогда не думал, что теперь, в наше время, такое может случиться...

На поминках друга был. Всю войну вместе с ним прошли. Фашисты не убили. А тут надо же - свой убил. И за что? За булку хлеба. Глаза выколол и уши отрезал... Представляете? Всю войну - ничего, а тут... Сорок лет прошло после войны. И кто? Свой - внучок по возрасту... и так зверски?

- Представляю, - искренне ответил я.

Сказанное тронуло меня до глубины души, и по моему телу, начавшему отогреваться, побежал новый холодок.

- В общем, - продолжал рассказчик, - друг мой, Иван пятый год на пенсии был. Но сидеть дома не мог. Не из-за денег он работал, просто такая потребность у людей моего поколения: до конца дней своих - пока ноги носят и руки двигаются - Родине служить и людям полезным быть.

Работал он в магазине грузчиком. Разгружал хлеб, помогал продавщице: что поднести, что отнести. В тот день разгружал машину. И тут подходит к нему пацанишка и говорит: «Дед, дай булку!»

- Я не торгую, вход в магазин с обратной стороны здания. Или у тебя денег нет? На двадцать копеек, когда разбогатеешь, вернёшь! - ответил Иван.

На эти слова, пацан скверно выругался и пообещал устроить ему за это...

Доработал мой друг смену и в сумерках шёл домой. А этот молокосос, иначе назвать не могу, поджидал его, и когда Иван шёл мимо, ударил сзади молотком по голове. Потом и учинил зверство, которое только фашистам было по силам.

...Мне стало не по себе. Старший лейтенант запаса понял это и замолчал. Некоторое время сидел молча, затем протёр платком глаза, немного успокоившись продолжал:

- Убийцу поймали, судили... Не в этом дело. Я о другом думаю: как мог из наших хороших ребятшек, вырасти такой змеёныш? Откуда у него ненависть к людям, такая злость?

...Рассказчик посмотрел мне в глаза, как будто ждал от меня ответа на свой вопрос. Мне было нечего ему ответить.

Вдруг спохватившись, старший лейтенант запаса быстро распрошарился и торопливо пошёл к выходу. Электричка остановилась, недавний попугайчик вышел на перрон, оглянувшись, приветливо, как хорошему старому знакомому, помахал рукой, по военному отдал честь, медленно поднял вверх воротник пальто и, сутулясь, медленно зашагал в сторону своего дома.

Электричка, медленно тронувшись с места, быстро набрала скорость. Завихряя и увлекая за собой снежные буруны, как бешеная понеслась по железной магистрали, оглянувшая ту местность, куда только что поднялся мой случайный новый знакомый.

Я думал о старом солдате, сожалел о том, что таких людей с каждым днём становится всё меньше. Ещё горче на душе от того, что нередки и такие случаи, когда уходят они от нас так, как ушёл друг моего случайного знакомого. Невольно подумалось, что цена булки хлеба в Отечестве всё дорожает и дорожает, а цена человеческой жизни - нет.

Комбат

Войдя в купе железнодорожного вагона, я увидел, лежащего на нижней полке пологого мужчину. Он спал.

На столике стояла наполовину опорожненная бутылка коньяка, рядом: небрежно нарезанная большими кусками копченая колбаса, несколько кусочков хлеба и разодранная на части большая, вяленая рыба. На краю в горделивом одиночестве - пустой, гранённый стакан.

Я некоторое время стоял, молча, затем громко кашлянул. Спящий ни на что не реагировал. В своём сне мой попутчик был где-то очень далеко, и возвращать его оттуда дело безнадежное. Поэтому я обустроился и тоже лёг спать. Но уснуть не удалось: попутчик постоянно бормотал и так сильно скрипел зубами, что у меня по телу то и дело пробегал холодок. Перевернувшись на другой бок, я с головой укрылся одеялом. Несколько раз пытался считать про себя, но досчитав до тысячи - сбивался и начинал сначала.

Под самое утро, успокоенный монотонным постукиванием вагонных колёс, я уснул. Проснулся от настойчивых толчков в плечо. Передо мной стоял попутчик, долго не дававший мне уснуть. Он склонился надо мной и улыбался какой-то обескураживающей и доброй улыбкой, словно мы были давным-давно знакомы.

Мужчине было за пятьдесят пять, ближе к шестидесяти. На голове - шикарная, аккуратно зачёсанная назад, шевелюра. На висках поблёскивала редкая седина. Глаза горели молодым задором, а сросшиеся над переносью, густые брови приподняты вверх и явно выражали удивление.

- Безобразие, товарищ капитан, - сказал попутчик, - уже вся страна пробудилась, правительство делом занялось, понимаешь, а вы всё спите... Безобразие, - и браво представился: - Командир танкового батальона, подполковник запаса и прочее, и прочее - Петров Иван Терентьевич.

Он протянул свою руку. Мы обменялись рукопожатием.

Забегая вперёд скажу, что Иван Терентьевич во время нашего случайного знакомства, называл меня исключительно только по воинскому званию: товарищ капитан, да товарищ капитан.

...Комбат, искоса взглянув на меня, командирским голосом, нетерпящим возражений, произнёс на одном дыхании: «Кушать подано, мигом умываться и за стол - завтракать. Как известно, харч в обороне прежде всего; а в бою - от кухни не отставать! Понятно?»

В тон ему, как бы подчёркивая быстроту своих действий, я «пулей полетел» в заданном направлении.

...Надо сказать, что в поездах люди, едущие в одном купе даже не продолжительное время, сходятся очень близко; откровенно рассказывают друг другу то, о чем в другой обстановке ни за что не обмолвятся. Выкладывают на блюдечке самое сокровенное, что раньше держали за семью замками. Видимо, потребно человеку хоть когда-нибудь, хоть кому-нибудь излить свою душу. Возможно знают, что в последствии судьба вновь разведёт, и они никогда больше не встретятся.

За завтраком комбат расспрашивал меня о службе, делах в войсках? Я отвечал не охотно и уклончиво, не касаясь специфики своей служебной деятельности, ведь болтун - находка для шпиона.

Комбат, как умный человек, прекратил расспросы и начал рассказывать сам:

- В июне 41-го, окончил я военное танковое училище. Назначение получил в одну из частей Киевского Особого военного округа. Пока отпуск, то да сё - приехал в часть, ког-

да война уже громыхла по нашей земле. Торопился, боялся, что не успею повоевать. Очень уж хотелось.

Навоевался вдосталь, до тошноты...

А тогда принял я взвод, при первом знакомстве с личным составом, помкомвзвода (он был старше меня и уже повоевавший), сказал: «Война видать будет долгой, месяц продержишься - значит жить будешь. Нет - знать такова судьба. И заруби себе на носу: разорвался снаряд позади танка, следующий будет впереди, газуй, что есть мочи, ибо третий - твой. Ушёл от третьего снаряда, маневрируй, петляй, как заяц в поле».

Эту нехитрую мудрость вывел мой первый помкомвзвода из своего военного опыта первых дней войны. Я и поныне благодарен ему за военную науку, да судьбе за то, что свела нас в первые военные дни.

...Комбат замолчал, погрузившись в воспоминания. Отвернувшись, некоторое время смотрел в окно на проплывающие поля и бегущие друг за дружкой деревушки. Потом вздохнул и продолжил:

- Как отступали с тяжёлыми боями и угрызениями совести, рассказывать не хочется. В общем, отступая, дошёл я до Москвы.

В конце концов, у меня сомнение появилось. Думаю: «Стоит ли нам дальше гнать вперёд?» С боку на приличном расстоянии вижу деревенку, разворачиваю батальон на девяносто градусов и туда. Выскочили на просёлочную дорогу, догнали фашистский автомобильный обоз, расколошматили его с великим удовольствием и застоявшейся ненавистью.

У немцев паника, не могут понять, откуда мы появились у них в тылу?

Думаю сам себе: «Они ведь не дураки, не успеет глазом моргнуть как, что-нибудь против нас предпримут».

И точно, не успела ещё улетучиться из головы эта мысль, как в воздухе над нами загудел самолёт разведчик и корректировщик боя. Ну, вот...сейчас, думаю, они за нас возьмутся основательно.

И действительно, начали бить они по нам из пушек с боку, в лоб. Танки один за другим начали выбывать из строя. Вернулись к Днепру, но уже в пешем порядке. Мы на их берегу, с горсткой оставшихся пеших танкистов.

Смеркалось, фрицы на пятки наступают, в громкоговорители кричат: «Зольдатн,

Рисунок Олега ГОЛОВИЧЕВА.

Потом с жесточайшими боями обратно до Украины.

При форсировании Днепра моему отдельному танковому батальону поставили боевую задачу не только форсировать реку с прорывом вражеской обороны, но и углубиться в его тылы на максимально возможное расстояние. То есть выполнить и кавалерийский наскок на врага, и рейд по его прифронтовому тылам; шороху поднавести. Ну и провести более глубокую разведку.

Навстречу мне, должно было выйти подкрепление и прикрытие в случае чего. Сложная и опасная задача - я это понял, но отказаться нельзя - война.

Днепр форсировали без потерь, оборону вражескую провали сходу и пошли вперёд. Не могу сказать, что я атаккой увлёкся, но час идём, два идём боевым порядком, как на марше. Врага не вижу, соседи не просматриваются... Открыл верхний люк, высунулся, повертел головой по сторонам - батальон мой в гордом одиночестве, на полной скорости прёт в сторону Берлина. Дыхание от счастья перехватило.

Но дорога туда была ещё очень и очень далека.

сдодай! Ви, огружены...»

Мы в небольшой прибрежной лесистой поросли. Собрал я возле себя оставшихся в живых и говорю о том, что поставленную задачу мы выполнили с честью. И выход у нас один: вплавь добираться к своим, на противоположный берег. Оставил с собой на берегу заградительный отряд из шести человек, забрал у уходящих все боеприпасы. Попрощались по-братски и разошлись.

Мы начали окапываться. Враги, поняв, что мы уходим вплавь, посыпались на оставшихся с разных сторон. Мы, экономя патроны, стреляли только с близкого расстояния и наверняка. Бой длился минут двадцать. Нас начали обходить. Видимо, хотели взять живыми. Чтобы избежать полного окружения мы начали отходить к реке: ползком, перебежками... Когда я спустился к реке, стало совсем темно, рядом со мной из ребят никого не было. Позвал их. Никто не ответил. На мой голос немцы открыли беспорядочный огонь. Тогда я вошёл в воду и поплыл: наискосок по течению - в сторону своего берега.

Не знаю, как долго плыл. Наконец руками зацепил грунт, чуть-чуть выполз на берег

и потерял сознание.

Очнувшись от сильного озноба: зуб на зуб не попадал. В небе высоко стояла луна, и сквозь лёгкий туман еле-еле просматривался противоположный берег. Река была спокойной, но всё же чувствовался её стремительный бег.

Поднявшись с земли, с удивлением увидел, что был в одной гимнастёрке, остальное всё на голе... полностью нагишом. Сделал из гимнастёрки нечто вроде юбки и пошел.

...В штабе воинской части соседнего фронта, встретили с холодком: «Комбат без батальона - не комбат!» - так прямоком и заявили. Дали солдатское обмундирование, накормили кое-как. А дальше «опер» взялся за меня: допросы, вопросы... Переспрашивает, запутывает, требует, чтобы я чистосердечно признался, что трусости бросил батальон и удрал с поля боя. Угрожал расстрелом и так далее.

Держали меня в изоляторе более месяца, искали хотя бы кого-нибудь из моих ребят, ни-ко-го-о! Представляешь?.. До сих пор для меня остаётся загадкой, неужели все утонули? Или их такие же оперы склонили к «чистосердечному» признанию в трусости?

В общем, судили меня судом военного трибунала, дезертиром не назвали, но обвинили в том, что не сохранил батальон. В результате штрафной батальон - рядовым. В штрафниках пробыл недолго, сам же себя и вытащил оттуда.

...Комбат хохотнул, лихо тряхнул шикарной шевелюрой.

- Представляешь, слушаю радио. Левитан говорит: «От Советского информбюро. В последнее время наши войска провели успешные операции...» и перечисляет их, называет и форсирование Днепра. И сообщает, что особо отличился в этой операции отдельный танковый батальон под командованием капитана Петрова Ивана Терентьевича, героически погибшего в этом бою.

Я чуть не оглох, сердце чуть не лопнуло. Никогда такого волнения во мне не было: ни до того, ни после. Собрался я кое-как с мыслями и пошёл к командиру роты, доложил об услышанном. Он отвечает, что и сам слышал. Сделали запрос, пришло подтверждение, следом - и полная моя реабилитация.

Восстановили меня в воинском звании, должности, вернули награды. Вручили и орден Ленина, которым был я награждён посмертно, за тот рейд по немецким тылам.

В общем, навоевался я вдоволь.

Из армии демобилизовался через тридцать пять лет службы, уволился с должности командира танкового батальона, в которую вступил через год своей офицерской службы. Подполковника получил на тридцатилетие Победы, как участник войны.

Была у меня возможность пойти учиться в академию бронетанковых войск, отказался. Понимаешь, в академиях нужно учить вас, молодёжь, не видевшую войны. А мы прошли через горнило этой страшной бойни, и свои «академии» окончили там. Да и чему могут научить теперешние академии таких как маршал Советского Союза Жуков, или Рокоссовский, да и меня, провоевавшего от первого до последнего дня войны?

Ну, а что касается моего, того отдельного танкового батальона, то, видимо, в живых из него никого не осталось. Может кто и попал в плен, и вышел из него живым... Те, кто пошёл через Днепр вплавь, видимо утонули.

Я же выплыл лишь потому, что родился в волжском городе Сызрани. И Волгу-матушку пацаном туда и обратно переплывал. Это меня и спасло.

...Комбат встал, тряхнул головой и вышел из купе.

За окном, всё также мелькали деревья, пробегали заснеженные горы. Мы пересекли Урал.

Чьё имя носишь, Прокопьевск?

Чем дальше углубляюсь в русскую историю родного города, тем больше прихожу к выводу, что до сих пор, по серьёзному, ею никто не занимался: Нет единой научно и исторически обоснованной линии. Отдельные публикации, отдельных авторов, зачастую противоречащих друг другу и той объективной информации, которую изредка удаётся «раздобыть» где-либо. Многие авторы в стремлении подчеркнуть свою правоту и глубину познаний, наоборот вносят неразбериху, чем запутывают тех, кто пытается разобраться в этом вопросе после них. В «русском народном наречии» существует «понятие»: «Гадь...», на своих предшественников». Но не это движет мной, мой уважаемый читатель, поверьте в мою искренность: «Платон мне друг, но истина дороже...», - изрёк когда-то великий философ древности Аристотель. Именно истины хочется видеть в истории своей малой родины. Думаю, что в своих желаниях не одинок. К слову сказать (что признаётся и достойными уважения современными историками): Более — менее глубоко исследование прошлых веков русской истории Кузнецкого края, проведены лишь в той части, что касается «истории града — Кузнецка». Остальное — всё, «непаханая целина»... Так что, всем, кто имеет желание сделать, пусть даже для себя, какие-то открытия в этом направлении, есть к чему приложить руки...

В начале осени 2009 года, находясь в командировке в Таштаголе, по сложившейся уже к тому времени традиции - договорились встретиться с таштагольскими литераторами в их Центральной городской библиотеке. Пришёл, как и полагается, раньше всех и, не теряя попусту времени начал рассматривать выставленное на общее обозрение... Непроизвольно как-то взор скользнул по стенду, на котором были выставлены различные церковные книги. Честно говоря, к верующим людям себя не причисляю, но поскольку с религией тесно переплетается история моего Отечества, к которой я отношусь с благоговением, время от времени приходится направлять свои действия и в этом направлении. Работая над исследовательской статьёй «Откуда ты роста, земля моя?..», опубликованной в предыдущем номере альманаха, как-то исподволь появилось желание разобраться с происхождением названия моего родного Прокопьевска. Хотя на этот вопрос до меня вроде бы уже ответили: И Владимир Шабалин в 2000 году, в своей публикации «ПРОКОПЬЕВСК ОЗНАЧАЕТ УСПЕХ», - в городской газете «Шахтёрская правда». Где автор сообщил читателю, что дата основания села Прокопьевского - 1650 год, 21 июля... в день Святого великомученика Прокопия. И Нина Засадная в статье «СЕЛО МОНАСТЫРСКОЕ», 6 сентября 2000 года («Шахтёрская правда»), где, частично повторяя информацию предыдущего автора, кое-что сообщила новое, а именно: «...Всё начиналось с прихода. Эти данные взяты из подлинных документов Томской епархии Государственного архива Томской области (бывшей губернии) середины 19 века. «Благочиние 14 округа, приход Монастырский. Церковь деревянная однопрестольная во имя Святого Прокопия Христа ради юродивого Устюжского Чудотворца. Построена в 1872 году. Земли при ней нет...». Светлана Деникина, в «Прокопьевской газете» - 17 июля 2008 года, в передовице - статье «ВЕЛИКАЯ СВЯТЫНЯ», со-

общала: «Бывший епископ Прокопьевский Амвросий, а ныне владыка Амвросий Бронницкий, викарий Московской епархии, передал в дар собору Рождества Иоанна Предтечи икону Святого Праведного Прокопия Устюжского, с частицей камня, на котором во время своего жития в городе Великий Устюг молился святой Прокопий. Интересно и то, что икона написана не обычным иконописцем, а самим Владыкой Максимилианом, Архиепископом Вологодским и Великоустюжским в знак особого почитания великого Святого... Именем Праведника Прокопия Устюжского назван наш город, его именем была названа церковь, находившаяся на въезде в город со стороны Кузнецка...». Далее приведена выписка, на двух полосах, о житии Прокопия Устюжского.

Наверняка этому вопросу посвящали свои публикации и ещё кто-то, тем не менее, в моём сознании, как было сказано выше, почему-то не сложилось полной уверенности в том, что всё сказанное названными авторами соответствует истине; не сложилось во мне и глубокого понимания ответа на поставленный вопрос. Поэтому, увидев на выставочных стеллажах библиотеки города Таштагола солидную книгу - «РУССКИЕ СВАТЫЕ», изданную издательством «Азбука — классика», С.Петербург 2001 года (Мегапроект «Пушкинской библиотеки»), сразу же появилось желание «полистать» её:

Посвящена книга «1000 — летию Русской святости», автором книги является монахиня Таисия, в миру — Татьяна Георгиевна Карцева (1896 — 1995 года жизни). Родилась в России, в Сувалкской губернии (ныне - Сувалкское воеводство, в Польше). Жизнь её прошла в эмиграции, во Франции. Где в 1944 году она стала послушницей, а в 1946 году — приняла иноческий постриг, с наречением имени Таисия, в православном Казанском скиту под Парижем. С 1952 года и до конца своей жизни матушка Таисия была насельницей Покровской женской обители, состоящей, как и Казанский скит, в юрисдикции Константинопольского Патриархата. В свободное от монастырского послушания и богослужений время русской монахиней собирались из доступных ей источников свидетельства о святых в Земле Российской просиявших, и с Божией помощью рукописно переписывались. Созданная её трудами книга была издана по благословению преосвященного Лавра, архиепископа Сиракузского и Троицкого...

Вот, то, что «нашёл» я, по интересовавшему меня вопросу, в названной книге.

ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ, УСТЮЖСКИЙ:

Праведный Прокопий Христа ради юродивый, Устюжский — Чудотворец, умер в 1303 году. Память его празднуется 8 июля в день преставления и 16 июля вместе с Собором Российских Чудотворцев, прославленных святым Макарием в 1547 и 1549гг.

Святой Праведный Прокопий был немец из города Любека. С немецкими купцами он приехал в Великий Новгород, принял православие в Хутынском монастыре, где и был наречён православным именем - Прокопий. Из Новгорода переселился в Великий Устюг и начал юродствовать: Целыми днями он бродил по городу с кочергами в руках, а по ночам, когда все спали, молился и

бодрствовал, сняв с себя личину юродства. Отдыхать ложился под утро, когда силы истощались. Ложился ненадолго, на голую землю — прямо там, где его одолевал сон.

Со временем наблюдательные и богобоязненные люди заметили, что странные речи и поступки юродивого имеют полезный для них смысл. Например, если Прокопий носил свои кочерги, крюками — обращёнными к небу, то всегда бывал обильный урожай на хлеба огородные овощи, ягоды и грибы. Если же крюки были обращены к земле, то жди неурожая, падежа скотины и других невзгод.

Его друзьями были архимандрит Киприан, настоятель Архангельского монастыря, и правитель города — Иоанн, с супругой своей Марией. Этот Иоанн был татарин и раньше был баскаком, то есть собирателем податей. Однажды народ, раздражённый против татар, чуть не убил

он любил сидеть на берегу Сухоны, молясь за проходивших мимо людей, лодки и суда.

Почитание его, как святого, началось вскоре после смерти, а в 15 веке один пришелец поставил над могилой его часовню, которая в 1471 году, в благость за прекращение повальной болезни, была заменена каменной церковью. С тех пор начались, по молитвам святого блаженного Прокопия, многие чудеса. Были исцелены окопничий Великого князя — князь Владимир, Пантелеймон — слуга одного боярина, священник Доримедонт и другие лица. Были и явления святого угодника Божия. В городе Выбор (не существующем ныне), один раз в год, из местного монастыря, приносили икону святого Прокопия, и в 1548 году от неё исцелился крестьянин Иосиф.

Первый храм во имя святого Прокопия построен в Великом Устюге в 1495 году, празднование его памяти — повсеместно, установлено Московским Собором в 1547 году.

БЛАЖЕННЫЙ ПРОКОПИЙ ВЯТСКИЙ:

Святой блаженный Прокопий Вятский Христа ради юродивый, умер в 1628 году. Память его празднуется 21 декабря, в день его преставления. Был он сыном вятских благочестивых крестьян Максима и Ирины. Он был — сыном, вымоленным ими у Бога.

Когда ему было 12 лет и он, однажды, работая в поле, был так испуган грозой, что потерял сознание и пришёл в себя тяжёлобольным.

Исцелил его преподобный Трифон, архимандрит Вятского монастыря. После чего Прокопий вернулся с родителями домой и продолжал работать по-прежнему. Лет семнадцати, он, с разрешения родителей, поступил на службу к одному священнику в городе Слободском и работал у него три года. Услышав же, что родители хотят его женить, ушёл в город Вятку и вступил на путь юродства Христа ради. Жил он на улице, ночевал там, где заставляла его ночь, не входя ни в чей дом. Он всегда молчал и

МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Праведный Прокопий Устюжский, Христа ради юродивый

его. Спасла его девица Мария. Иоанн крестился и женился на ней. Это была истинная христианская супружеская чета, и весь город чтит их за добродетели, и их могила почиталась до наших дней. Прокопий часто посещал их, но всегда отказывался переночевать.

Однажды блаженный поклонился трёхлетней девочке и сказал: «Сё мать великого святого!». Которая, повзрослев и выйдя замуж, действительно стала матерью святителя Стефана Пермского, просветителя зырян. Незадолго до кончины Прокопий начал проповедовать покаяние. Народ не вял его проповеди и не исправил свою жизнь. Вскоре злоеющие чёрные тучи сгустились над городом. Народ в ужасе столпился в соборе. Блаженный Прокопий стоял в напряжённой молитве перед особо чтимой иконой Благовещения Пресвятой Богородицы (впоследствии она находилась под именем Устюжской в Московском Успенском соборе). Слезы текли по его лицу. И вдруг, как бы в ответ на его молитву, от святой иконы истекло миро. Все присутствовавшие почувствовали облегчение. В это время страшная туча медленно прошла над городом и в 20 верстах от него, в пустынном месте, разразилась обильным каменным градом. Город остался невредим.

Скончался Прокопий 8 июля 1303 года, у врат архангельского монастыря. В тот день выпал обильный снег. На могилу его положили камень, на котором

МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Преподобный Трифон Вятский и блаженный Прокопий Устюжский

объяснялся знаками, и только с духовником своим, отцом — Иоанном Калачниковым, разговаривал как разумный человек. Ходил Прокопий полунагим. Когда почитатели его, воевода князь Александр Ростовский и жена его Наталья, давали ему одежду, он некоторое время носил её из послушания, а потом или бросал, где либо, или отдавал ни-

щим. Приходя к больным, он, тех, кто должен был выздороветь, подымал с постели, а тем, кто должен был умереть, складывал на груди руки. Так поступил он с маленьким сыном одного священника: он положил его на паперти и скрестил ему руки — ребёнок скоро умер. Знаками же он предсказал скорое освобождение из тюрьмы опального воеводы Татищева и заключению туда другого воеводы, князя Жемчужникова. Юноша Корнилий Карсаков пел на клиросе. Блаженный силой втолкнул его через царские врата в алтарь: через шесть лет Корнилий стал священником, а овдовев, игуменом Киприаном. Так Прокопий провёл 30 лет. О дне кончины своей он был извещён свыше, отстояв утреню в Преображенском храме Ново-Девичьего монастыря (основанного в 1624 году), он вышел с молитвой и молился ещё, стоя на мосту. Затем перешёл мост, сел на землю, отёрся снегом. После чего дошёл до городской башни. Там он лёг на землю, скрестил руки на груди и тихо предал дух свой Богу. Приготовили тело к погребению в доме благочестивого полячего Симсона Павлова. Собралось духовенство и множество народа, всё время, в слух, призывавшего праведника: «О блаженный Прокопие, молись за нас прилежно!». Погребён был Прокопий в Трифоновом — Успенском монастыре, в Успенском храме, где святые мощи почитались под спудом до наших дней. Повсеместное почитание его, как святого, началось вскоре после его кончины. В 1666 году одержимой девице Марфе Тимофеевой, явились святой преподобный Трифон и святой блаженный Прокопий и исцелили её.

***

ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ УСЬЯНСКИЙ (УСТЬЯНСКИЙ):

Память его празднуется 8 июля.

Мощи святого явились на берегу реки Усы (Вологодской губернии), около 1600 года, в гробу из ивовых лоз. Тот час же от мощей стали подаваться исцеления. Вскоре после чудотворственного обретения мощей Святой явился земледельцу Савелию Онтропову и велел сделать себе новый гроб.

На вопрос Савелия: «Кто ты?» — он назвал себя Прокопием.

Мощи его были обретены недалеко от села Верюги в Вельском уезде Вологодской губернии (ныне Вельский район Архангельской области).

В 1652 году Онисимом Карамзиным был написан образ святого праведного Прокопия Устьянского. Местно святой Прокопий Устьянский был прославлен в 1739 году, повсеместное почитание святого установлено в 1818 году.

***

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК ПРОКОПИЙ

Повествования об этом святом в книге монахини Таисии нет. Как понимаю, по той причине, что он не является «Русским святым», он из святых ранехристианской мифологии. И поведал прокопчанам о нём, если не ошибаюсь, сын Владимира Шабалина (известного прокопьевского историка и краеведа) — Михаил Шабалин, то же краевед, в 1992 году — в «Шахтёрской правде», в статье «ИМЯ ГОРОДА СВЯТОЕ».

Всё, что касается его версии по дате возникновения города — опускаю (она изложена в выше названной публикации его отца). О противоречиях публикации, с другими, будет сказано ниже. Пока же, препровождаю только то, что касается Святого великомученика Прокопия:

«...Горожан интересует, кто такой святой Прокопий, которого местные христиане чтит три с лишним века подряд.

В толковом словаре В. Даля он значится лишь как Прокопий — жнец (с этого времени начиналась уборка озимых зерновых). В Православном календаре 21 июля — День великомученика Прокопия...

Святой великомученик Прокопий, до крещения Неаний, родом из Иерусалима, жил и пострадал при императоре Диоклитиане (284 — 305 в.в.). Его отец, римский сенатор Христофор, был христианином, а мать Феодосия — язычницей. Неаний рано лишился отца и был воспитан матерью. Отличаясь большими способностями, он усвоил светские науки и получил превосходное по тому времени образование. Неаний был представлен Диоклитиану в первый год его вступления на престол и быстро продвинулся по службе.

Около 303 года, когда было начато жестокое гонение на христиан, Неаний был послан проконсулом в Александрию с повелением беспощадно преследовать церковь Божию. На пути в Египет, близ сирийского города Аламеи, Неанию было явление Иисуса Христа. Божественный голос возвестил: «Неаний, и ты идёшь на Меня?». Неаний спросил: «Кто Ты, Господи?». — «Я — распятый Иисус. Сын Божий». В то же время в воздухе появился сияющий Крест. После видения Неаний ощутил в своём сердце неизречённую радость и духовное веселие и превратился из гонителя в ревностного последователя Христа. С тех пор Неаний возлюбил христиан и победоносно сражался только против варваров — язычников. В сражениях ему помогала сила креста, который по заказу Неания изготовил для него золотых дел мастер в городе Скифополе. После того как Неаний, держа в руке крест, разбил языческие идола в доме своей матери, она пришла к императору Диоклитиану с жалобой на сына. Неаний был вызван к прокуратору Иудеи Иусту, где ему передали послание Диоклитиана.

Прочитав полное богохульства послание, Неаний при всех разорвал его. Это считалось преступлением, которое римляне обозначили как «Оскорбление величества». Неаний был взят под стражу и в узах отправлен в Кесарию Палестинскую, где томился когда-то апостол Павел. После страшных мучений Неания бросили в сырую темницу. Ночью в тюремную комнату к святому исповеднику пришёл сам Иисус Христос со светлыми ангелами и крестил его, дав имя Прокопий.

Многократно Святого Прокопия принуждали отречься от Христа и подвергали пыткам. Стойкость мученика и его пламенная вера низводили обильную благодать Божию на людей, видевших страдания Прокопия.

Вдохновлённые духом Прокопия, пошли под меч палача многие из прежних стражей святого узника и римские солдаты вместе со своими трибунами Никостратом и Антиохом. Мученической кончиной запечатлели свою веру двенадцать женщин — христианок, добровольно пришедших к воротам кесарийской претории и отдавших себя в руки палачей. Поражённая великой верой христиан и их мужеством, видя непреклонность сына, Феодосия раскаялась, стала в ряды исповедниц и тоже была казнена.

После смерти прокуратора Иуста новым прокуратором Иудеи был назначен Флавиан. В споре с ним Святой Прокопий приводил ему пророчества о Христе из древнегреческих манускриптов. Но Флавиан сидел, «как глухой аспид», и не желал слышать и разумеать правду. Не вынеся увещательных речей Святого Прокопия, он приказал воину Архалею ударить страстотерпца мечом. Подняв меч, Архалей — внезапно упал на землю

и испустил дух. После новых изощрённых и тяжких мучений, длившихся несколько дней, святой Прокопий услышал голос неба, призвавший его к наследованию Царствия Небесного. Тогда святой Прокопий радостно преклонил свою честную главу под меч. Мученическая кончина святого Прокопия свершилась — 8(21) июля 303 года. Христиане взяли святое тело мученика и, обвинив его пеленами, с честью предали земле...», — сообщил в своей статье Михаил Шабалин.

***

Далее, для связи последующих своих размышлений с предыдущим текстом, приведу очень ценную информацию, в контексте данной публикации, полученную мной в мае 2005 года, наряду с другими данными, в Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской Православной Церкви — Знаменском Соборе города Кемерово. Озвучиваемое — дважды, я применял уже в предыдущих своих публикациях, но, поскольку «родились» они значительно позднее выше названного, пока что, какой либо реакции на них не видел: «...Церковь каменная вмч. и целителя Пантелеймона. Пантелеймоновская церковь была основана в 1996 г. на месте разрушенного в 1937 г. деревянного храма св. вмч. Прокопия, построенного в 1871 — 72 г.г. Первый деревянный храм — Прокопьевский храм, в с. Монастырском (ныне г. Прокопьевск), был построен ещё в 1673 году на землях Кузнецкого Христорождественского монастыря. Состав прихода на 1914 год: с. Монастырское; д.д. — Лучшева (9), Зенкова (7), Смышляева (12); улус Керлегешский (18)... Храм был закрыт в 1930-е г.г., а здание было передано кондитерской фабрике «Кузбасс», затем в 1970-е г.г. списано и продано на слом. Окрестная территория стала использоваться под свалку...».

Так: «Чьё имя носишь, Прокопьевск?». Имя Святого Праведника юродивого Прокопия Устюжского Чудотворца, хотелось самому же и ответить, как было сказано выше в публикациях Нины Засадной и Светланы Деникиной... Что подтверждалось и священнослужителями...

Но — «Прокопий Устюжский...» и «Святой великомученик Прокопий...» (которого называли Шабалины), разные Святые. Из информации, полученной мной в Кемеровской и Новокузнецкой епархии в 2005 году, чёрным по белому написано (повторюсь): «...Пантелеймоновская церковь была основана на месте разрушенного в 1937 году деревянного храма св. вмч. Прокопия, построенного в 1872 — 72 г.г.».

Нина Засадная в своей публикации сообщает почти то же самое, за исключением того, что названный храм носил имя «Святого Прокопия Устюжского...». В обеих информациях сообщается, что названный храм построен в 1871 — 72 годах. Публикациями: Н. Засадной и С. Деникиной утверждается, что название города пошло от этого храма, а по «Кузнецкой летописи» — И.С. Конюхова (составленной в 1870 году, то есть на год... — два ранее строительства указанной церкви), Монастырская деревня, уже называлась — селом Прокопьевским. В общем, возникла необходимость порассуждать: Святой Праведный Прокопий Устюжский... один из самых почитаемых Русских святых. Кроме того православными верующими, он всегда рассматривался не только как покровитель населения Великого Устюга, но и как заступник за всех страждущих на Руси. Слово — «праведный», поясняется толковыми словарями, как: «строго соблюдающий правила религиозной морали. Отвечающий правилам религиозной мо-

рали». «Праведник» — человек живущий согласно Заповедям, моральным предписаниям религии». Возможно, именно поэтому — «Святой Праведный Прокопий Устюжский...» был «востребован» в Кузнецке, во второй половине восемнадцатого века. Поскольку тогда, не только вокруг «Кузнецкого... монастыря», складывалась очень сложная обстановка: «К 1730 году, монастырская братия «в своей численности оскудела, жизнь в монастыре призамолкла» и правильнее стало называть его не монастырём а пустыней, поскольку монахи его частью умерли, а частью, из-за бедности монастыря, отправились куда-нибудь в другое место и сейчас в нём, кроме настоятеля, живут только два монаха», — сообщил в 1734 году, исследователь и историк Сибири, Г.Ф. Миллер. В 1761 году (когда до отмены крепостного права на Руси, до «Царского Указа 1861 года», впереди был ещё целый век) — вступил в силу «Царский Указ...», позволявший любому «государственному крестьянину», не являвшемуся помещичьим или ещё чьим-то крепостным, переселившемуся в Сибирь, свободно селиться на осваиваемые государством — пустынные новые земли и территории. «Указ...» объявил все «Новые земли...» осваиваемые в Сибири — государственными. Признаны незаконными свершившиеся до этого акты «приватизации» земли (выражаясь современной терминологией). С одной стороны — «Указ 1761 года» нанёс смертельный удар по сибирским монастырям, с другой — способствовал более интенсивному заселению русскими переселенцами многих пустынных территорий, которые — Москва и «Питер», считали своими с очень большими оглядками... После «Указа 1761 года», жизнь в «Кузнецком монастыре» стала катастрофической, поскольку «...многие монастырские крестьяне изъявили желание на своё переселение в хлебодородные районы Алтая». Настоятель монастыря — Адриан, в стремлении предотвращения надвигающегося закрытия монастыря, осуществил два знаковых действия: Во-первых — добился распоряжения светских властей на запрет оставления обители монастырскими крестьянами. Во-вторых, истребованный от светских властей — «запрет...», подкрепил и духовно: добился позволения церковных инстанций на строительство, в монастырской деревне Божьего храма — «Прокопьевской церкви», которая вступила в действие в 1763 году...

Всё, что хотелось сказать в отношении своих «сомнений», сказал. Ответа на заданный в заглавии публикации вопрос, как видите — не получилось.

Возможно, требуются разъяснения не только на вопрос, чьё имя хранит в себе Прокопьевская церковь? Но и то, что вкладывал в это понятие отец — Адриан, в столь далеко ушедший от нас — 1763 год... Вопрос, «Чьё имя носит Прокопьевск?» — продолжает оставаться актуальным. Поскольку все предположения иначе как сомнительными назвать нельзя. Получается как в половице: «Федот, да не тот!..» Хотя, в качестве оправдания, можно и то сказать, возможно, история города Прокопьевска сама нас и путает, поскольку просматриваются два параллельно идущих друг с другом названия: Светская половина называла — село Прокопьевское, церковная — село Монастырское (последнее подтверждает и приведённая выше информация Кемеровской епархии, за 1914 год). Моя мама, родившаяся в селе Усыты в 1912 году, дальнюю часть — так называемого Прокопьевского «Тулика», иногда называла — Старопркопьевском, иногда — Монастырским.

Усыты — Прокопьевск.

Памяти товарища

13 декабря 2009 года, после продолжительной болезни ушёл из жизни один из самых лучших прокопьевских поэтов (возможно самый лучший за всю историю города) – Савинков Виктор Иванович, автор пяти поэтических сборников, в каждом из которых помещалось от 110 до 250 его в большинстве своём замечательных и глубокомысленных стихотворений, с редкими повторами из предыдущих сборников. Всего Виктором Ивановичем было написано и опубликовано около 700 стихотворений.

Литературное общество Прокопьевска и области со смертью Савинкова понесло невосполнимый урон. Он навсегда останется в сердцах литераторов, кто был с ним лично знаком, и любителей поэзии как большой мастер рифмы и слова, как пример для подражания в своих целеустремлённости и трудолюбии.

Мне лично быть знакомым с Виктором Ивановичем посчастливилось всего лишь на протяжении последних его полтора лет жизни.

Познакомил меня с ним мой давний знакомый, его тёзка Давыдов В.И. – известный прокопьевский литератор, член Союза журналистов России. Он дал почитать изданные три сборника стихотворений неизвестного мне прокопьевского поэта – Савинкова. Я прочитал и, откровенно говоря, обалдел.

Не только от того, что в родном городе есть такой славный поэт, но и от того, что все его стихотворения очень понравились мне, а многие из них – запомнились.

В результате, в альманахе была опубликована подборка стихов Савинкова. Чему он был искренне очень рад, потому что эта публикация его стихов была первой на страницах СМИ.

Многие товарищи Виктора Ивановича в отзывах о творчестве называли его членом Союза писателей Кузбасса, хотя таковым он не являлся. В 2002 году, в своём стихотворении «О славе», Виктор Иванович писал:

*«Все люди, жизнь свою трудом крепя,
Спешат вперёд, друг друга торопя:
Вчера одних хвалили за дела,
Сегодня за дела другим хвала.
А слава что? Она, как лёгкий дым,
Дунь ветерок, и улетит за ним,
Найдёт себе и угол, и звезду...
Я гладкокровно очереди жду!»*

В июне 2008 года я впервые встретился с Виктором Ивановичем на презентации только что вышедшего (толстовского) номера альманаха, на встрече сельских библиотечек нескольких сибирских регионов, в библиотеке посёлка Терентьевский Прокопьевского района.

Не единожды приходилось слышать мне от Савинкова о том, что он поставил перед собой цель написать «сто сонетов о любви» и опубликовать их. Говорил, что по первому пункту реализация намеченного плана близка уже к завершению...

Последняя моя встреча с Виктором Ивановичем состоялась в мае или июне 2009 года, в Прокопьевске, в ДК Маяковского, на встрече поэтов литературного клуба «Маяк».

Встретились мы с ним у входа. Тяжело поднимаясь по ступенькам, он сообщил, что плохо стал себя чувствовать (незадолго до этого у него умерла супруга). «Наверное, скоро меня хоронить будете», – с некоторой иронией сообщил он мне. Видно, реально оценивал оставшиеся свои силы или, может быть, из каких-то собственных соображений сознательно определил и поставил конечную точку своего жизненного пути. О чём и говорил в своём стихотворении «Не вечен я...»:

«Не вечен я, однажды я не буду,

*Как счастье, славить личную беду,
Я это всё когда-нибудь забуду
И навсегда в далёкий край уйду.
И если, пусть, как в необжитом доме,
Во глубине души нахлынет грусть,
Вы вновь и вновь прочтёте этот томик,
И я к вам в песнях о любви вернусь».*

Говоря о смерти Савинкова Виктора Ивановича (родился он «03.02.1936 года», прожил немногим более 73 лет) и его памяти, хочется искренне выразить слова благодарности тем работникам и руководителям администрации города Прокопьевска и угольной компании «Прокопьевскуголь», которые финансово помогали Виктору Ивановичу в издании его книг. Благодаря которым литературное наследие Савинкова В.И. не будет забыто в ближайшие годы после его смерти. Оно многие десятилетия будет являться мерилом интеллектуального вклада этого замечательного человека во славу своего родного города.

**Анатолий Гуляев,
от имени прокопчан-
друзей Савинкова В.И.**

Как трудно говорить о себе...

Как трудно говорить о себе, о своей достаточно долгой и непростой жизни. Это всё равно, что сравнивать её с рекой, по которой накатываются одна на другую волны различного цвета: красные, чёрные, зелёные.

Такова жизнь, в основном, всего моего поколения, поколения, которому пришлось строить свою судьбу в бурные годы второй половины двадцатого столетия.

Отец мой и мать – уроженцы Алтайского края, деревни Мостовая. В период коллективизации были высланы в Кемеровскую область, как зажиточные крестьяне. Бесконечные гонения подорвали здоровье матери, умерла она, не дожив до лучших дней...

А я родился в Прокопьевске третьего февраля 1936 года. Окончил 10 классов в школе № 9 на Берёзовой Роше. Алтай считаю своей второй родиной, люблю навещать оставшихся там родственников... Отец мой, профессиональный шахтёр, устроил меня на работу, на шахту «Зиминка».

И я всю жизнь благодарю судьбу за то, что она обошлась со мной именно так. Шахтёры для меня стали родной семьёй, и до сих пор с любовью вспоминаю годы, одетые в шахтёрскую робу.

Был женат, но ни любви, ни жизни с первой супругой не получилось. При пер-

вом же испытании, стоило лишь мне по весёлой молодости лет угодить в места, где девяносто девять плачут, а один смеётся, она ушла к другому. С тех пор ложь и предательство, испытыв всю боль измены, считаю самыми низменными качествами человека...

Мои литературные опыты начались в четвёртом классе. Очень хотелось рифмовать слова.

Лет через десять мои пути-дороги привели меня в литературную группу при городской газете «Шахтёрская правда». Какие удивительные времена! Руководитель группы Зинаида Александровна Чигарёва, ныне член «Союза писателей России», возилась с нами, не побоюсь такого сравнения, как наседка с цыплятами. Товарищами по литературной группе были: Николай Желябов, Фёдор Медведев, Алексей Пешков, Эдуард Гольцман, Владимир Серов, Геннадий Гаденов, Александр Климова, Иосиф Куралов. Все они разбрелись по свету, по разным городам и весям. Некоторые из них стали признанными поэтами. Но для меня не это важно.

Важнее всего для меня быть уважаемым людьми человеком.

Шахтёром-профессионалом называю себя смело, поэтом – с опаской. А, в общем, вместе со стихами хорошая жизнь протекла как песня. И какова цена песни, такова и цена моей жизни.

Об этом судить Вам.

Ваш, Виктор Савинков.

(авторское предисловие к сборнику стихов «Преклоняя колени», выпущенного в 2003 году).

Слово о друге

Автор этого сборника мне хорошо знаком с далёких шестидесятых годов. Мы состояли в одной литературной группе при редакции газеты «Шахтёрская правда» г. Прокопьевска. Молодое время, горячее, неповторимое.

Уже тогда Виктор Савинков работал в шахте проходчиком и не изменил своей профессии ни на один день, отработав, под землёй тридцать пять лет. Отсюда и стихи:

*«Шахтёрской поступи отвага,
Её не купишь, не продашь,
И по забою пишет штанга,
Как по бумаге карандаш».*

Жизнь разнесла нас по разные звёзды, но память хранила всё прожитое и пережитое. Память хранила – и вот в 2004 году мне в руки попал сборник стихов Виктора Савинкова «Преклоняя колени».

Стоит ли говорить, насколько я был счастлив за друга.

Зрелость содержания написанного утверждала то, что автор ни на один день не оставлял поэзию.

Удивительная жизнь. И это уже не простое увлечение – это тяжёлый крест судьбы, определённый ему небом, крест, который даром не даётся.

Итогом – новый сборник «Капелька грусти», где ещё более объёмно, чем в первой книге, охвачена шахтёрская тема с её величием и трагизмом. Самый большой раздел в сборнике – лирика, стихи о любви, наполненные тишиной и грустью.

Давайте, друзья, все вместе порадуемся за Савинкова и трижды пожелаем ему творческих удач на всё его светлое продолжение!

**Иосиф Куралов,
член Союза писателей России,
заместитель председателя Союза
писателей Кузбасса**

(предисловие к книге – сборнику стихов Виктора Савинкова «Капелька грусти», выпущенной в 2006 году).

Годы, годы, годы...

С Виктором Савинковым мы впервые

встретились в литературной группе, при редакции газеты «Шахтёрская правда», в далёкие шестидесятые годы.

Молодые, мечтающие о славе, не терпящие преград, жаждающие признания своего труда, мы были счастливы от того, что в лит. страницах высвечивались наши фамилии.

Мы были счастливы, мечтали о светлом, но жизнь распорядилась по-своему, заставив его испытать унижение лагерей.

После освобождения главным редактором «Шахтёрки» Баринковым на его стихи был наложен запрет. Помню, как в последний раз Виктор, придя в лит. группу, прочёл своё стихотворение «Репрессия», где были такие строки:

*«Надо мной злора крылья развесила,
Утоляя державную месть,
Для меня, для шахтёра, репрессия –
Это слишком высокая честь».*

Прочёл и ушёл, ушёл, чтобы на многие годы пропасть в неизвестности.

Но, как сейчас мы знаем, он не мог обойтись без стихосложения ни одного дня.

Талант и опыт сделали своё дело. И вот перед нами его избранные сочинения «Я люблю тебя, жизнь».

В этом сборнике есть замечательные стихи об обиженной Родине, стихи девяностых годов, стихи, выстраданные сердцем поэта, его душой.

В архиве поэта хранятся стихи, написанные в далёкой Германии, с замечательными отзывами, с откровенным приглашением на переезд в чужие края, но любовь к Родине ни на единый час не покидала поэта:

*«Я спросил у сердца: «Ты могло бы...»
Я спросил у сердца: «Мы б могли,
Обогнув земли красивый глобус,
Жить от горькой Родина вдали?
Если б мы от Родины сбежали...» -
Сердце мне ответило: «Родной,
Мы б с тобой давно в земле лежали,
Ты б не разговаривал со мной!»*

В настоящее время Савинков является членом Союза писателей Кузбасса и не будь его, я думаю, Россия потеряла бы замечательного поэта.

**Суважением Виктор Давыдов,
член Союза журналистов России**
(предисловие к книге – сборнику стихов Виктора Савинкова «Я люблю тебя, жизнь», выпущенной в 2007 году).

Живёт на свете человек...

Живёт на свете человек, скромный и незаметный в нашей привычной, обыденной жизни, живёт, как все, и, уже будучи далеко не юношей, не может обойтись ни одного дня без поэзии.

Было всё. И тридцать пять лет жизни, отданные опасным забоям шахты «Зиминка»... И какие бы препятствия ни стояли на его пути, как бы они его ни мучили, всё равно высшие силы добра и света вели по колею поэзии в мир удивления и вечной красоты.

И вот перед Вами... сборник его стихов «Тихой нежностью в душу стучась», сборник стихов поэта, члена Союза писателей Кузбасса, Савинкова Виктора Ивановича.

Хотелось бы сказать о нём много хороших слов, но лучше будет, дорогие читатели, если Вы сами познакомитесь с ним, прочитав его стихи, наполненные грустью, нежностью и лёгкой тоской о невозвратной молодости, стихи, окрашенные жизнью.

**Людмила Лукьянова,
методист литературно-
поэтического клуба
«Вдохновение».**

(предисловие к сборнику стихов Виктора Савинкова «Тихой нежностью в душу стучась», выпущенной в 2007 году).

Аделья МАЧКОВА

Сластена.

Мишка косолапый
Вытер глаза лапой.
Вышел прогуляться,
Вышел поразмяться.
Видит дерево с дуплом,
А в дупле пчелиный дом.
«Там же мед!» У ворчуна
На живот бежит слюна.
Глаз прикрыт от восхищенья:
«Для меня здесь угощенье!»
Быстро лапами за ствол
И в дупло за сладкий стол.
Мед душистый, золотой
Сторожил пчелиный рой.
Мишка лапой мед задел,
Рой сердито загудел.
Косолапого ворюшку
За доставленный урон
Сбили с дерева, как шишку,
Облепив со всех сторон.
-Бедный, бедный, бедный мишка.
Как же плохо быть ворюшкой
Пчел обидел, сам упал. —
Мишка тихо застонал.
Пчелы мишку осмотрели,
Пожужжали, подлетели:
«Лучше другом добрым быть,
Чем в ворюшки угодить.
Будешь нас оберегать,
Будем медом угощать.
Если просишь ты прощенье,
Мы летим за угощеньем!»

А. Л. МАЧКОВА

Лесная песня.

Шел по лесу старичок,
Старичок-лесовичок.
Колокольчик тронул он,
Тот издал хрустальный звон.

Звон услышали пичужки,
Нацепили звон на ушки.
Позвенели, позвенели
И придумали слова.

Песню весело запели,
Подпевают им сова,
Ухнет раз и ухнет два.

Песню звери подхватили
И по лесу закружили.
Зайцы песню распевают,
В вальсе кружится лиса,
Рыжий хвост ее мелькает
Словно рыжая коса.
Волки слушают букашку.
А медведь лесную птичку

Полетел веселый звон
Прямо с горки под уклон.
В ручейке, как через горы,
Прыгал звон через порог.
Песню леса на просторы
Нес звенящий ручеек.

Подснежник

Подснежник выскочил за кочкой
На белом снеге синей точкой.
Не спрятаться ему теперь,
Весна теплу открыла дверь.
Растаял снег, подснежник рад,
Ведь рядом вырос новый брат.

***

Солнце утром встало,
В окна постучало:
«Утро на пороге,
Спите, как в берлоге.
Дети, просыпайтесь,
Мойтесь, одевайтесь.
Мой послушайте совет
-Полобуйтесь на рассвет!

Ночка

По небу месяц прошагал,
Перед бугром поклон отвесив,
Под кручу весело сбежал,
Все темной шторкой зашпалесив.
Котенок в хвост запрятал нос
И задает себе вопрос:
«Куда же звезды исчезают?»
И тихо, тихо засыпает.

Росток

Зерно, упав из наших рук,
В земле раздулось почкой,
И разорвалась от потуг
Тугая оболочка.
Росток, набравшись новых сил,
Кору земли собой прошил.
Сквозь снег пророс весенний цвет,
Так все живет уж много лет.

Кузнечик

Кузнечик прыгнул на поляне,
В росе по пояс утонул.
В холодной искупался ванне,
Подумал, и тот час чихнул.

Ежик

Здравствуй, здравствуй,
Серый ежик.
У тебя две пары ножек,
Бусинками глазки
Так и просят ласки.
Я погладить захотела,
На иголки налетела...
Уежа иголки
Не погладишь - колки!

Котенок

Ему не надо распашонок,
Подушек, одеял, пеленок,
А только мамин теплый бок,
В который он уткнется смог.
У мамы нос щечкочет ушки,
И лапки мяче, чем подушки.

Тимка

Холодный нос,
Пушистый хвост,
Два карих глаза и усы
Даны ему не для красоты.
С утра до вечера в бегах,
В заботах, в службе не за страх.
«Кто перед нами?» - ващ вопрос.
А это Тимка - милый пес!

Одуванчик

На ножке беленький снежок,
Из белых звездочек стожок.
В нем поселился круг друзей,
В семейке дружной веселей.
От дуновенья ветерка
Один взлетел под облака,
Второй присел у ножки,
А третий у дорожки.
Друзей рассыпался кружок,
Но каждый свой создал снежок.

Любовь с первого взгляда.

увозит нашу группу поддержки в Таштагол. Следующий день — знакомство с горой Зеленая.

Утром быстро завтракаем и едем в поселок Шерегеш. Это — царство гор! Здравствуйте, горы Шории — мечта моя.

Зеленая возвышается огромным острым среди бескрайнего моря горных вершин. По канатной дороге поднимаемся к смотровой площадке. Вокруг елочки — тоненькие, седые от инея. Зацепились за вершину и упрямо стоят под ветрами — стойкие оловянные солдатики. А внизу застывшие каменные волны до горизонта и прибоем тайга у подножия горы.

Воздух прозрачный, холодный, но очень вкусный, как родниковая вода — пьешь, а напиток не можешь.

Смотрю на все, а в голове одна мысль: "Спасибо тебе, Создатель, за щедрый дар красоты людям Земли. Чем сможем ответить?! Сохранить это Чудо — пожалуй, самая малая благодарность".

Я никогда не была в Горной Шории, хотя родилась и выросла в Новокузнецке, городе, расположенном у подножия этого горного массива. Желание побывать там было всегда, но оно вытеснялось в какой-то далекий уголок сознания будничной суетой. Казалось, что это очень близко. Посмотреть всегда успею. Надо съездить к морю, в Европу, Азию. Но вот вытесненное когда-то желание выросло и заполнило все мое существо. Решила: "Еду!"

Мы едем в Горную Шорию

Мы — подруги, небольшая группа любителей литературного творчества. По приглашению поэтов города Таштагола мы уезжаем из нашего родного Новокузнецка.

Дорога идет по горам через тайгу. Все пространство вокруг нас искрится и сверкает голубоватой белизной. В начале нашего пути мы бурно обсуждаем проблему: "Затопит эта красота нас весной или нет". Затем молча, заморожено смотрим на сказочный мир за окном автобуса.

Осинки и березы осыпаны серебром. Взрослые ели пиками верхушек упираются в небо. А вот компания елочек стоит тесной группкой. Пушистые со снегом на зеленых лапках. Стоят, как девчужки, собравшиеся в кружок посплетничать. Каждая новая картинка за окном отличается от предыдущей, но остается сказкой, прекрасной и волшебной.

Замелькали дачные домики, и появляются первые дома города Таштагола.

Мы высыпаемся из автобуса и попадаем в дружеские объятия Кирилла Сазонова и Евгении Кирсановой — любителей поэзии, красоты и жизни. Побросав вещи в нашем временном прибежище, доверяем себя и свои надежды увидеть чудо Кириллу.

Чудо

Отправляемся к горе Туманная и, действительно, видим чудо.

Гора встречает спортсменов, прибывших на VII соревнование по горным лыжам и сноуборду памяти Севенюка. Разукрашенная флажками, финишной лентой, выглядит просто красавицей. Яркие пятна спортивных костюмов на бе-

лом снегу, плакаты, флаги. Спортивный праздник шумит музыкой, смехом, весельем и шутками.

Каждому, съехавшему с горы, кричим: "Ура!" И нам совершенно безразлично, чей это спортсмен "Евразуды", "ЗСМК," "Южкзбассугля"... Они все наши. И им всем — "Ура!"

Они все победители, если смогли покорить такую гору!

Пьем со всеми чай, поем и пляшем. Награждение победителей. Счастливые лица. Детские мягкие игрушки, прижатые к груди — награда болельщикам за сопереживание. Фейерверк из цветных бумажек. Праздник закончился. Автобус

Рядом слышу голос подруги: "Господи, а я собиралась в Швейцарию. Всю, в Швейцарию уже не еду. Зачем?" Действительно, зачем? Я думаю, что и здесь не хуже.

Спуск с горы даже в вагончике — это полет, это восторг, это счастье, ни с чем несравнимое.

Около автобусной остановки встречаем семью — маму и дочку. Обе на лыжах, в салатовых, ярких спортивных костюмах. Малышке лет пять, она снимает лыжи и очень серьезно осматривает нас. Кто мы? Без лыж, в обычной, будничной одежде. Подходит автобус, мы все втискиваемся в него и возвращаемся в Таштагол. Там нас ждет еще один праздник.

В библиотеке города Таштагол — вечер поэзии. Вечер проходит очень торжественно. Евгения, в длинном черном платье, Кирилл, подтянут и элегантен — они душа и стержень клуба. Волнуясь, рассказывают о своих планах, читают стихи. В зале люди разного возраста, но всех объединяет любовь к живому слову русского языка. Я уверена, что зазвучат стихи и на шорском языке. Это здорово!

Все присутствующие очень радушно, встречают нас аплодисментами. Думаю, они предназначены не только нам, но всему творческому содружеству города Новокузнецка. Спасибо, друзья.

День близится к завершению и вместе с ним наша поездка.

До свидания, Шория — любовь моя, любовь с первого взгляда. До новых встреч!

г. Новокузнецк.

Фотоиллюстрации Кирилла САЗАНОВА.

Клуб Любителей фантастики «Контакт»

Сегодня в газете «Усятская россыпь» публикуется довольно большая подборка стихов и прозы членов Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт».

«Контакт» — один из старейших работающих клубов Новокузнецка, а, возможно, и Кузбасса. Первое заседание клуб провел 27 апреля 1978 года. Так что в прошлом году мы отпраздновали в библиотеке им. Н.В.Гоголя, на базе которой работаем, свое 30-летие. У клуба довольно богатая история, но вот сегодня большинству «контактовцев» интересно не только читать и обсуждать фантастику, но и самим её создавать. Литературное творчество «Контакта» многообразно. Проза — пожалуй, на любой вкус. Научная фантастика, фэнтези, мистика, сказка (и для детей, и для взрослых), юмор, сатира, пародия... Уф, что я еще не перечислил? Пожалуй, еще стихи. Впрочем, стихи — это особая статья, здесь выделить фантастику нельзя, поэтому стихи приветствуются любые, лишь бы они были действительно стихами, а не набором рифмованных строчек.

«Контакт» всегда стремился свое творчество донести до читателя. Первой публикацией клуба была юмореска, напечатанная в январе 1980 г. в газете «Комсомолец Кузбасса», подписанная псевдонимом Тупавко. Под ним скрылись тогда еще очень молодые авторы Олег Тумаков, Аркадий Павлов и Валерий Колотвин. Много печатался в 80-е — 90-е годы известный в нашем городе журналист и писатель Александр

Головков, к сожалению очень рано ушедший из жизни.

С 1995 года, когда на клубе была организована секция собственного творчества, «Контакт» стал еще больше внимания уделять прозе и поэзии своих авторов. Творчество «контактовцев» выросло не только количественно, но и самое главное — качественно. В 2004 году московское издательство АСТ издало книгу рассказов Евгения Грепа «Наброски с невозможного». В 2007 году в Москве изданы сразу два романа наших авторов: роман Ольги Белоусовой «Перекресток волков» (издательство «Форум») и роман Натальи Колесовой «Карты судьбы» (издательство АСТ). В 2009 году в том же издательстве (АСТ) вышел и второй роман Натальи Колесовой «Прогулки по крышам». В этом же году три рассказа наших авторов (Е. Грепа, Н. Колесовой, С. Тараканова) опубликованы в одном из самых престижных журналов фантастики «Полдень, XXI век», рассказы для которого отбирает Борис Стругацкий, — наверное, самая культовая фигура российской фантастики. Нам есть, что предложить издательствам и в дальнейшем. А двое наших авторов (Ольга Белоусова и Наталья Колесова) приняты в Союз писателей России.

Надеюсь, что рассказы «контактовцев» понравятся и читателям «Усятской россыпи».

Президент КЛФ «Контакт»
Николай Калашников

Дарья ОРШАНСКАЯ

Загадка улыбки

— Вы прекрасны, — говорил он, и глаза его горели от восторга. — Ваши глаза, овал лица, губы... Нет, не поймите меня превратно, я — художник! А вы для меня — как предмет искусства, нечто совершенное, прекрасное и непостижимое...

Девушка опустила взгляд. На щеках её, как и положено приличной девушке при подобных словах, играл лёгкий румянец. Но художник видел, что уголки рта девушки искривились в улыбке.

— И эта ваша улыбка, о! Она прекрасна! — восхищённо продолжал он. — Я хочу запечатлеть её на холсте. Подобрать кисти и краски... Вашим портретом будет восхищаться весь город, да что там — город! Вы будете вызывать восторг у всей страны...

Девушка подняла взор на художника. И было в её взгляде что-то такое, что художник невольно остановился на полуслове, решив воздержаться от дальнейших восхищённых речей. Он выжидающе смотрел на девушку, а та не спешила со словами.

— Боюсь, что... это совсем не то, что мне нужно, — наконец тихо сказала она.

Художник удивлённо поднял брови.

— Не то, что нужно? Помилуйте, я... не понимаю. Я не говорю, что я самый лучший художник на свете, но... по крайней мере, я постараюсь запечатлеть на рисунке ваши черты в той же точности, в какой их создала природа. Что же нужно ещё?

— Я... ах, нет, вы не поймёте.

Девушка порывисто встала и повернулась в сторону двери.

— Но стойте, — воскликнул обескураженный художник. — Вы не высказали своих требований, а уже уходите. Это, в конце концов, задевает мою гордость как живописца. Расскажите мне, чего вы хотите, и я постараюсь помочь.

Девушка остановилась. Казалось, она колеблется.

— Ну же! — воскликнул художник, подстёгнутый любопытством. — Скажите же мне, чего вы желаете!

И девушка медленно обернулась.

— Я хочу, — медленно сказала она, — чтобы мой портрет пережил все существующие в мире портреты.

Художник потерянно молчал.

— Но это ещё не всё, — продолжила девушка. — Я хочу, чтобы обо мне писали книги, рассказы, просто — воспевали мой лик... о! Это было бы прекрасно. Но главное — не это. Главное то, что я хочу

видеть, ощущать всех людей, которые будут смотреть на мой портрет.

Художник открыл было рот, но застыл, не решаясь сказать.

— Да, я знаю, — грустно улыбнулась девушка, — это невозможно. Но таково моё желание. Я хочу, чтобы не только люди смотрели на меня, но чтобы и я могла смотреть на них.

Она усмехнулась и направилась к двери. Она уже дотронулась до шершавого дерева створки, когда художник вдруг тихо произнёс:

— Есть способ.

Девушка резко обернулась. Художник стоял у окна, закусив костяшки пальцев и рассматривая площадь за окном.

— Да, я знаю способ. Но он настолько ужасен... нет, нет. Забудьте о том, что я вам сказал. Прошу вас, забудьте!

Но девушка уже подошла к художнику.

— Умоляю, — воскликнула она. — Скажите мне, что это за способ!

Художник взглянул на неё. Глубоко вздохнул.

— Это ужасный способ. И я бы даже не вспомнил о нём, если бы мне не хотелось так сильно написать ваш портрет... Это дьявольский метод, мне противно говорить о нём...

— Ах! Прошу вас, продолжайте! — девушка в нетерпении схватила художника за руку.

— Способ заключается в том, — сказал он, — чтобы вложить в картину человеческую душу. В этом случае вы будете бессмертны. Вы будете прекрасны — вы навсегда останетесь такой, как сейчас, в этот день, в сию минуту! Но, боюсь, вашей душе придётся оставить своё бренное тело...

Художник говорил, устремив взгляд в ковёр. Девушка заворожено смотрела в лицо мастера.

— Понимаете ли, душа не способна разделиться на несколько частей. Она находится в одном сосуде. В данном случае — в вашем теле... — он потёр свободной ладонью глаза. — Это ужасный способ, поверьте. С каждым мазком кисти, с каждым движением моей руки ваша душа будет покидать это прекрасное тело и просачиваться в портрет. Это будет ужасно, да, но наградой станет вечная красота... — он взглянул на девушку и быстро добавил:

— Нет, не думайте, что я вас уговариваю... Мне самому был бы отвратителен

Рисунок Ольги Головачёва.

такой способ...

— Да! — перебила его девушка.

— Что? — ошеломлённо переспросил художник.

— Да! — сказала вновь она, и глаза её горели решимостью. — Возьмите свои краски, мастер! Я согласна! Я желаю этого больше всего на свете!

Художник вздохнул. Взгляд его выражал сомнение.

— Вы уверены? — спросил он, надеясь, что девушка всё же откажется.

Но она упрямо повторила: «Да!»

Ольга Борисовна застала свою коллегу распивающей чай прямо на кафедре русского языка.

— А, Людмила Сергеевна! Вы уже вернулись! — радостно воскликнула она, устроясь рядом на узком казённом диванчике.

— Да, Ольга Борисовна, да! — приветливо улыбнулась коллега. — Вы знаете, Питер — это просто прелесть! А уж Петергоф... его фонтаны! А Исаакиевский собор! Как там было у Ахматовой... помните? «Вновь Исакий в облаченьи из литого

серебра...» Ах, красота, красота! — Людмила Сергеевна отставила чашку на столик и цапнула из пачки печеньку. — Но вы знаете, что самое замечательное?

— Нет, — Ольга Борисовна, занятая тем, что наливала себе из электрического чайника в кружку кипяток, слушала восторженный рассказ вполуха. — И что же?

— Нам повезло, — восторженно продолжила коллега. — В дни нашего пребывания в Петербурге туда приезжала лекция картин из Лувра! Представляете? Настоящих! Мы отстояли целую очередь... и видели ЕЁ!

— Кого? — не поняла Ольга Борисовна.

— Мону Лизу! Самую настоящую! Нет, всё-таки правду говорят... она прекрасна! И никакие фотографии, никакие дубли не смогут передать её красоту... вы знаете, в её улыбке... правда, есть загадка! Она действительно улыбается! И...

— Что? — спросила Ольга Борисовна, увидев, что коллега замялась.

— Вы знаете, такое ощущение, что она улыбается именно тебе. Как будто она, и вправду... живая.

г. Новокузнецк.

Сергей БУЗИН Пассажир из прошлого

(Фантастическая миниатюра)

Мужчина резким движением распахнул дверь машины и сел на заднее сиденье. Он явно торопился.

— Ну что, поехали назад — в моё настоящее и их будущее, — кивнул за окно пассажир с улыбкой.

— Год, месяц, число и город, — спросил водитель и рукой потянулся к сенсорной панели.

— 2045-й, девятое мая, Москва, — быстро проговорил мужчина с улыбкой на лице. Таксист набрал цифры, и на мониторе навигатора появилась карта города Москвы. Машина тронулась с места и начала набирать скорость. За стёклами машины погасли огни станционного городка. Такси плавно и бесшумно двигалось во времени, в полной темноте. Таксист молча следил за мелькающими цифрами на мониторе и переключал режимы управления.

— А мне тоже вот приходится часто ездить — из настоящего в прошлое, — начал разговор пассажир. — К прапрадедушке и прапрабабушке, живут, вернее, жили в селе. Сами понимаете, послевоенное время, совсем ничего нет. Вот и приходится ездить к ним в прошлое, то продуктов привезу, то кое-что из одежды, — пассажир вздохнул и замолчал.

— А я подумал — бизнес, — таксист

посмотрел в сторону пассажира.

— Да какой там бизнес, — махнул тот рукой.

— А в будущем у своих правнуков бываете? — спросил таксист у пассажира, тот сразу погрузился.

— Нет, не бываю, будущее меня страшит.

Таксист ткнул пальцем несколько кнопок, и машина плавно остановилась; за окнами сразу посветлело, проступили контуры улицы с подземным переходом, появились пешеходы, машины, и через несколько секунд появился звук города.

— Я выйду здесь, пройду, мой дом напротив, через дорогу, — сказал пассажир и расстегнув пальто, полез рукой во внутренний карман пиджака за бумажником.

— Сколько я вам должен? — спросил он. Таксист повернулся к пассажиру и увидел у него на пиджаке значок депутата Государственной думы.

— Тройной тариф, в оба конца, — нетерпеливо ответил таксист.

У пассажира вытянулось лицо в немом вопросе.

— За такое будущее надо платить! — произнёс таксист и указал пальцем в сторону подземного перехода, где стояла старая нищенка — с посохом и протянутой рукой для подаяния.

Алла МОЖДЖЕНСКАЯ

Как отец Агафангел писал стихи

Однажды отец Агафангел решил написать стихи, а затем издать книгу и подзаработать денег (теща второй год требовала стиральную машину). Для такой благой цели отец обзавелся настоящим гусиным пером и для правдоподобия вымочил бумагу в черном час, отчего она стала похожа на настоящий пергамент. Но, по недомолву или ещё какому-либо греху, он вымочил листок в клетку, и теперь она — клетка — предательски просвечивала через этот загар.

Для того, чтобы поймать вдохновение, отец Агафангел подошел к окну и встал, как Пушкин на литографии, в профиль, закатил томно глаза и принял вдохновенный вид, подняв руку с сухим пером на уровень головы. Вдохновение что-то не приходило... Он поднял брови, не открывая глаз, вероятно, думая, что это может помочь. Но вдохновение все так же не хотело махать стихотворными крылышками.

Отец Агафангел сдался. Он просто сел за стол, обмакнул перо в чернила, набрал в грудь воздуха и... Проклятое вдохновение опять запаздывало! В раздражении отец бросил перо на ковер, забыв, что чернила имеют нехорошее свойство растекаться пятнами.

Чуть было не вспомнив черта, как он это частенько проделывал во дни своей юности, отец принялся посыпать пятно всеми сыпучими средствами, которые только попадались под руку: и женина пудра, и «Комет», и соль, и перец...

Пятно хладнокровно торчало посреди ковра, убеждая в прозаичности жизни.

Махнув рукой, отец Агафангел просто постелил поверх горки сыпучих тел газету и упорно стал продолжать искать вдохновение.

Вспомнив, что Александр Сергеевич многие стихи посвящал дамам, отец тоже стал подыскивать даму сердца, которой он мог бы посвятить пару-тройку стихов. Но в голову почему-то упрямо лезли лишь две хорошо знакомые ему женщины: его собствен-

ная жена — Евдокия Ивановна, и теща — рябая Матрона Кузьминична. Выбрав из двух зол наименьшее, отец Агафангел стал вспоминать облик горячо любимой жены. После долгих и мучительных поисков отец придумал рифму «бровь-морковь» и вывел двустишие:

*Твоя изящнейшая бровь
Наводит мысли на морковку!*

От удовольствия отец Агафангел потер вспотевшие ладошки: дело, кажется, пошло. Муза хоть и капризничала, но все же прилетела. А рифма вышла удачная.

Следом за первой рифмой пришла и вторая: «кровь-свекровь», но отец Агафангел решил воздержаться от уголовщины. Надо было придумать ещё рифму, но дело не шло. Отец начал от нетерпения дергать себя за ус. Рифма не приходила, а ус был почти выдран.

Нотут на ум пришла спасительная идея: он вспомнил, что, кажется, у Бунина было такое стихотворение из одной строчки:

О, закрой свои бледные ноги!

Теперь следовало по аналогии настрогать таких вот «белых стихов». Страниц 50-то он сможет обеспечить. И родилось:

О, побрей, наконец же, подмышки!

И т.д., и т.п. В итоге, когда вечером домой заявила жена Агафангела, то весь ковер был завален мадриталями, а сам отец мирно спал на столе, блаженно улыбаясь одним усом. Заподозрив неладное, Дуся стала разгребать макулатуру, пока не натолкнулась на огромное чернильное пятно. Огрев мужа по шее спитрахилью, она вынесла все стихи во двор и сожгла, невзирая на слезливые причитания мужа о том, что в своем Отечестве пророка, как всегда, нет. Она ему отвечала на это и вполне резонно, что и в других отечествах не слишком-то густо.

А за ковер отцу Агафангелу все-таки попало, и пришлось ему со следующей зарплатой покупать новый.

Так бесславно начался и так бесславно закончился творческий путь отца Агафангела.

Три желаньница Сергей Загнухин

Жизнь не удалась... Ни в чём... А ведь мальчик Ваня подавал большие надежды. Стройный, красивый, общительный, умный, талантливый. На скрипке играл. Рисовал. В стенгазету пописывал. Стишки сочинял. Драмкружок. Судомодельный. Спортом занимался.

Подавал Ваня надежды, подавал... Да видно куда-то не туда подавал.

Иван Иваныч Иванов сидит дома без штанов, на кровати. Сорок пять вчера стукнуло — по маковке... Юбилей, чтоб ему.. Подводи итоги... А что в итоге? Подводи не подводи — сплошной минус. Машины нет. Дачи нет. Компьютера нет. Денег нет. На работу, как на каторгу.. В квартире — бардак... Холодильник пустой... Телевизор сгорел... Детей нет.. Жена ушла... Кошки-собаки тоже нет. Зло сорвать и то не на ком.

Веры тоже нет... Ни в кого... Ни в бога. Ни в судьбу. Ни в людей. Ни в себя...

Одна депрессия есть. Большая и чёрная. На пару с тоской зелёной. Да ещё подарочек есть. От сослуживцев. Ван он, на столе стоит. В двухлитровой банке. Плавниками шевелит и глазами-телескопами вылупился.

Ну, друзья-товарищи... удружили. Прикололись. Нашли презент для юбилея. Что с ней теперь делать, с этой золотой рыбкай. Чем кормить? Где держать? Денег даже на аквариум нет. В ванну, что ли, задушить? Или сразу в унитаз сдёрнуть? Отыграться хоть на ней — бессловесной. А ещё представить себе натуральной, в стихах и красках, как вместе с ней и коллеги-прикольщики буль-буль в канализацию, в стиле черепашек-ниндзя.

А что, хорошая идея. И проблем меньше и хоть какое-то моральное удовлетворение. Этой идеи даже хватило на то, чтобы преодолеть постпраздничную апатию. С маниакальным выражением на лице, наведя прицел опухше-прищуренных глаз на объект мести, Иван Иванович, несмазанно скрипнув шарнирами своих суставов, встал с постели и походкой «зомби с похмелья» двинулся к столу.

Рыбка, словно услышав преступные замыслы, замахаала крыльями-плавниками и с глазами, повысившими телескопичность, замстала по двухлитровой акватории. Но в момент, предшествующий соприкосновению рук с банкой, словно приняв решение, застыла на месте и, глядя своими большими очами на потенциального убийцу, энергично зашлёпала губами: «Не губи меня, добрый человек, пожалей», — услышал вмиг обалдевший Иван Иванович. Хорошо, что банку не успел приподнять, а то бы вся история на этом и закончилась.

В этот же момент, уткнувшись оставшимся взглядом сквозь прозрачность стекла и воды в самый центр рыбкиго глаза, неудавшийся рыбокиллер с ужасом думал о поехавшей крыше, белой горячке, шариках, захвативших за ролики, и почему-то о маме, которую давно не видел, жене, которую не видел ещё дольше, детях, которых вообще никогда не видел, а также обо всех своих неосуществившихся мечтах. Все эти мысли промелькнули в один миг, как, говорят, бывает в момент смерти. Непонятно, правда, кто это говорит, кому и где. Ведь если говорит, то не умер, а если умер, то откуда это известно нам — ещё живущим.

— Успокойся Ваня Ваныч, — продолжала чревоуещать рыбка, — с головкой у

тебя всё в порядке. Я действительно чудесная золотая рыбка.

— Та самая? Знаменитая? — маятник настроения слегка китаезировано поименованного Ивана Ивановича стремительно метнулся от тоскливого уныния к радостной надежде.

— Ну, не совсем та самая, — слегка замушалась золотая лупоглазка, — ту самую во время последней войны глубинной бомбой подбили, вместе с вражеской субмариной. Я её потомок.

«Золотой рыбок, значит, — подумалось почему-то Ивану Ивановичу, мучительно пытавшемуся раскопать подвалы знаний и перетрясти шкафы своей памяти. — Где-то я это уже читал, в какой-то истории для научных сотрудников младшего возраста. Какая-то там ещё заминка вышла с исполнением желаний».

— Но ты тоже можешь выполнить три моих желания? — с неугасимой надеждой во взоре спросил вчерашний юбиляр.

— Да хоть четыре, — почему-то отводя свои телескопы в сторону, отвстала рыбка.

— А что чудеса могут быть только старинными? — вспомнил Иван Иванович что-то из прочитанного. — А о таких вещах, как компьютер или телевизор, ты понятия не имеешь?

— Да имею я понятие, имею, только... — в комнате повисло тягостное молчание.

— Ну, говори всё, не томи, килька ты говорящая.

— После взрыва бомбы волшебная сила перешла ко всем потомкам той золотой рыбки.

— Ну и... — непонимающе захолоп глазами потенциальный чудесопользователь.

— Пропорционально количеству этих потомков, — прошептала бы рыбка, если бы могла шептать, — а так как потомков этих немало, то мне досталось немного, и большая часть доставшейся мне доли пошла на способность говорить, так что на остаток могу сотворить тебе в лучшем случае мышку для компьютера или пульта ДУ для телевизора.

На неудавшегося Ивана-царевича жалко было смотреть. Так, наверно, выглядел бы Алладин, у которого из лампы при очередном потирании вместо джина вылезла бы какая-нибудь ящерка и, вильнув хвостиком, смылась в неизвестном направлении.

— И что же мне делать?

— Думай, Ваня, думай, ты же homo разумный, голова у тебя не только шапку носить.

И Ваня крепко задумался.

На новой иномарке к своему коттеджу подъехал И.И. Иванов (творческий псевдоним, Александр Натанович Голдфишев), артист оригинального жанра, единственного в мире — «Говорящая рыба». Бодро пройдясь по большой гостиной, мимо крутого компьютера и современной домашнего видеотеатра, остановился около литров этак на 2000 аквариума, где в зарослях экзотических водорослей задумчиво пошевельвала плавниками золотая кормилица и полица. Покормив родимую дорогим живым кормом и приветливо помахав ей рукой, отправился А.Н. Голдфишев (в девичестве Иванов) на второй этаж отдыхать от трудов праведных.

А желаньница? А что желаньница? Может, пригодятся ещё когда. Мышка там для компа срочно понадобится или ещё что. Запас — он ведь карман не тянет.

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Память металла

2005 год, где-то в западной Европе.

Красный экскурсионный автобус пыхтел, петляя по идеально ровным европейским дорогам. Большинство пассажиров спали после перелёта и утомительной таможенной мороки. Только двое на первом сиденье перешёптывались:

— Вы уже бывали раньше где-нибудь за границей? — спрашивала у своего соседа молодая, симпатичная девушка с весёлыми, светлыми кудряшками.

— Когда мне, — пожал плечами молодой, крепкий, широкоплечий парень с коротко остриженной головой. — Я все служил: то так, то по контракту.

— А сейчас? Контракт кончился?

— Один кончился, хотел уже подписать новый, да получил боевые, и Ванька уговорил сразу их потратить. «Езжай, — говорит, — посмотри, как нормальные люди живут».

— Ваш друг — агент турфирмы?

— Мой друг — пацифист! Всё пытается убедить меня бросить военную службу.

— И что, ему это удаётся? — лукаво сощурилась девушка.

— Какой там! — поморщился парень. — Сам не понимаю, зачем согласился шастать по музеям. Уж лучше бы сидел в расположении части. Всё просто и понятно.

— Рано делать выводы, — напомнила блондинка. — Мы ещё ни в одном музее не были! Вот доберёмся до замка, побродим среди древних камней, может, что и изменится!

— Кое-какие перемены просто не могут ждать так долго, — улыбнулся контрактник. — Нам с вами срочно нужно познакомиться! Меня зовут Андрей.

— Лена, — кокетливо улыбнулась девушка.

Каменные стены очень-очень старого средневекового замка не произвели на Андрея никакого впечатления:

— Развалины как развалины.

Внутри он и вовсе идти не хотел, нимало не интересуясь суровым бытом рыцарских времён. Ему хотелось только добраться до гостиницы и завалиться спать. Андрей равнодушно наблюдал, как экскурсовод тыкала указкой в большие, тёмные картины, затейливые канделябры, восхищённо указывала на нелепые железные доспехи. Женщина хорошо говорила по-русски, но туриста мало занимал её рассказ. Он маялся от скуки, контрактник даже постучал по круглому шлему одного из уморительно маленьких рыцарей. Гулкое эхо отозвалось под сводами высоченного потолка. Кольчужная перчатка железного вояки опиралась на непомерно длинный меч.

Андрей не удержался, взялся за рукоять, поднял тяжёлое старинное оружие. Холодная рукоять удивительно удобно легла в ладонь...

...Средневековое сражение было страшно. Через щель забрала огромное поле боя казалось зажатым в узкой шахте, кишашей людскими телами. Ряды уже давно смешались, и воины разных стран, сошедшиеся в рукопашной, были неотличимы друг от друга. Только кое-где над людской массой гордо возвышались яркие полотнища знамен. Вокруг всё было коричневым от крови и грязи, и серым в цвете стали доспехов и клинков.

Закованный в железные доспехи рыцарь привстал на стременах, широко замахнулся мечом, едва успел заметить вражеского лучника, вставшего на одно ко-

лено и метившего снизу точно в открытое забрало. Рыцарь резко натянул поводья, поднял коня на дыбы. Защитив всадника, животное дрогнуло всем телом и осело на задние ноги...

Рыцарь стал стремительно падать на-

Рисунок Олеси ГОЛОВИЧЕВА

зад, вскинул руки, пытаюсь удержать равновесие. Перед глазами скользнуло низкое, серое осеннее небо. Он со всего маху грянулся о землю. Под голову попал большой камень, и жёсткий шлем не смягчил удар. Белый свет померк...

...Андрей даже головой потряс. Примеряется же такое! Кони, доспехи, чушь какая! Он вернул меч на место. Приняв его движение за явный интерес, экскурсовод стала рассказывать:

— С этим оружием связана целая легенда. Местные жители нашли его в глубоком овраге после сильнейших ливней. Оставалось гадать, откуда там взялся этот меч, казалось, что владелец бросил его и уехал. Но такого просто быть не могло: исследование показало, что это оружие стоило целое состояние для средневекового человека.

— Неужели кому-то охота возиться со старыми железками? — недоверчиво ухмыльнулся парень.

— Если б никто этим не занимался, — резонно заметила Лена, любящая собственным отражением в старинном зеркале, — нам бы сейчас не на что было бы посмотреть.

— Вот горе-то. Я бы уж точно пережил отсутствие этой старой рухляди.

Экскурсовод обернулась к ним, прижала палец к губам:

— Тише, духи прошлого требуют уважения.

— За что их уважать? — тупо возмутился контрактник. — Их время давно прошло. Лучше бы привели нас в музей современных вооружений.

— Современным оружием славится Россия, там и музеи, — обиделась экскурсовод, — а в нашем замке главное — история.

— Что от неё толку.

— Без истории нет будущего.

— На моё будущее ваша история повлиять не может, — самоуверено заявил

— Святые угодники, куда подевался мой бездельник-оруженосец?! Не господское это дело, самому облачаться в доспехи, — разорился он в крайнем возмущении.

Но оруженосца рядом не было, и в первый раз в жизни граф Роббер вынужден был сам бороться с доспехами. Единственная светлая мысль мелькнула в его голове: рыцарь припомнил огромные, громоздкие доспехи своего сеньора. Облачаться ему помогали трое слуг, а самостоятельно в полном облачении он не мог ни быстро пройти по двору, ни сесть на

парень.

...Экскурсия потянулась в другие залы, петляла между столов, комодов и резных сундуков. Андрей откровенно скучал. Когда на обратном пути вновь проходил мимо старых доспехов, из пустого озорства снова взялся за меч, поднял над головой и...

...Пришёл в себя от жуткого холода. По краям забрала бахромой белел иней. Попытка повернуть голову отозвалась тошнотой и дикой болью. Нечеловеческим усилием поднял руку, чтоб снять шлем. Свежий, холодный воздух хлынул в грудь, придал новых сил. Тогда только осознал, что окружающая темнота — это просто наступившая ночь.

На чёрном небе мерцали редкие мелкие звезды, над полем битвы опустилась мёртвая, тревожная тишина. Уже не было слышно ни победных криков, ни стонов раненых. Насытившиеся чёрные падальщики не дрались и не каркали. Рыцарь попытался встать на ноги, тяжёлые, неудобные доспехи мешали каждому движению. Он раздражённо отстегивал замочки, расшнуровывал, отвязывал: налокотники, наручни, наколенники, отбрасывал их от себя. Каждое такое движение приносило облегчение. Рыцарь долго возился с широкой старинной кирасой, закрывавший его грудь и спину.

лошадь.

— Ему бы сейчас пришлось куда хуже, — зло усмехнулся рыцарь. — Лежал бы здесь, как толстый жук, пока слуги не привезли бы специальную подъемную машину, чтоб поставить его вертикально.

Злорадствовать было тем приятней, чем меньше железа сковывало его тело. Чтоб согреться, Роббер подпрыгивал, приседал и размахивал руками. Порадовался, что под доспехами носил стёганый пурпуэн. Прямо поверх него надел кожаную перевязь с ножнами.

— Не видно ни зги! Хоть глаз выколи! — досадовал рыцарь. — А я в пылу боя и не смотрел, куда скакал. Куда теперь податься? Даже не знаю, кто победил.

В гудевшей голове мысли путались, но одно он понял весьма ясно:

— Кто бы ни одержал верх, дорогое снаряжение разбрасывать не стоит. Доспехи мне еще пригодятся.

Браня себя за недавнюю расточительность, рыцарь принялся в полной темноте собирать детали своих железных доспехов. На удивление первым ему попался злополучный шлем, который он так старался забросить подальше. Дорогущие наборные перчатки, закрывавшие руки, словно чешуя, состоявшая из сотни маленьких пластинок, соединённых подвижными клёпками — чудо искусства

оружейников — Роббер искал особенно тщательно, других таких не было во всём королевстве.

— Эх, сюда бы огня! Всё бы сразу нашлось, — сокрушался он. — До утра ждать нельзя, мародеры все растащат. Ну, куда же запропастился оруженосец?! Огниво осталося у него в сумке.

В это время из осенних туч выбралась круглая, желтая луна, залила землю своим неживым сиянием. Всё стало отлично видно, только тени залегли особенно чёрные. Роббер обвёл взглядом поле битвы, усеянное мёртвыми телами людей и лошадей. Воины лежали в неестественных позах, с отрубленными ногами, головами, руками. Совсем рядом с графом лежал тот самый сразивший его лучник, меч другого рыцаря рассек его от плеча надвое. На молодом лице убитого замер ужас, мёртвые глаза смотрели в небо, из открытого рта не успел вырваться последний крик.

Роббер не понимал тех восначальников, которых радовал вид поля битвы после сражения. Он не находил ничего величественного в чёрных вороньих стаях, жадно клюющих трупы. Кроме суетливых птиц он заметил в темноте ещё движение. Посмотрел в ту сторону, прямо в глаза ему глянули жёлтые огоньки волчьих глаз. Рядом возникли ещё и ещё. Хищники жадно бросились на свежую добычу. Рыцарь успел подобрать с земли меч, ударил им наотмашь прыгнувшего зверя. Острое лезвие отсекло волку голову, но за ним прыгнул второй, третий. Роббер размахивал оружием быстрее, чем во время сражения. Наконец, стая отступила, но хищники не разбежались, зорко следя за каждым движением рыцаря.

— Сейчас бы огня! Да куда же мог запропастился оруженосец?! — сокрушался он. — Найду — поколочу!

— Вот знал бы, не искал бы вас! — звонкий голос слуги звучал весело.

Высоко держа над головой рыжее пламя смоляного факела, круглощёкий, коренастый оруженосец графа пробирался к хозяину, осторожно перешагивая убитых.

— Слава Богу, вы живы, сеньор! А то я уже отправился искать ваш труп, — сообщил он со счастливой улыбкой на лице.

— А почему ночью? — удивился граф.

— Так я бы с удовольствием подождал до утра, но господин герцог отправил меня, убедив, что утром я не смогу вас опознать из-за падающих звезд.

— Ещё бы немного, и это стало бы правдой.

— Так всё-таки я вовремя! Не зря я повторял вам, что непременно пригожусь во время похода, — радовался оруженосец.

— Главное — теперь уйти отсюда. Уж слишком много развелось волков.

— Теперь они нам не страшны! Я захватил с собой ещё пару факелов.

— Тогда зажигай быстрее!

Волки сразу отступили от шипевшего, яркого света. Рыцарь вложил длинный меч в ножны. Пока он высоко держал пару факелов, оруженосец шарил по кустам, собирал разбросанные доспехи. Снял седло с убитого коня, завернул всё в широкую накидку с графскими гербами.

— Всё! — радостно сообщил он господину. — Можем возвращаться.

— Осталось только выяснить, в каком это направлении.

— Идём, я знаю.

Рыцарь и его оруженосец покинули поле битвы. Потрясенные светом хищники вернулись к своей страшной трапезе. Слуга, тащивший большой свёрток, шёл сзади, а граф гордо вышагивал впереди, зорко всматриваясь вокруг.

— Ты уверен, что мы идём правильно?! — наконец, спросил он у оруженосца. —

Кругом только лес и никаких деревень.

— Я точно запомнил дорогу до герцогского шатра, — заявил оруженосец, но в его голосе уже не было прежней уверенности, — вон, с того холма будет уже видно, надеюсь.

Они поднялись на невысокий, поросший одинокими деревьями и кустами холм. Рыцарь успел порадоваться, что на дворе уже поздняя осень и густая листва не скрывает окрестности. Действительно, с холма они разглядели впереди тусклый огонёк. Начинаясь хмурое утро медленно, словно неохотно, разгоняло ночную темноту. Роббер всматривался в серые рассветные сумерки.

— Это не могут быть огни нашего шатра, — задумчиво произнес рыцарь.

— Главное, это точно человеческое жильё.

— Всё равно странно, там нет даже дома, только большой сарай.

— Но там горит огонь, уверен, нам будут рады.

— Молись, чтоб это было так, — хму-

Рисунок Олеси ГОЛОВИЧЕВА.

рился рыцарь, — ты явно заблудился. Если там не рыцари, а простой люд, так даже лучше. Я сейчас не готов объясняться, где пропал всю ночь.

Стремительно спустившись с холма, найденная оруженосцем тропинка петляла у родника и снова взбиралась на каменную возвышенность. Неласковое осеннее солнце дарило безрадостный свет, путники поднимались на новую возвышенность, уныло глядя себе под ноги. На тронутый первым морозцем утоптанной земле рыцарь увидел тёмные подтеки.

— Похоже, будто с холма всю ночь лили что-то густое и темное, — задумчиво произнёс он.

— Это кровь, — буднично пояснил слуга, пыхтевший под грузом седла и доспехов.

— Откуда столько?! — ужаснулся Роббер.

Впереди, на вершине холма, путь рыцарю и оруженосцу преградил высокий, глухой забор.

— Не очень-то гостеприимное место.

Слуга, не особенно впечатлившийся наблюдениями графа, решительно постучал в ворота. Они не были заперты и легко поддались под его рукой. Путники вошли внутрь. Весь большой двор, лишенный обычных крестьянских орудий, был занят больными. Раненные, измученные солдаты сидели прямо на земле, прислонившись к забору, но больше лежали на жалких кучках соломы. Отовсюду неслись тяжкие стоны и подавленные ругательства, кое-как перевязанные, мно-

гие шептали слова молитв. Между ними тихие, словно тени, двигались серьёзные, скорбные монашки, подавали раненым воду, говорили слова утешения.

— Куда ты меня завёл? — брезгливо поморщился граф.

— Это же лазарет! После того, как рыцари шинкуют пехоту на мелкие кусочки, здесь солдат шивают заново, — объяснил хозяину оруженосец.

— Тогда нам здесь делать нечего!

Гордый рыцарь повернулся уже, чтобы уйти, но в это время одна из монашек обратилась к нему:

— Господин, идёмте со мной. Там срочно нужна ваша помощь! — в её голосе было мало почтительности и много требовательности.

Граф и сам удивился, почему позволил этой усталой женщине увлечь его за собой. Она повела рыцаря между стонавшими и метавшимися в беспомощности ранеными вглубь двора, где возвышалось большое, мощное строение — не то конюшня, не то сарай. Войдя в широкие ворота, явно предназначенные для гружёных телег, а не для пешеходов, брезгливый рыцарь готов был зажать нос, так силен был тяжёлый дух, поднимавшийся от кровавых ран и умерших тел.

— Я не знал, какое страшное место — лазарет, — поморщился Роббер.

— Вы правы, сударь. Лазарет — место ужасное, — согласился с ним пожилой, невысокий мужчина.

Вся его одежда была густо запачкана кровью, а на длинном кожаном фартуке, как у мясников, и вовсе не было чистого кусочка. Лицо незнакомца избороздили глубокие морщины. Голос его звучал глухо и устало.

— Второй день на ногах, — пожаловался лекарь, — и ночью не присел ни на мгновение. После таких сражений всегда так много страждущих.

Рыцарю невольно припомнилось, как легко и бездумно он наносил направо и налево смертоносные удары своим верным мечом.

— Да, да, — словно подслушал его мысли лекарь, — а потом все, кто чудом остался жив, попадают сюда, ко мне. Правда, многие умирают уже здесь, умирают в страшных муках.

— Так чем же вам могу помочь я? — спросил Роббер.

На душе у него было скверно, он ещё не смог бы объяснить этого чувства, но то, что он творил ради сражения, ради победы, постепенно становилось ему неприятно. Душу наполняло неведомое прежде чувство стыда.

— Вы только скажите, я рад буду помочь, — подавленно произнес рыцарь.

— Не знаю, как и объяснить, — замылся старый доктор, — раны солдат на войне неизбежны, естественны. Взрослые мужчины знают, на что идут. Но... когда гибнут и страдают дети, это неправильно! Невыносимо!.. Идёмте!

Он потянул рыцаря за собой в дальний угол, наполненный ранеными солдатами. Там, на таком же, как у всех, соломенном ложе, лежало совсем маленькое детское тельце.

— Вот, — указал на него лекарь, — мальчик здесь уже вторую неделю, после прошлого сражения отступавшие бежали через его деревню. Ребёнок попал под горячую руку взбешённому поражением рыцарю. Тот размахивал «утренней звездой», такой булавой на цепи с острыми шипами. Да, вы-то знаете, — спохватился старик, и продолжил, торопясь, боясь, что граф не станет его слушать. — Изверг раздробил ребёнку запястье. От косточек осталось мелкое крошево. Я ничем не могу помочь, у него жуткое воспаление, он без сознания уже два дня, может начаться гангрена.

— А это страшно?

— Это смерть! — категорично произнес лекарь. — Единственный выход — ампутация. Но...

Он вдруг схватил рыцаря за руку и потащил за собой в другой угол сарая, отделённый от остального помещения холщовым занавесом. Приподнял ткань, толкнул Роббера внутрь.

— Здесь мы и проводим ампутацию.

Рыцарь невольно попятился назад от узкого, высокого стола, потемневшего от крови. А доктор указал ему на ещё один маленький столик.

— А это наши инструменты.

Лежавшие там крючья, щипцы и ножи показали лекарь инструменты для пыток. Доктор взял со столика пилу с мелкими зубцами.

— Вот этим я отпиливаю руки и ноги.

Пила уже затупилась, процедура эта небывшая и мучительная. Я не раз видел, как взрослые и сильные мужчины не выдерживали такой боли. Ребёнок не перенесёт ампутации, умрёт на столе.

— Но что могу сделать я?! — ужаснулся рыцарь.

— Ваш меч в сто раз острее...

— А вы сумеете справиться с ним?!

— Не я... вам придётся...

Рыцарь не сводил глаз с мальчика. Кроха лет пяти, синевато-бледный, еле дышал. Светлые локоны прилипли к потному лобку, крохотные пальчики сжимали одеяло.

— Нет, я не смогу!

Лекарь приподнял одеяло, показал Робберу большую руку ребёнка, распухшую, фиолетово-синюю.

— Отрубив кисть, вы спасёте ему жизнь, — твердо сказал доктор.

И граф решил. Привычное оружие показалось ему тяжёлым. Рыцарь точно опустил острую сталь на место, которое указал решительный лекарь. И сразу же вышел из страшного сарая. В дверях к нему подскочил оруженосец. Спросил подобострастно:

— Чего прикажете?!

Роббер глянул на него строго, велел:

— Как только разрешит доктор, отвезишь мальчугана в мой замок.

— Но, каким образом?

— Наймёшь в деревне пару дюжих парней, пусть сколотят хорошие носилки, и отнесёте ребёнка, здесь недалеко. И чтоб пылинки с него сдували. Всё, ступай!

— А вы?

— Я тоже прибуду в замок.

— Что же я скажу герцогу? — обескуражено протянул оруженосец.

— Передай его светлости, что я ухожу, и никогда больше не буду убивать для него.

Горестно вздохнув, слуга отправился в одну сторону, а граф решительно пошёл в другую. Роббер торопился, шёл, не разбирая дороги, спешил убежать от нависших кровавых воспоминаний. Он остановился только на краю крутого обрыва. Внизу бежала полноводная и шумная река. Рыцарь перекрестился, вынул из ножен свой верный клинок, вытянул руку, поднял над обрывом и разжал пальцы. Срезав несколько голых веток, меч упал в реку и мгновенно пропал в её водах. Роббер проводил его взглядом, прошептал вслед:

— Прощай, босвой спутник. И да простит меня Бог за всё, что я сотворил...

...Андрей очнулся от громкого звона оружия, упавшего на каменные плиты.

— Вы что! — взвизгнула экскурсовод.

— С экспонатами нельзя так обращаться! Поднимите сейчас же!

— Нет! — отрезал бывший рыцарь. — Я больше никогда не возьму в руки оружие, ни старинное, ни современное! И да простит меня Бог за всё, что я сотворил!

Александра ПОРОШИНА

Приворот

Все действие должно было произойти на высокой горе, вполне справедливо именуемой местной деревушкой горой смерти. Нет, случайно забредшие путники здесь не умирали (ну, только чрезмерно впечатлительные) — сюда перебирались уже мертвыми.

Погодка подвела. Дождь безжалостно размазывал по лицу остатки черной туши, а ветер так и норовил сдуть нашу окаменевшую компанию (по совместительству магов-неудачников) куда подальше.

Машка, будто исполняя модный танец коренного населения Америки, перепрыгивала с ноги на ногу с толстой черной свечой в руках. Иринка стояла по другую сторону могилы с таким же мрачным атрибутом. Светка стояла смиренно. Столбиком. И сквозь стиснутые зубы доказывала свои превосходные познания в области русского языка с обильным использованием ненормативной лексики.

Я же находилась прямо перед завстным мраморным камнем с высеченным на нем портретом молодого человека и красивой надписью: «Комедия завершена, но не спешите ко мне за кулисы».

Заледневшие руки уже отваливались. Да, погода сильно подвела. Нам еще предстояло зажечь свечи и постараться сделать так, чтобы подлый ветрина не затушил их до конца сеанса. Однако зажигалка в моих руках уже испустила дух. Оба больших пальца поцарапаны. И не только у меня. Спички кончились. Осталось, наверное, лишь произнести заклинание на вызов молнии. Вообще, я не самоубийца, и в данный момент приступа суицида, как назло, ни у кого из присутствующих не было. Поэтому идея с молнией быстро отменялась.

Я нервно пошарила в кармане пальто и с удивлением обнаружила там еще одну зажигалку. Что ж, на тебя вся надежда.

До двенадцати оставалась четверть часа. Если я за это время не зажгу четыре массивных свечки, то следующий раз получится лишь через полгода.

Пока израненные пальцы спешно чиркали, я ударились в воспоминания.

Восемь месяцев назад. Безответная любовь. Такая высокая, симпатичная и... туповатая. Что ж, чего-то же создатель должен был лишиться. Его — обделил интеллектом. Меня — видно, тоже, раз влюбилась в дегенерата. Ну, хоть в одной вещи мы были схожи. В общем, ежедневные слезы, не прекращающиеся даже во сне, шоколад в неограниченных количествах и, как ни странно, спортзал, чтоб все съеденное за сутки не превращало несчастную меня в бес-

форменную массу.

А он... импотент несчастный, не обращал на меня никакого внимания. Вскоре (а точнее спустя около двух лет бессмысленных попыток) мне все надоело. Нет, мысли о нем остались в голове, но к ним присоединилась одна совсем уж безумная. Захотелось сделать приворот. И не простой (типа «Втюрься в меня, раб божий, не ешь, не пей, не спи, сохни по мне да не сохни совсем, глючь, мечтай и, в общем, приходи»), а самый настоящий! Вот так я и связалась с магией. И подружек за собой потащила... Сначала мы направились к гадалке.

Темноволосая женщина в приличном возрасте с кривыми, давно нечищены-

ми зубами и противной улыбкой встретила меня, как родную.

— Заходи, — говорит и крепко обнимает, — дитя мое. Вижу, порча на тебе. Подруга тебя подвела лучшая. Парня у тебя отбила.

— Простите, Импотенция — это не моя подруга, — объясняю я.

Гадалка озадачилась.

— Мы и это лечим, — тихо сказала она.

— Но я еще не определилась, что конкретно мешает ему, — я задумалась. — Может, это и не импотенция вовсе, а нетрадиционная ориентация...

Женщина, гремя монетками на длинной юбке, дошла до соседнего столика, схватила стакан с прозрачной жидкостью и сразу же его осушила.

— Безответная любовь, значит, — вдруг смекнула она.

— Именно так, бабуся. Мне нужно что-то, чтобы это неприятное обстоятельство исправить... Я понятно объясняюсь? Сколько?

Старушка наклонилась к моему уху

и назвала цену. У меня чуть челюсть не отпала. Я схватила второй стакан с прозрачной жидкостью и разом хапнула. Выходит, учиться мне нужно месяцев десять без всяких затрат, чтобы стипендию скопить на это дело.

— Это серьезный приворот! — восклицает гадалка. — Он может натворить бед! Выбирай, дитя. Это я еще и принизила цену.

— Знаю я, как вы цены принижаете! Я подумаю.

Думать было нечего. Денег нет. А учиться десять месяцев (вместо оставшихся трех) неохота. Пойду к другой гадалке!

Другая, сообразив, что собственно от нее требуется, сразу послала подальше. Они, наверное, сговорились! И я, поняв данный прискорбный момент, обиделась и пошла на крайние меры. Зашла в гости к третьей гадалке. И пока та, повернувшись ко мне своим шикарным, увешанным звенящими монетками, задним местом, рылась в картах, я, повернувшись к ней тем же местом, замылила первую попавшуюся магическую книгу. Потом

прилежно выслушала заезженный монолог о том, что на мне большая порча, и бегом отправилась домой.

Тем не менее, открыв заветный фолиант, я вспомнила всё красочное разнообразие российской нецензуры. Оказалось, что страницы исписаны странными закорючками, никак мне не напоминающими русский язык. НО! Интернет — места великая вещь. Я ударились в кропотливые поиски, которые, к счастью, навели на давно вымерший язык — латынь.

Правда книжечка выходила страниц на тысячу, но... чего у меня действительно в избытке, — так это времени. Жаль, что в тот самый час не оказалось рядом много человека, который посоветовал бы отнести книгу к тому, кто знает этот язык. И я начала переводить сама.

Спустя два месяца тяжелейших рысканий в глубинах языка древних римлян, я нашла нужный приворот. Для ритуала требовалось почему-то четыре человека. Женщины. Мне суждено было стоять перед надгробным камнем (любим, какой больше понравится) с черной свечой в руках и наизусть читать древнее заклинание, а подругам в этот момент — важно рассказывать

Рисунок Ольга ГОЛОВACHEVA.

вокруг могилы с теми же свечками, рассыпая перед собой смесь различных трав, и в отдельные моменты вставляя латинское «Аминь». Все действие следовало проводить ночью. Вот мы и провели. Сделали все как нельзя точно.

А после ритуала, когда я в предвкушении счастья прибежала домой, меня (в моей же квартире) встретил неизвестный молодой человек. Он сидел на кухне за столом и пристально смотрел в глаза. Его суровая (и безумно красивая) физиономия говорила о том, что он не рад меня видеть. Я попыталась ответить на это своим взглядом (типа, раз не рад, катись отсюда), но неожиданно вспомнила один очень занимательный факт: этого молодого человека я видела нарисованным на надгробном камне...

После осознания произошедшего я не нашла ничего умнее, чем дружелюбно улыбнуться гостю и отважно хлопнуться в обморок.

В чувство меня привел неприятный запах нашатырного спирта, разлитого на полу. Оказывается, молодой человек, по нынешней своей природе будучи нематериальным, каким-то чудесным образом открыл дверцу шкафа и сдул оттуда бутылки с заветной жидкостью.

Когда я вновь узрела хмурый лик непрошенного гостя, появилось непреодолимое желание опять потерять сознание.

— Вот только не надо снова падать, — каким-то угрожающим тоном попросил парень.

На этом месте я взбесилась. Приходит тут, видите ли, какой-то мрачный, высокий, черноволосый и кареглазый красавец с отменной фигурой, без вопросов заседает в моей кухне, пачкает нашатырем мой красивый деревянный пол, смотрит на меня, как будто я его убила, и еще какие-то грубые советы дает. Хам!

— А вот возьму и упаду! — испуганно рывкнула я и вскочила на ноги. — Как тебе такой вариант развития событий?!

Незнакомец посмотрел в мою сторону со странной улыбкой.

— Ну.. если, конечно, хотите, падайте, сколько влезет. А я пока посижу тут и подожду, когда закончатся ваши припадочки.

Я выпучила глаза и со всей злостью начала фыркать в попытке отыскать хоть один достойный ответ. Когда поняла, что ничего у меня не выйдет, без сил опустилась на табурет.

— Что ты здесь делаешь?! — пискнула я.

— Вы меня вызвали, — невозмутимо ответил он. — Кстати, меня Марк зовут.

— Да плевать мне, как тебя зовут! — тихо призналась я, после чего опять сорвалась на вопль. — Что, не видишь, что я до сих пор под впечатлением?! И никого я не звала! Он мне тут еще врать будет?! Какого черта приперся, и почему твой портрет на надгробном камне очутился?! И вообще, с какой целью ты мне пол вымазал?! А ну-ка тряпку в зубы и за дело! И даже не говори мне, что ты гость, поэтому тебе не положено пол мыть, — все равно будешь мыть, понятно?!

Он, как настоящий джентльмен, подождет, пока дама выскажет все наблевшие грубости, после чего предложил выпить чаю. Я согласилась.

— Правда, я уже давно ничего не пью, — признался он. — Мне, знаете ли, это не нужно. Так что, угощаться вам придется самой.

— Да ты — сама галантность! — произнесла я, включая чайник.

Спустя час мирной беседы (точнее был в основном мой истеричный монолог), я поняла, что в латынь мне больше лезть не следует. Допустив несколько

ошибок в переводе, я выбрала не приговор, а заклинание на вызов покойного, который, не по своей воле спустившись с небес, должен исполнить заветное желание своего «вызывателя». После выяснения правды до меня, наконец, дошло, почему этот тип так мрачно пялился в мою сторону. Я бы тоже не благодарилась за то, что из рая на землю вернули.

Когда покойный Марк узнал, что ему нужно влюбить в меня какого-то парня, мне показалось, что он засветился красным цветом, а из ноздрей пошел пар. Но делать нечего — придется исполнять. Ведь только это вернет его обратно.

— Я надеюсь, что это не какая-нибудь супер-звезда с экрана телевизора? — парень посмотрел на меня жалобными глазами.

— Нет, это обычный слепой идиот, — пояснила я.

— Так, может, в таком случае его сначала к окулисту сводим? — невесело предложил Марк.

— Ты такой юморист. А, может, я тебя себе оставлю? До конца дней?

С этого момента началось настоящее веселье.

Мой возлюбленный Сережка (или как я ласково его называла — козел, дурак, болван и просто гад) учился со мной в одном институте. Так что видела его я каждый день. Это очень странное создание. Подруги с самого начала твердили мне, что выбрала я, мягко говоря, не того. Да, симпатичный, да, фигура хорошая, пусть даже блондин (они почему-то недолюбливали блондинов), но он же на девушек практически не смотрит! А все потому, что перед глазами у него только монитор с бегающими внутри монстрами, которых нужно срочно убить, чтобы спасти Вселенную. Порой хотелось разбить его вездесущий ноутбук, дать ему в ухо, чтоб мозг вправить, снять очки и плюнуть в глаз, но коварная любовь не позволяла совершать подобные поступки.

В общем, мой личный призрак Марку пустил все свое (пусть и скудное) воображение, а также силы на привораживание блондинистого ботаника.

Первой хорошей идеей он посчитал присниться Сережке во сне и рассказать о том, какая я замечательная. Если бы я только сама это видела, то прекратила бы все немедленно. Оказалось, что бедняга увидел во сне вот этого сумрачного типа. В черном балахоне и с косою в руках. «А ну люби ее! — повелевал он. — Она болтливая, но хорошая! Люби, я сказал! А то быстро к праотцам отправишься, скотина тупая!» Несчастная жертва сновидения на следующий день в институте появилась в очень бледном цвете и с трясущимися конечностями. Он опасливо поглядывал в мою сторону и начал избегать даже взглядов.

Следующий пробный шаг оказался небольшой помехой в сокровенной игре. Теперь напарником главного героя оказалась девушка, удивительно похожая на меня. Она постоянно говорила о том, как сильно любит героя, защищающего мир от ночных тварей, а также часто задавалась вопросом: «Ну, ты женишься на мне собираешься, или мне заложить монстрам твоё местоположение?» Сережка был в ауте.

Потом Марк сотворил нечто, с помощью которого мое милое лицо мерещилось суженному во всех отражающих предметах. До меня только потом дошло, что Сережа отныне видит меня даже в воде, плескающейся в унитазе.

Так прошла неделя. Я слегла с наибольшим недомоганием из-за осознания того, что благодаря подобным по-

пыткам заветная цель с высокой скоростью отдаляется. Мой бесплотный сосед по квартире по вечерам смотрел телевизор в попытке вызвать вдохновение. Искал он его почему-то в фильмах ужасов.

— А может, ему случайно разрезать вены, а ты вломишься, как спасительница, и залечишь раны?.. Если, конечно, успеешь? Как тебе, а?

— Ага, или столкнуть его с огромной скалы, а я типа случайно подложу на землю матрас, — поддерживала обессиленную я.

— Знаешь, а в тебе что-то есть... — серьезно подумав, сообщил призрак.

В итоге, на два дня он устроил себе каникулы, после которых с новыми силами принялся за черное дело. Создал мой фантом, который преследовал несчастного везде, даже в туалете. Вообще, если бы таким же образом доставали меня, я бы, пожалуй, не задумываясь, свихнулась. А Сережка держался! Правда, уже не так уверенно, но держался. Молодец! Хотя... что это я? Скотина! Как ты можешь? Его уже полторы недели преследуют мои призраки, а он влюбиться не хочет. Говорила же — гей!

Спустя еще три недели попыток Марк устало опустился в кресло и сказал, что лучше будет жить со мной (такой горластой, вредной, наглой и почти не умеющей готовить смертной) до конца моих дней, чем совершит еще хоть что-нибудь для осуществления поставленной цели. Я, как ни странно, не расстроилась, просто сил не было. Я легко откупорила одну из четырех бутылочек виски, оставшихся с новогодних праздников, и предложила выпить с горя. Призрак с удовольствием согласился.

— Ты же говорил, что не можешь пить! — напомнила я.

— Я говорю, что давно не пил. Но пить по-прежнему могу.

Я так и не поняла, как в бесплотное тело вливалась алкогольная жидкость, но пить с ним было весело. Он рассказал немного о своей земной жизни и о причине смерти в двадцать девять лет. Оказалось, что его уколошила возлюбленная жена, которая в обожаемую курятину заботливо добавила лошадиную дозу яда. Выяснить все обстоятельства на месте он, конечно же, не успел. Но потом узнал о них сверху. Получилось так, что дражайшая супруга, нарушив седьмую заповедь (о прелюбодеянии), положила глаз (и не только) на лучшего друга мужа своего. Друг вовсе не был против. В результате, они решают хлопнуть помеху к совместному счастью (Марка, то есть). Но Лилечка (супруга), как выяснилось, не подозревала о большой страсти своего нового суженого к спиртному. И через три года она травит и второго мужа, после чего благополучно отправляется в тюрьму. Печально. А ведь Марк ее очень любил. И друга любил.

— Так ты мученик, получается? — спрашиваю я, прежде чем погрузиться в сон.

С утра меня разбудил звонок в дверь. Оторвав голову от подушки, я взвыла — полуночная пьянка в компании умершего десять лет назад парня не дала о себе забыть.

Я медленно прошлепала до двери и глянула в глазок. На лестничной площадке стоял Сережка. Я протерла глаза и еще раз глянула. Потом сбегала в кухню, быстро глотнула рассола и, перекрестившись, открыла дверь.

— Привет, — застенчиво произнес объект моей двухлетней страсти. — Извини, что так рано. Я решил проводить тебя до института. Все равно нам по пути.

Я вытаращила глаза.

— А откуда ты мой адрес знаешь? — прохрипела я.

Мой дорогой опустил наивные глазки и покраснел.

— Он мне во сне приснился. Раз десять.

Я довольно гоготнула и пригласила гостя в квартиру.

— Проходи на кухню. Я сейчас, быстро помоюсь, оденусь, и пойдём! — крикнула я, скрываясь за дверью ванной комнаты. — Можешь себе чаю сделать, печенье на столе лежит.

С тупой улыбкой я напялила на себя любимую черную кофточку и не менее любимые джинсы и предстала перед Сережей во всей красе.

— Ну, как? — спрашиваю.

— Супер! — восклицает он.

— А где же твой ноутбук?

— Сегодня ночью он сдох, — разочарованно протянул парень. — Что-то в этом странное было...

— Что же? — я насторожилась.

— Мне приснился какой-то мужик, который уже три недели снится, и мрачно сказал «Хана твоему компьютеру! Достал ты меня уже!»

У меня начал вырываться приступ яростного смеха, и я, пытаясь его сдерживать, случайно начала хрюкать.

— Я серьезно! — обиженно воскликнул Сережа. — Здесь какая-то нечистая сила. Ты мне веришь?

— Верю.

Я подошла к возлюбленному и погладила его по голове. А он посмотрел на меня таким обожающим взглядом, что я чуть не задохнулась, не веря своему счастью.

Выходя из квартиры, я обнаружила заметно погрузневшего Марку у окна. Он пытался радостно улыбнуться, но улыбка выходила полной отчаяния.

Я замешкалась в дверях, потом попрощалась Сережу подождать меня у лифта.

— Значит, ты уходишь?

— Да. Получается, я все-таки выполнил твоё желание.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — он усмехнулся, начиная растворяться в воздухе. — Только больше не лезь в магию. А ту книгу я сжег...

Спустя месяц с Сережей я рассталась. Сама. И дело было не в том, что я потеряла интерес после того, как получила желаемое. Просто поняла, что в моей жизни появился другой. Тот, кто действительно меня ценил. Кому не нужно было показывать смерть с косою или фантомов, чтоб обратить на меня внимание. Да. Тот, кто умер десять лет назад. И все же... снова страдать я вовсе не собиралась. Ведь с помощью Марка я наконец-то поняла, кто я такая и чего заслуживаю...

Кроме того, тот самый ритуал (который я по ошибке совершила), можно проводить лишь два раза в год (весной или осенью), а сейчас как раз подоспел нужный месяц.

Он сжег книгу! Ха! Меня так просто не проведешь! Я ведь выучила все нужные слова! И все действия я прекрасно помню.

— Ты зажгла ее!!! — радостно завила Иринка, тыкая пальцем в зажженную черную свечку и выводя меня из воспоминаний, пронесшихся в несколько секунд.

— Так, девочки, по местам! — командовала я. — Теперь все получится!

«В лепешку разобьешься, милый Марк, — подумала я, попутно произнося заклинание, — а исполнишь мое желание: Живи!»

г. Новокузнецк.

Людмила ТАНКОВА

Человек, пьющий воздух

Уже две луны шел дождь. Оголодавшие люди племени Чу понуро сидели по своим углам громадной пещеры.

Там, за её пределами, в большом мире разверзлись хляби небесные, низвергая на размокшую землю все новые и новые потоки. По склонам горы неслись целые реки. Не самая большая из них, срывалась с обрыва, прямо над входом в каменное жилище людей. Плотные струи с маху хлестались на серый гранитный приступок, разбиваясь в смачные капли, затем, подпрыгнув от удара о земную твердь, устремлялись вниз по тропе, вытоптанной большими и маленькими ногами.

Вот потоки воды стали настолько плотными, что сквозь них можно было различать только размытые темное небо и полосу деревьев. Завеса дождя, падающая с вершины, отделила пещеру с людьми от остального мира.

Серые каменные своды пещеры, как и вся природа, истекли слезами, устраивая капель под крышей.

В отсыревших подстилках, из когда-то сухой травы и мха, копошились полчища паразитов, не давая покоя хозяевам этого угла. От вынужденного безделья женщины, то и дело почесываясь, выскивали кровососов из волос и бород своих мужчин.

Около самой стены рылась стайка детей, они отыскивали в груде старых костей полуразложившиеся кусочки мяса, хрящи и жилы.

В центре общественного жилища двое тщетно пытались сохранить пламя костра, единственную надежду на жизнь всего племени. Мокрые ветки чадили, шипели, грозя в любую секунду погаснуть.

По сырости и зловонию пещерного воздуха стелился едкий дым, вызывая кашель и нарастающее раздражение.

У подножья временного водопада кипел поток. Вот от него отделился маленький ручеек и нехотя стал пробивать себе дорогу в человеческое жилище, добавляя сырость и в без того мокрый мир.

Ручей, просочившись в пещеру, достиг кострища и стал накапливаться около него небольшим озерцом. Озерцо росло, грозя залить кострище. Люди около костра заволновались, ведь перенести слабое пламя на другое место невозможно: костер умрет.

Волнение костровых передалось и соседям. Одни из них повскакивали с мест, принялись вычерпывать озерцо. Подхватив в пригоршни воду, люди бежали к входу, выплескивая её в бушующий поток. Другие «помогали» им криками, подпрыгивая и подсакивая на месте.

В суতোлке и суматохе никто не заметил, что ручеек стал уменьшаться и, наконец, совсем иссяк.

Главный вожак племени Чу, Сильный Олень, обнаружив, что вода больше не угрожает костру, стукнул себя по груди с наброшенной на плечи шкурой оленя и рывкнул на соплеменников. Те нехотя разбрелись по своим углам, только у входа замешкался худенький парнишка. Присев на корточки, он что-то ковырял костью животного.

Придавив укусившую за бок блоху, Сильный Олень еще раз рыкнул, но ребенок не обратил на это никакого внимания. Рык вожака был обязателен для всех, и потому ярость заколотилась в большом сердце первобытного человека. От толчков сердца в грудную клетку, начала двигаться, словно живая, шерсть на шкуре

Оленя. Приземистая фигура стала навигаться на ослушника. Гневно схватив ребенка волосатой рукой, Сильный Олень глянул вниз и увидел, что ручеек, чуть не погасивший драгоценное пламя, перегороден камнями и глиной.

Присел вожак перед запрудой, поставил на землю тщедушного мальчика, осмотрел сооружение, потер рукой узкий скошенный лоб, огляделся. У стены сложены горкой камни, это на случай нападения хищников на племя. Сходил за ними, принес несколько и стал раскладывать...

Рисунок Людмилы ТАНКОВОЙ

Валик из камней протянулся вдоль всего входа, вожак выколупывал глину из пола и забивал ею пространство между обломками.

Поток воды, льющийся в большом мире, был перегороден запрудой и не мог больше затекать в пещеру.

Сильный Олень встал и полюбовался своей работой, поглядел на небо. Низкие серые тучи тащились прямо по верхушкам деревьев, из них потоком лилась вода. Вся земля была покрыта ручьями и ручейками.

Еще вчера до того, как ночь сменилась днем, ушли охотники за добычей. Снова сменилась ночь днем, но охотники не возвращались.

Сильный Олень сжал руки в кулаки. В племени начиналась вражда. То и дело вспыхивали ссоры из-за не обглоданной кости, из-за сухого места. Если вначале дождей охотники время от времени приносили добычу, женщины и дети набирали плодов и кореньев, то, после того, как разлилась большая река, наступило время бескормицы. Те, кто выходил в мир, либо возвращались с пустыми руками, либо пропадали бесследно.

В дальнем углу пещеры началась возня. Это дети что-то не поделили. Вожак метнулся к дерущейся ребятне, схватил двоих и бросил их в разные стороны. Третий неожиданно вцепился ему в бороду и с визгом начал колотиться о грудь. Такого не мог себе позволить ни один взрослый соплеменник. В ярости Сильный Олень сгреб тщедушное тело мальчиш-

ки, поднял и увидел, что это опять тот самый мальчишка, который построил запруду. Хотел поставить на пол, но ребенок пребольно стукнул его по носу. Боль ослепила, и вожак выкинул мальчика из пещеры. Повернулся к племени. Включенная борода стояла дыбом, глаза налились кровью и горели, как у раненого медведя. Шрам на руке от когтей тигра ушел под напрягшиеся мышцы.

Из глотки вожака вырвался звериный рык. Это остановило и успокоило разворошенный улей голодных людей. Сверкая глазами, но покоряясь, племя разбрелось по углам.

- Сильный Олень, - робко подошла к вожаку мать выброшенного ребенка, - разреши Еде Тигра вернуться в пещеру, он к костру не подойдет.

- Его давно должен был съесть тигр. Он слабый и не должен есть. - До-о-ождь! - раздался тоненький вопль мальчика около пещеры, - До-о-ождь!

Вожак обернулся и увидел, что Еда Тигра, маленький тщедушный ребенок с тонкими как трава ногами и руками, стоит на коленях среди водяных потоков. Вытянувшись вверх, он смотрит на тучи и кричит:

- До-о-ождь! До-о-ождь!..
Со шкуры кролика, накинутой на плечи, стекали ручьи, они соединялись с теми, что неслись по земле, и, казалось, потоки вот-вот унесут несчастного в мрак и неизвестность.

Люди, боясь гнева вожака и не смея подойти к входу, из своих углов тянули шею, чтобы увидеть, как погибнет отверженный. Мать несколько раз пыталась выскользнуть из пещеры и прийти на помощь сыну, но Сильный Олень ударом руки отбрасывал её внутрь.

Еда Тигра поднялся с коленей, протянул небу руки и продолжал кричать: «До-о-ождь! До-о-ождь!..»

За спиной вожака начался ропот, вой мальчишки приводил соплеменников к неповиновению. И Сильный Олень затылком чувствовал, как сзади нарастает опасность, с которой ему не справиться. Убийца Тигров давно смотрит косо и жаждет сойтись в смертельной схватке.

Выхватил взглядом место, где у него стояла дубинка — рядом! А вот палка с острым концом осталась около лежбища. Протянул руку к дубине, шагнул вперед, чтобы быть не досягаемым для прыжка соперника... и увидел, что дождь ослабевает, тучи посветлели, сквозь них заблестели кусочки неба. Вздох изумления вырвался из могучей груди.

Сильный Олень поднял руки к небу и, так же как мальчик, закричал: «До-о-ождь! До-о-ождь!..» Изумленные соплеменники начали подтягивать тихими голосами. Звук разрастался, заполнял пещеру. Сильный Олень вышел наружу под водяные потоки. Дождь становился все тише и тише. Вот уже и солнце засияло на мокрых ветках и листьях. Обласканная живительными лучами земля встряхнулась, и от нее вверх стала подниматься испарина.

Вожак приблизился к мальчику, тот испуганно съезжился и стал еще меньше. Рядом с громадным мужчиной ребенок казался листом дерева, сорванным во

время большого дождя.

Сильный Олень подхватил мальчика подмышки, подкинул к очищающимся небесам и показал племени: «Повелитель Дождя». Взрослые мужчины подходили к мальчику, хлопали его по груди и повторяли: «Повелитель Дождя».

Неожиданно закончившийся дождь, позволил людям выйти из пещеры и начать поиски пищи. Племя разбрелось по поляне, кто-то выкапывал корешки, кому и молодых горьковатых листьев было достаточно. Выбора не было, и Сильный Олень набивал рот всем, что попадется. Где-то рядом ломал кусты Убийца Тигров.

Чуткий слух вожака уловил чавканье от ног идущих по раскисшей земле. Шли люди, их было много. После дождя воздух усиливал звуки и далеко разносил их по округе.

- Чужаки, - крикнул Сильный Олень и повернул обратно к пещере.

Племя ринулось в каменное жилище, мужчины, вооружившись, заняли оборону. Колыхнулись дальние кусты, и на поляну вышли охотники. Двое несли на плечах, привязанную к толстой палке тушу кабана. Охотники очень устали. Они еле вытаскивали ноги из глины, но, увидев соплеменников, приободрились, под восторженные крики занесли добычу и положили её около костра.

...Пламя костра жарко лизало тушу на вертеле, который поворачивала Быстрые Ноги, это была женщина Сильного Оленя. Племя расселось вокруг костра, каждый норовил подвинуться поближе. Широкие ноздри ловили они сладкий запах печеного мяса, не отрывали взгляда от вертела. Нужна была только команда...

Но вожак молчал. Быстрые Ноги уже дважды пробовала готовность туши. Ей первой разрешалось взять себе кусок мяса. Она выразительно поглядела на своего мужчину, не решаясь без разрешения начать есть.

Племя зашумело. Сильный Олень поднялся со своего места, прошел к дальнему углу, где сидел, забывшись в угол, худенький мальчишка, сгреб его в охапку и принес к костру. Посадив рядом с собой, вожак сказал: «Начинай, Повелитель Дождя».

Мелко перебирая трясущимися тонкими ногами, мальчик, получивший новое имя, подошел к костру, ухватил ногу кабана и стал тянуть её к себе. Но справиться не мог, не хватило сил. Камни полетели в его сторону. Большие и сильные руки потянулись к туше, готовые разорвать в клочья. Злобный рык вожака заставил руки убраться. Засверкали яростно глаза... Озверевшие от голода и близкой пищи люди были готовы забыть про все и броситься к костру.

Повелитель Дождя иступленно тянул к себе ногу, слезы бессильно катились по его лицу. Кто-то отодвинул его, вывернул лучший кусок вместе с лопаткой и протянул ему. Мальчик поднял глаза — это был вожак.

С тех пор прошло десять сезонов дождей. Повелитель Дождя вырос, но сильнее не стал. Его маленькое тело не могло выдержать дальних переходов, во время охоты, а потому он оставался с женщинами. Пришло время становиться мужчиной, надо было уйти на охоту одному и принести добычу своей женщине. Дважды уходил Повелитель Дождя за добычей и дважды приходил ни с чем. Целыми днями он ходил вдалеке от пещеры, питался листьями и корнями, спал на ветках деревьев. К костру подойти не смел.

Как-то однажды попала ему в руки длинная, ровная ветка. Решил Повелитель Дождя сделать из неё копье, поднял камень, стал затачивать им остриё. Сорвался камень и резанул по пальцу, по-

текла кровь, но человек не замечал этого. Он осмотрел камень, из коры сделал плетенки, которыми привязал камень к ветке. Подержал в руке, размахнулся, чтобы бросить...

- Тигр, - закричали соплеменники, - тигр...

Это животное было самым опасным, потому что приходило неожиданно, а двигалось почти бесшумно. Вот и сегодня нападение было столь стремительным, что мужчины и женщины, бросившиеся врассыпную, не успевали забраться на дерево или достичь спасительной пещеры.

Тигр забавлялся. Ударом лапы переломив хребет бегущему человеку, он кинулся за другим, третьим... Поляна стала для животного ареной. Вот он погнался мужчиной с прокушенной ногой, легонько подталкивая его лапой. Сбил с ног и снова подтолкнул. Прилеп, делая вид, что не смотрит в его сторону, но как только жертва, хромя, поковыляла к пещере, зверь одним прыжком настиг несчастного и перебил хребет.

В этот момент тигр обнаружил стоящего за деревом человека, медленно пошел к нему, облизывая окровавленную морду. Розовый язык, испачканный темно-красным, легко скользил по рыжей шерсти, приглаживая усы. Казалось, он улыбается...

Заворожено смотрел Повелитель Дождя на убийцу и ждал смерти.

Вдруг большой камень ударил зверя по голове, тот рыкнул от неудовольствия, повернулся. Невдалеке под деревом стояла девушка, она снова замахнулась, чтобы метнуть камень. Это была смелая и отчаянная Белка, которая прибежала, чтобы спасти своего друга, слабого и беспомощного Повелителя Дождя. Разъяренный тигр, пригнув голову, готовился к нападению.

Белка подпрыгнула, ухватила за ветку дерева, чтобы вскарабкаться повыше, но сорвалась и упала на землю. Еще секунда, и хищник разорвет человека. Полосатое тело оттолкнулось от земли, словно свернутая пружина, распрыскалось... и, кувыркнувшись, рухнуло на землю. Из глотки животного торчала ветка, к которой Повелитель Дождя привязал тот самый острый камень.

Поверженный хищник еще хрипел, когда охотник выдернул из его шеи копьё. Задумчиво осмотрел камень, полоснул по брюху зверя. Острый край камня легко распорол шкуру...

Соплеменники робко выходили из своих убежищ, боязливо приближались к мертвому врагу. Они не смели прикоснуться к нему и заморожено смотрели, как Повелитель Дождя снимает с туши полосатую шкуру. Обливаясь потом, парень поднял трофей и понес его к соседнему дереву, где стояла Белка. Ноги подгибались от тяжести, но Повелитель Дождя не сдавался, хрипя от натуги, он медленно приближался к девушке. Бросил к её ногам шкуру, встал на колени и протянул вырванный коготь тигра.

Девушка приняла подарок, привязала коготь к веревочке на шею. Это значило, что отныне мальчик Повелитель Дождя становился мужчиной, и ему надлежало дать новое имя.

Вожак Красный Медведь подошел к туше зверя, поднял ветку с камнем, прицелился и метнул в дерево. Копье воткнулось в ствол. Камень прорезал древесину и прочно завяз в ней. Понадобилось приложить усилия, чтобы вынуть копьё.

Держа новое оружие на вытянутых руках, вожак приблизился к победителю.

- Острый Камень, - обратился он к родившемуся мужчине, - покажи, как это сделать, мы сможем охотиться и на тигров.

Волна счастья поднялась в худом и слабом теле. Острый Камень принял свое копьё и... вдруг стал подпрыгивать на одном месте, кружиться вокруг Белки,

раскачиваться из стороны в сторону.

- И-хо-хо! - вырывалось из его глотки. - Ай-хо-хо!

Засмеялась девушка и стала раскачиваться и подпрыгивать так же, как и её избраннык.

- И-хо-хо! - медленно тянула она. - Ай-хо-хо!

Победа над злейшим врагом радостью переклестнула племя. Кто как мог, стал раскачиваться, кружиться вокруг себя, подпрыгивать. Первый танец переместился в сторону поверженного врага. Круг становился все ровнее, а выкрики ритмичнее.

- И-хо-хо! Ай-хо-хо!

С этого дня Белка стала женщиной Острого Камня. Они заняли правую выемку в пещере. Основным делом для этого мужчины было изготовление копий. Он уходил в горы в поисках нужных камней.

Как-то возвращаясь к племени, услышал жалобное поскуливание. Раздвинул кусты, обнаружил щенка. Псы хоть и не были столь опасны как тигр, но доставляли массу неприятностей. Человек схватил булыжник, чтобы размоzzить голову маленькому врагу, но тот, переваливаясь на коротких лапках, подбежал к Острому Камню и лизнул ногу.

- Ладно, живи, но не встречайся мне на тропе, - сказал Острый Камень и поспешил вниз по склону.

Постояв немного, щенок побежал вслед за человеком.

- Куда ты, - попытался мужчина остановить малыша, - тебя же съедят.

Но маленький пес не отставал. Тогда Острый Камень поднял щенка и сунул под шкуру тигра. Усмехнулся про себя, слыша, как звереныш затихает в тепле.

- Ладно, будет игрушка сыну, а вырастет - съедим, - решил он и пошел дальше.

Щенок очень понравился Клыку, маленькому сынишке Белки и Острого Камня. Целыми днями ребенок и щенок бегали по пещере, а вечером вместе засыпали. Пес быстро рос, его зубы становились опасными для маленького человека, и Белка стала поговаривать о жарком из пса. Да и сам Острый Камень беспокоился не меньше. А тут еще наступила бескормица. Соплеменники косо поглядывали на подростка щенка. Если сегодня охотники не принесут добычу, значит пришло время пса.

Дети племени резвились на поляне около пещеры. Вдруг пес насторожился и принялся отчаянно лаять в сторону леса. Из-за деревьев выскочил кабан. Поляна мгновенно опустела. Клык бросился бежать вместе с другими, но споткнулся и упал. Животное ринулось к малышу... Но путь преградил яростно рычащий пес. Он вертко носился вокруг зверя, хватал за ноги, отбегал и снова бросался в атаку.

Белка, подхватив ребенка, кинулась в спасительную пещеру, но кабан сшиб с ног пса и рванул наперерез. Перевернувшись через голову, пес вскопчил и в три прыжка догнал зверя. С маху вцепившись в холку, повис на нем. За это время Белка с дитем успела скрыться в безопасном месте.

Удар копыя решил исход битвы. Это подоспел на выручку Острый Камень. Кабан бился, вращаясь вокруг проткнувшего его копыя, стараясь клыками поддеть того, кто удерживал смертоносную палку. Короткие, сильные ноги молотили по земле и по висящему на холке псу, так и не разжавшему челюсти.

Наконец, зверь затих. Мужчина выдернул из туши копьё, подошел к псу и погладил его по окровавленной голове.

- Живи, Друг, - сказал он.

К пещере шел невысокий человек, следом за ним ковылял на трех лапах пес, получивший имя и возможность стать

членом племени.

Однажды он увязался за Острым Камнем в горы. Пологий склон сплошь зарос невысокими деревьями. Вслушиваясь в опасную тишину леса, мужчина шел по знакомому пути. Пес то появлялся, то исчезал в кустарнике. Вот он выскочил на открытое место, насторожился, замер... Острый Камень поднял копьё, тихо выглянул из-за дерева.

На небольшой опушке паслись олени. Ближе всех к нему стояла молодая оленуха. Мужчина замахнулся, бросил копьё... Силы было маловато, и копьё только пробило шею оленухи. Испуганное стадо оленей понеслось по лесу, ломая кусты. Вслед за ними скрылось в чащобе и раненое животное.

Расстроенный Острый Камень опустился на землю, ему было до боли обидно за свою немощность. Из оцепенения вывел пес, он метался по опушке, опустив нос к земле, подбежал к человеку, жалобно тявкнул и снова кинулся в кусты.

Долго ли коротко они шли по следу раненой оленухи: пес впереди, человек следом. Зачем Острый Камень шел за псом, он и сам не знал. Уже и лес стал незнакомым, а они все шли.

Погибшая оленуха лежала около реки. Сюда люди племени еще не заходили. И как найти обратную дорогу человек не знал. Решил возвращаться по своим же следам. Отхватив от добычи небольшой кусок мяса, Острый Камень двинулся в обратный путь, делая копьём засечки на деревьях. Уже начинало смеркаться, и надо было искать убежище на ночь. Но пес бежал все быстрее и как будто тянул за собой хозяина.

В воздухе появился запах костра. Мужчина пошел быстрее, значит, пещера где-то рядом. Вот и знакомая тропа...

Весь вечер Острый Камень рассказывал соплеменникам о том, как пес вывел его на оленуху и привел домой. Люди шелкали языками, хлопали по загривку пса, бросали ему кости.

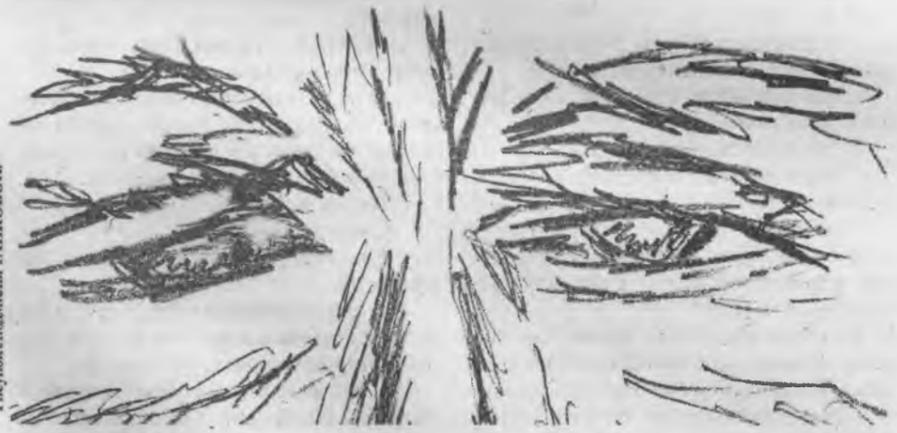

Рисунок Людмилы ТАНКОВОЙ.

...Весной Белка родила Острому Камню третьего сына. Старший Клык уже ходил с отцом в горы, чтобы принести камни для копий и ножей. Их неизменно сопровождал Друг. Не раз пес спасал их от неожиданного нападения хищников, помогал выследить и загнать добычу.

Вот и в этот раз мужчины уходили из пещеры, чтобы пополнить запасы. Они позвали с собой пса, но тот не пошел, сколько его ни звали. Виновато крутился под ногами у Острого Камня, отбегал и снова возвращался к пещере. Пришлось идти без него.

Набрав камней, отец и сын возвращались домой. Неожиданно тропу пересек след волка. Дальше следов становилось все больше. Люди бросились бежать, ведь нападение стаи волков всегда было дерзким и очень опасным для племени. Пылались крики и плач.

...По поляне тут и там лежали растерзанные тела. Страшная картина битвы. Дикая природа боролась

за существование на планете.

Острый Камень кинулся в пещеру, чтобы увидеть Белку. Пусто. У кострища увидел своего пса. Тот лежал бездыханный, сжав мертвой хваткой горло громадного волка. Попытка разжать челюсти Друга была бесполезной. Друг остался другом до последнего дыхания.

- Он был человеком, - сказали ему про пса.

- Где Белка?

- Она билась, как мужчина, - сказали ему и показали в сторону большого дерева.

Там у самого корня лежала растерзанная Белка. Мужчина поднял свою женщину, понес к скале. Он не хотел, чтобы звери изгрызли её тело, а потому завалил камнями. Холм камней становился все выше, но горе не становилось меньше.

Солнце почти село за горизонт.

Где-то рядом послышалось тихое тявканье. Мужчина пошарил рукой в темноте, и поднял на колени маленьких пушистых щенят.

- Это дети Друга, - сказал он.

Прямо перед ним сидела, слегка поскуливая, серая псина, она беспокоилась за детей своих.

- Не бойся, - сказал человек, - это теперь и мои дети.

Животное и человек смотрели в глаза друг другу.

- Моя женщина самая быстрая, - начал рассказывать о любимой Острый Камень, слова становились все протяжнее, они полились на растерзанную поляну нотами первой песни.

- Она могла бегать по веткам, как белка. Её волосы светлее дня, а глаза похожи на небо...

К скале поднялся вожак.

- Как ты это делаешь? - спросил Красный медведь.

- Я пью воздух, а он рождает Это.

- Пьющий Воздух, не умолкай, - попросил вожак.

И Пьющий Воздух снова запел:

- Мой Друг рос вместе с Клыком, они

играли и спали вместе. Друг ходил со мной на охоту, он помогал найти добычу...

Он все пел и пел. Соплеменники, подняв голову, слушали его песню, и по щекам у них текли слезы.

Прошло много сезонов дождей. Голова Пьющего Воздух стала белой, но каждый вечер он поднимался на скалу и пел о женщине с красивым именем Белка, о своем сыне, замечательном и смелом охотнике Смелое Копье, о великой любви Друга к людям. Люди племени Чу бросали свою работу и слушали песни.

Однажды певец не спустился к костру. Утром поднялось солнце, и вожак племени Смелое Копье поднялся на скалу. Он увидел высеченных на скале летящего оленя, подстреленного воинами племени, Белку, танцующую у костра, и пса, вступившего в смертельную схватку с волчьей стаей. У подножья скалы лежал маленький, слабый человек, который уже не дышал.

Самая трудная работа

По телевизору шла передача «Большие гонки». Команда России уверенно шла к победе. Этап с переодеванием спортсменов в большие костюмы животных Порфирию не нравился. «Ничего более серьезного придумать не могли, - ворчал он, собираясь на работу, - разве это большие костюмы? Ну, по крайней мере, вовсе не гигантские, так себе - костюм немного по росту».

Россияне пошли на старт. Порфирий прекратил собирать рюкзак, присел на краешек дивана и крепко сжал кулаки.

- Давай, давай, моя жирафушка, - подпрыгивая от напряжения, уговаривал он россиянку в костюме большого жирафа, - держись... беги... так, так... на круг... Да осторожнее ты, вот корова, упала все-таки. Вставай... Ах ты, моя красавица... молодец, дергай за веревочку... Да, дергай же... Ко-остю-юм ей мешает... Разве это костюм? Ты моего не носила... Ну... Ура!!! Молодец! Молодец! Вот умница, услышала меня, обошла всех... Так их, так...

Зазвонил мобильный телефон. Мужчина, еще весь в порыве болельщицкой страсти, машинально схватил трубку, поднес к уху, но не соединился с абонентом...

Мобильник снова зазвонил... В ухо ударила мощная волна звука и вывела Порфирия из игры. «Большие гонки» остались без своего самого тайного и горячего поклонника.

- Але, - недовольно пробурчал мужчина.

- Порфирий, - забасил в трубке голос, - мы не имеем права опаздывать ни на секунду. Ученые уже на трассе, через два часа будут в намеченной точке, может не успеть.

- Давай, в следующий раз? Чего их баловать, пусть еще поищут немного.

- Миссия требует действий, - отрезал голос в трубке.

- Такая сегодня игра... - попробовал разжалобить оппонента Порфирий.

- Я её тебе на диск запишу, после работы посмотришь.

- Это уже совсем не то.

- Так ведь игру все едино в записи показывают.

- Так-то оно так, - пыхтел болельщик, заталкивая в рюкзак старые, обглоданные кости животных, - а реквизит вы завезли на точку?

Мужчина явно тянул время. Ему хотелось увидеть, кто на «Горке» будет первым. Но голос в трубке был неумолим.

- Еще вчера завезли. Кстати, у тебя теперь более мобильная система. Сделали, наконец, телепатическое управление. Порфирий, у тебя три минуты, чтобы спуститься.

Вздыхнув с подвыванием, Порфирий нажал на кнопку пультя. Экран погас, пряча в темноте результаты очередного этапа «Больших гонок».

Уже сидя в машине, мужчина печально смотрел в окно.

«Надо же было родиться в такой семье. Почему я не родился у каких-нибудь земных учителей, врачей или сталеваров? Сейчас сидел бы на мягком диване и болел за любимую команду».

Учился бы, как все дети, в школе, институте, работал, скажем, шахтером. Жена, дети, воскресные лыжные прогулки...

Его размышления были прерваны радионовостями. Бодрый юношеский голос вещал в эфир о том, что в районе горы Высочайшая найдена пещера - предположительно жилище снежного

человека. «Гигантские и совершенно свежие следы вокруг пещеры, - захлебывался сообщением комментатор, - свидетельствуют о том, что снежный человек живет не в Динии, Шварцарии или Антрактиде, а именно у нас. Представьте, рядом с нами, буквально в сотне километров - неизвестное науке животное... - юноша помолчал и добавил мечтательно, - а может это наш собрат по разуму... Как бы то ни было, но ученые заинтересовались уникальной находкой, возможно, мы на пороге открытия века».

- Теперь народ сойдет с ума, - тихо проговорил Порфирий, - все ринутся в горы, истопчут все скалы, чтобы сфотографировать неизвестное науке...

Водитель рассмеялся и прибавил газу: «Всё хорошо, брат мой. Пусть жаждущие топчут тропы, ведь без мечты жить скучно. Йети для них - дух романтики. Есть он или нет - неважно, важно, есть кого искать».

- Какой уж тут дух романтики? О чем ты, Джон? - возмущенно проговорил невысокий пассажир с первого сидения.

Просто люди жаждут срубить болапо-легкому, вот и ломаются в пустую комнату. Лучшее бы исследовали проблему энергетического сырья. Ни тебе шахт, ни электростанций, ни энергетического кризиса.

- Василий, а ты дай людям технологию, пусть развиваются.

- Рано, - огорченно вздохнул Василий, - не готовы они к этой технологии. Вон развлекаются чем - ловят снежного человека с карабинами наперевес.

- Так уж и с карабинами.

- Сомневаешься?

- Как тебе сказать... Не то, чтобы очень, но...

- Да-а-а, слабоваты у них души, и нет желания познать мир с помощью головы. Чуть что хватаются за оружие.

- А мы лучше? - яростно вступил в разговор Порфирий. Он с силой пнул рюкзак с костями, лежащий под ногами. - Мы чем заняты?

- Наша семья слово дала, а его надо держать, - осадил его горячий пыл водитель, - эта миссия не до конца выполнена, и не нам её отменять.

- Эх, Порфирий, твоя работа, конечно, самая трудная, и ответственность на тебя возложена серьезная, но кроме тебя с ней никто не справится, ты единственный.

- Ладно уж, не надо мне льстить, я и сам понимаю, просто тошно делать эту работу. На душе гадко. Они все-таки люди...

В это время машина подкатила к развилке большака и старой, полузаброшенной дороги.

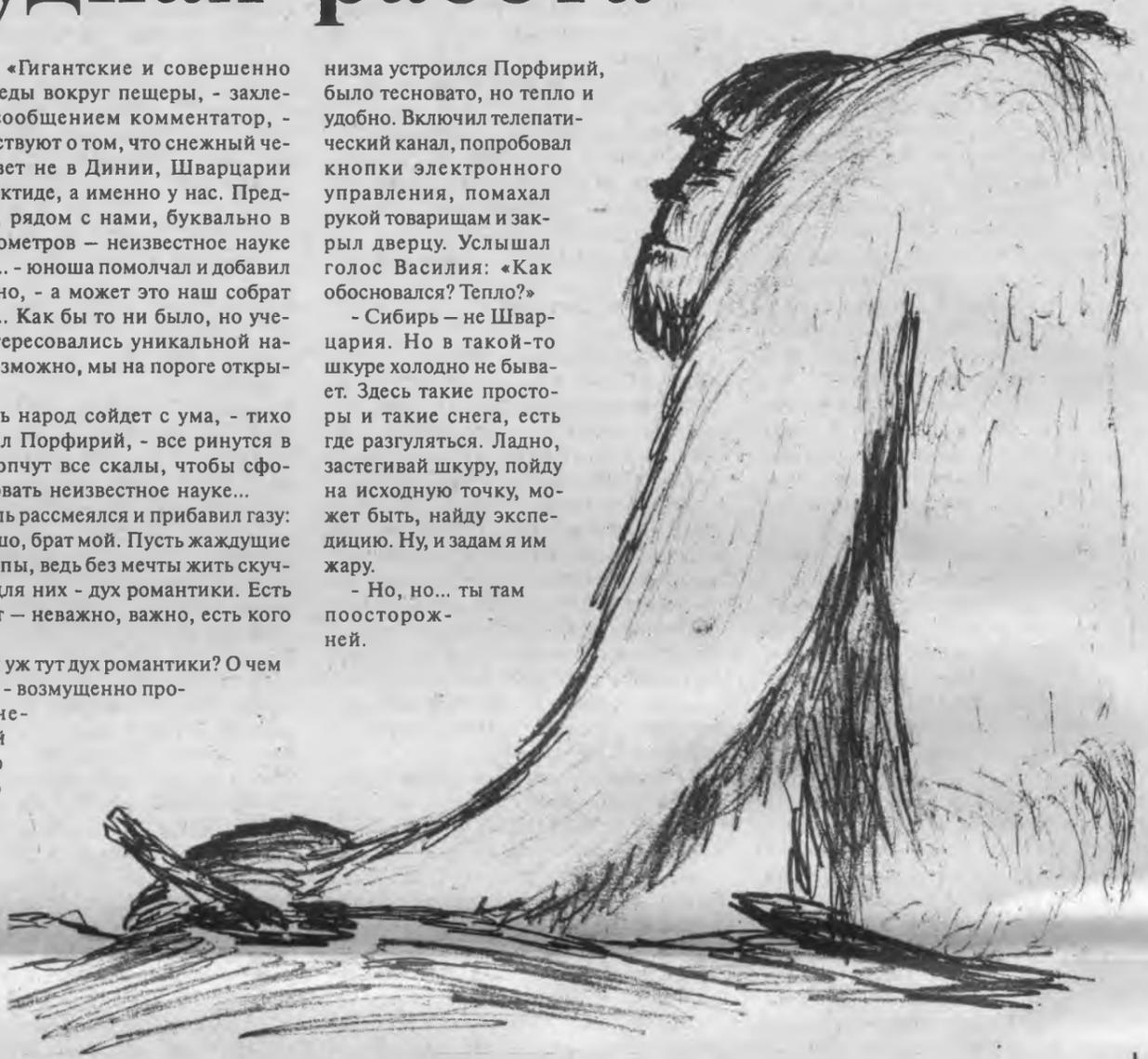
Подхватив рюкзак, Порфирий выбрался в мороз. Василий и Джон засуетились вокруг него.

Они вынули из багажника разобранный по запчастям механизм и принялись быстро его собирать. Внутри меха-

низма устроился Порфирий, было тесновато, но тепло и удобно. Включил телепатический канал, попробовал кнопки электронного управления, помахал рукой товарищам и закрыл дверь. Услышал голос Василия: «Как обосновался? Тепло?»

- Сибирь - не Шварцария. Но в такой-то шкуре холодно не бывает. Здесь такие просторы и такие снега, есть где разгуляться. Ладно, застегивай шкуру, пойду на исходную точку, может быть, найду экспедицию. Ну, и задам я им жару.

- Но, но... ты там поосторожней.

У тебя, конечно, броня... Однако, сибиряки, народ непредсказуемый, через одного - охотники... Ладно, трогай... Я буду сообщать тебе координаты. Кстати, не забудь кости разбросать во второй пещере. Костерок наши ребята уже там жгли.

Порфирий видел, как Джон старательно застегивает на механизме шкуру, Василий настраивает диапазон телепатического канала. Вздыхнул: действительно пора работу выполнять. Встал в манипуляторы телепатического управления, механизм ожил и пошел в унисон движениям Порфирия.

Шаг, другой... на свежем, ослепительно-белом снегу оставались громадные человеческие следы. Волосатая, трехметровая фигура, сгорбтившись, скрылась за деревьями, было слышно, как трещат под напором её массы кустарники.

- Да-а-а, - задумчиво произнес Василий, - сложно работать снежным человеком. Каждый раз, когда отправляю Порфирия, обещаю себе, что это в последний раз.

- Не теши себя надеждой, - положил руку ему на плечо Джон, - обещания предков не отменить, миссию - не закрыть. Попробуем сделать следующего Йети автоматическим, работающим на автономном телепатическом канале, чтобы не рисковать Порфирием.

...Группа ученых и журналистов поднялась поздно. Зимой рассветы не торопятся на земную поверхность, в тайге да еще в горах тем более.

Вчера они решили заночевать в зимовье, недалеко от пещеры снежного человека, потому что проводник наотрез отказался идти с ними.

«Большая обезьяна, страшная. Следы - во...» - сказал он и растянул руки так, как это обычно делают рыбаки, рассказывая об улове.

Кто-то уже растопил печурку, и в зимовье потеплело. Мужчины перешучивались, готовили аппаратуру к работе, фотографы и операторы проверяли камеры для серьезных съемок.

Проводник, вышедший «до ветру», влетел в зимовье, словно за ним волки гнались. «Обезьяна...» - стуча зубами, проговорил он и вжался в бревенчатую стену. Люди выскочили наружу, кто в чем был.

Голубые тени зимнего утра отдавали сиреневым цветом. Солнце еще не собиралось подниматься, а потому скупое отпускало земле свой свет. В голубых сумерках под гору спешил громадный, волосатый человек. Заслышав крики за спиной, остановился, обернулся, словно раздумывая, и заспешил дальше.

Участники экспедиции ринулись в зимовье, торопливо одевшись, надев лыжи, бросились в погоню, на ходу запрягая карабины. В зимовье остались лишь проводник, телекамеры да научное оборудование.

Первые выстрелы затрещали издали, как только волосатая спина показалась за деревьями, но еще была недосыгаема для пуль. Йети резко пошел в гору, легко перескочил расщелину и, стоя на уступе, наблюдал, как преследователи лезут по крутяку, стреляя на ходу.

- Эх, люди, люди, - вздохнул Порфирий, - и здесь такие же.

Датчик ноги показал, что шкура повреждена пулей, надо было уходить.

- Да, сложно быть снежным человеком среди людей.

г. Новокузнецк.

Когда звёзды улыбаются

Татьяна ЭМИХ

Стайка мальчишек влетела в железнодорожный вокзал. За два дня до Нового года там было не протолкнуться. Свободных мест в зале ожидания не было, от разговоров стоял гул, и казалось, что весь город разом собрался, сидит здесь и ждет объявления по садки. Мальчишки рванули к игровым автоматам. Лешка обогнул толстую тетку с сумками, мужчину в подшитых валенках и увидел... фею. Она была в роскошном голубом платье с блёстками. Русые, пышные локоны лежали на плечах и спине и тоже поблескивали, а на голове красовалось множество маленьких, голубых цветочков. И было этой фее лет десять, не больше. В накиннутой на платье пушистой шубке она сидела в кресле зала ожидания рядом с нарядно одетой женщиной. Девочка-фея смеялась, ела конфеты, а над её головой колыхалась большая, серебряная звезда-шар, тесемку которой девочка держала в руке.

Лешка резко остановился и во все глаза смотрел на невиданное зрелище. Потом с трудом, как из глубокого колодца, из памяти всплыли картины новогоднего утренника в детском саду, куда ходил Лешка, когда отец был жив, а мать не пила. «Это она вместе с матерью, и они с праздника возвращаются», - понял парнишка.

Девочка разговаривала с мамой, поворачивая свою красивую головку то так, то эдак и изредка поглядывала на Лешку. Он, худой и невысокий, был её ровесником. На длинном лице обращали на себя внимание круглые, зеленые глаза и тонкий, поцарапанный нос. Шапки не было, свободная, не по-зимнему легкая куртка, замызганные штаны и сапоги с незастегнутыми «молниями».

Больше всего девочку поразили руки мальчика. Красные, все в цыпках и запекшихся болячках, а ногти были такие грязные! Девочка поглядела на маму. Та тоже заметила мальчишку, который, не отрываясь, зачарованно смотрел на её дочь. Так нищий любит королевский дворец, даже не мечтая, что может оказаться в его роскошных залах. «Сирота? Да нет, наверняка, родители есть, забудьги какие-нибудь. Болтается никому не нужный. И в школе хоть один класс проучился, нет ли», - размышляла женщина. Она была не совсем права, Лешка проучился целых два класса и еще одну четверть. Женщина открыла коробку с новогодним подарком, полученным на ёлке в театре, достала апельсин. Незаметно глазами показала дочери на мальчишку: «Дадим?» Та хихикнула и кивнула.

- Это тебе!

Прежде чем взять апельсин, Лешка скопил глаза на своих пацанов. Они металась у игровых автоматов, ни на что больше не обращая внимания, и вкусно пахнущий подарок благополучно утонул в глубоком

внутреннем кармане куртки. Сказав «Ага» вместо спасибо, Лешка побрел к лестнице на второй этаж, где в темном углу быстро-быстро сжевал апельсин, опустив корочки всё в тот же карман. Вернувшись в зал, он не пошел к автоматам, а снова начал наблюдать за девочкой-феей с шаром в руке. Теперь его волновал вопрос: если тесемку отпустить, то шар-звезда улетит или нет? Судя по натянутой тесемке, он рвался вверх, и Лешка забеспокоился: вдруг девочка разожмет пальцы, и тогда звезда окажется под потолком. Её ведь оттуда не достать! Как-то незаметно он вновь оказался около их кресел.

- А можно подержать?

Лицо маленькой феи стало серьезным, она покосилась на маму, но та молчала, предоставив дочери самой решить, что делать.

- А ты не упустишь? Она же улетит! Давай, ты будешь держать вместе со мной?

Лешка взялся за тесемку повыше руки девочки и сразу ощутил напряжение. Шар, наполненный гелием, неудержимо тянул к потолку. Лешка подергал верёвочку, и шар тут же закачал крутыми боками. В блестящей поверхности мальчишка увидел себя в чудном расплывчатом виде. Он только слышал, но никогда не был в «комнате сме-ха», однако сразу понял, отчего людям, видящим себя в кривых зеркалах, становится смешно, и засмеялся сам.

- Уважаемые пассажиры! Начинается посадка на электропоезд до станции...

Женщина засуетилась, начала застёгивать пальто и искать шапку дочери. Тесемку потихоньку вытащили из его пальцев, и Лешка отпустил руку. Они уходят! Девочка-фея вместе с матерью двигалась в потоке пассажиров, а звезда плыла над ними. Мальчишка пошел следом. Вдруг девочка оглянулась, увидела недавнего знакомого и что-то сказала маме. Они остановились. Остановился и Лешка. И тут произошло невозможное. Фея подошла к мальчишке и протянула ему руку с зажатой тесемкой:

- На!

Ему отдали, нет, подарили звезду! Девочка и её мать улыбнулись и исчезли в толпе спешащих на электричку людей. Лешка остался один, серебристый подарок легонько подтягивал его пальцы к потолку...

В Новый год мальчишки всю ночь мотались по улицам, выпрашивая деньги у разгоряченных и подбравших горожан. Утром забрались в тепловой колодец недалеко от вокзала, но поспать толком не удалось. Компания взрослых бомжей выгнала их на мороз. К тому времени звезды у Лешки уже не было. Еще тогда на вокзале подоспевшие пацаны отобрали у него подарок, а потом разодрали его на клочки. У Лешки осталось лишь несколько серебряных лучей. Как маленькие дети, которые прячут свои сокровища в укромных местах, а потом тайком на них любуются, так и Лешка хранил лучи в своем бездонном кармане, украдкой доставая в спокойные минуты. Апельсин, девочка-фея, звезда - они были его личной новогодней сказкой.

В самом начале января во время рейда по тепловым колодцам милиция обнаружила компанию маленьких бомжат. Один парнишка, ничего не говоря, безучастно сидел у стены и только надрывно кашлял. Уже в машине ему стало настолько худо, что его отвезли в больницу. Там поставили диагноз: двустороннее воспаление легких. Ребенка поместили в палату интенсивной

терапии. В бреду он все просил отдать ему звезду и плакал. Когда мальчишка ненадолго пришел в себя, дежурный врач и, как выяснилось, тёзка маленького пациента Алексей Петрович спросил, о какой звезде он все время говорит? Рассказ бомжонка поставил врача в тупик. Конечно, он видел, как летом у фонтанов наполняют газом и продают разноцветные шарики. Иногда ему попадались дети, выходящие из цирка с красными, надутыми сердечками на палках, но серебряной звезды среди них он не замечал. Доктор решил посмотреть, что за лучи прятал Лешка в своей одежде. Однако рванье бомжонка уже выбросило на помойку.

Утром шестого января Алексей Петрович, освободившись после дежурства, для очистки совести решил зайти в магазин игрушек и, если звезда окажется недорогой, купить. Жил он один, маленькую внучку видел редко и, хотя не отличался сентиментальностью, сильно скучал. Ни в магазине, ни по дороге домой он не увидел в продаже подобного шара. Продавцы пожимали плечами и предлагали купить оставшиеся от новогодних праздников гирлянды и другие игрушки. Алексей Петрович забежал в продуктовый, все же завтра Рождество. Покупая колбасу, засмеялся про себя, вспомнив рекламу, которая говорила, что накануне Рождества «До первой звезды нельзя!» И вновь на душе стало тревожно. Из дома он позвонил в отделение и спросил, как там тетка. Ответ был неутешительным: в себя не приходит, очень высокая температура, продолжают вводить антибиотики, хотели перевести в реанимацию, но мест нет.

... Лешка уже не бормотал, а лишь часто и прерывисто дышал. Ему казалось, что он плавает в горячем, душливом тумане. Иногда из тумана выступала девочка-фея, она укоризненно смотрела на него, как будто упрекала в том, что не уберечь звезду. Потом появлялась бабушка. Лешка уже и забыл, какая она, ему было лишь пять лет, когда она умерла. Бабушка жалостливо смотрела на него и гладила по голове, но облегчения это не приносило. Где-то над головой висела звезда, Лешка пытался до нее дотянуться, но ничего не получалось. Это мучило его и заставляло стонать...

Ближе к вечеру Алексей Петрович в каком-то смутном и раздраженном настроении пошел за сигаретами в ближайший магазин. Людской поток нес его по залу, и вдруг он остановился, как вкопанный. Над головами людей колыхалась серебряная звезда, длинной тесемкой она была привязана к кассе. Алексей Петрович подошел к очереди, неловко помялся и, глядя на звезду, громким, каким-то неестественным голосом начал говорить о мальчишке, об анамнезе пневмонии и неэффективности антибиотиков.

- При подобном развитии болезни, когда в равной степени возможно улучшение или наоборот ухудшение состояния пациента, даже самый незначительный фактор может стать толчком...

Очередь ошарашенно молчала, а молоденькая кассирша смотрела на него, явно принимая за сумасшедшего. Наконец, она робко спросила:

- Вам что-то нужно?

Алексей Петрович мотнул головой в сторону звезды и, страдальчески улыбаясь, выдал:

- Шарик.

Девушка, помедлив, отвязала тесемку и подала Алексею Петровичу. Тот, забыв про сигареты, понесся по залу, звезда поплыла за ним. У самого входа врач развернулся, подбежал к кассе и, наклонившись, спросил:

- Я вам что-нибудь должен?

Девушка сжалась на стуле и испуганно замотала головой: «Нет, ничего». Алексей Петрович побежал ловить такси. Конечно, не с его зарплатой так шиковать, но теперь, когда звезда была у него в руках, ему почему-то казалось необходимым как можно быстрее добраться до больницы.

Было уже темно, когда он зашел в отделение. Дежурный врач Вера Васильевна очень удивилась, увидев коллегу в неурочное время, но по шару поняла, к кому тот пришел.

- Как парень?

- Как, да никак. Все так же, плохо, - Вера Васильевна покачала головой. - А вы звездочку ему принесли? Только ее сначала надо продезинфицировать!

- Кого? Звезду? А вдруг серебрянка сморется? - забеспокоился врач. Но Вера Васильевна была непреклонна, и они вдвоём очень осторожно протерли шар раствором. Внешне звезда не изменилась, лишь сразу стала остро пахнуть больницей.

В палате, освещенной маленькой, тусклой лампой, слышалось хриплое дыхание ребенка. Алексей Петрович подошел к кровати и привязал тесемку к спинке с таким расчетом, что, если Лешка хоть на секунду откроет глаза, сразу увидит свою долгожданную звезду. Та легко колыхалась от малейшего дуновения и поворачивала свои серебряные бока. Алексей Петрович еще раз посмотрел на разметавшегося Лешку, повернулся к звезде, наставил на неё указательный палец и прошептал:

- Ты присмотри за ним, хорошо?

Звезда, качаясь на тонкой нити, закивала, как бы соглашаясь на предложение доктора.

Где-то посреди ночи Лешка вдруг вынырнул из горячего тумана и открыл глаза. Прямо перед ним в воздухе висело серебристое пятно, которое постепенно приняло очертания звезды. Она словно парила над ним. Лешка снова провалился в забытье, но вскоре пришел в себя. Звезда по-прежнему висела в воздухе. Мальчишка заторчался в кровати, серебристое наваждение задрожало и поплыло в сторону. Лешка испуганно смотрел, ожидая, что оно вот-вот опять исчезнет, но звезда, покачавшись, осталась на месте. Туман в голове мальчишки стал остывать, ему показалось, что он входит в прохладную, тихую реку.

Неудобный диван в ординаторской не давал выспаться как следует. Вера Васильевна, поворачившись, встала, решив проверить палату интенсивной терапии. Когда она зашла, то увидела у Лешки какое-то очень спокойное, даже мечтательное выражение лица. Его хриплого дыхания не было слышно. Вера Васильевна испугалась, что-то холодное стало разрастаться у неё в груди. Она медленно подошла к кровати и услышала тихий свист, который издавали больные легкие ребенка. Лоб у Лешки был горячий, но все же температура заметно спала. «Ну, надо же, а ведь ему стало лучше, - подумала она. - Смотри-ка, выкарабкается потихоньку пацаненок. Просто рождественское чудо какое-то!» Она еще раз потрогала лоб, подоткнула одеяло и вышла в коридор:

...Лешка спал. Ему снился невероятных размеров луг, где девочка-фея собирала цветы, рядом текла река, а на другом берегу стояла бабушка. Река почему-то быстро расширялась, берег удалялся, бабушка улыбалась и становилась меньше. Видеть это Лешке было как-то странно и одновременно хорошо...

В палате было тихо и сумрачно. Звезда тускло светила своим серебром. Иногда свет фар далеких автомобилей быстро пробегал по ее блестящим бокам, и тогда казалось, что звезда улыбается.

Дамир ИБРАГИМОВ

***
Тропы сибирских охотников.
Светлые были отваги.
Кротость в молитве угодников.
Буйные песни бродяги.

Стынет слезинка острожная,
В недрах промёрзших не тает;
Строго бескрайность таёжная
Души людей проверяет.

Древних потомки забытые,
Память хранящие духи,
Мхами седыми покрытые,
Камни безмолвны и глухи.

Сибирь — царица суровая,
С зовущим взглядом колдунья,
Страна, кедрово-сосновая,
Стоит в тишине раздумья.

***
Ватаг гулевых атаманы
Держали, хмельные слегка.
Ни стрелы, ни вражды арканы
Смутить не могли казака.

Ждала впереди неизвестность:
Сибирь, чьи суровы леса.
В страданиях грубая честность —
О Родине милой слеза.

Звон сабель и песня кручины,
Достойные мужа дела
И горькая радость дружины:
Тропа, что к востоку вела.

***
Ветка омелы в руке у друида,
Чётки и посох
в монашеских руках;
В спорё религий вспенула обида,
Вылившись схватками
в древних лесах.

В рыжие волосы юной британки
Рано проникла тоски седина;
Идолы смотрят
в глаза христианки —
В тайне о прошлом жалеет она.

Рядом с Артуром
в могучей твердыне,
В чести и славе
за круглым столом
Рыцарь сидит,
лжесмирением гордыни
Сущность язычника
скрыв под крестом.

Глядя печально в туман Альбиона,
Мерлин Великий Артуру сказал:
«Истинной веры
не сыщешь у трона...
Логрис конец свой
уже предсказал».

***
По жёлтой китайской равнине,
Где солнце меж пагод встаёт,
Как путник к далёкой святыне,
Усталое войско идёт.

Под древней великой стеною
Мы гуннов рубили сплеча;
Пуст рваный колчан за спиной,
Иззубрен клинок у меча.

Последнюю горсточку риса
Рука достаёт из мешка,
А в воздухе резкий и чистый
Призыв боевого рожка.

Со славой подходим к столице,
Где площадь народом бурлит,
На троне с нарядной царицей
Сын Неба, сияя, сидит.

И скажет нам всем император:
«Доволен я, дети мои.
Вы запад — исчадьё заката —
Омыли во вражьей крови.
Но север, что плавит морозы
В мерцание белых ночей,
Страшнее готовит угрозы
Империи дивной моей...»

Мы рисом наполним котомки,
Отчизне и клятвам верны —
И в сердце вольются потёмки
Предчувствия долгой войны.

***
Ирландия. Дикого клевера
Побеги глядят сквозь туманы.
Мелодии кельтского севера
В волынках безумны и пьяны.

Вот кажется: всадник появится
В доспехах и шлеме косматом,
И в солнечном диске расплавится,
Сольётся с багряным закатом.

Зелёных холмов наваждение
В реке отраженьем горбатым;
Поля, где кипели сражения,
Приют пастухам бородастым.

В далёкие годы воспетые
Развалины тихо вздыхают,
Что славой когда-то согретые —
Сейчас лишь гуляк привлекают.

Спешат по делам равнодушные
Потомки чудесных безумцев,
Заботам житейским послушные,
По тропам певцов-вольнудмцев.

***
Концерт Ольги Танагашевой
Мы внимаем гортанному голосу,
Диковатую песню поющему,

Он сродни задрожавшему колосу,
Древний стон на ветру издающему.

Стон в глубокою
пропасть срывается,
Где бурлящие реки в волнении;
Он в их яростном ритме купается,
Заряжается в их иступлении.

В племенные наряды одетая,
Вся неведомою тайной укрытая,
У костра колдовского согретая,
Ты поёшь, воскрешая забытое.

Актёру

Чудовищ, набитых соломой,
Круша бутафорским мечом,
На сцене, до дрожи знакомой,
Ты снова под алым лучом.

С чужою судьбой ты сживался,
В ней тысячу раз умирал.
Но занавес вновь поднимался,
И зритель слезу вытирал.

Прожитые судьбы и роли —
Святые, рабы, короли —
Бывало, заплакать от боли,
Смеяться заставить могли.

Не важно, что трон из фанеры,
Не страшно, что сцена мала,
Достаточно зрительской веры,
Что вновь их к тебе привела.

***
Полустёртые знаки
на древней стене,
В ней от времени
серые камни крошатся;
Прикоснись — и заплачут они,
как во сне,
Задрожат от касанья
руки святоотца.

В опустевшие кельи
святых мудрецов
Мы вошли, и над нами
молитвы витали.
Как послание нам
со времён
праотцов,
Откровение, что мы
сейчас осознали.

Осыпаются своды
подземных пещер,
Просветлённых людей
там сердца отпылали;
Не почувствует скептик,
вздохнёт маловер —
Озарённую мысль
не для них завещали...

Полустёртые знаки
на древней стене,
Где от времени
серые камни крошатся;
Прикоснись...

Безумие

Отчаянный шашки замах —
И в снег голова покатила.
Небранные щёки в слезах...
Что ж сердце в груди
не разбилось?

В сугробе последний матрос
В агонии страшной забьётся,
Казак холодней, чем мороз,
От жара безумья очнётся.

Ужаснее нет ничего,
Чем эта минута прозренья.
«Убить бы себя самого —
Не будет мне, братцы,
прощенья!» —

Он скажет, проглотит комок,
На мёртвых посмотрит

устало. —
Хмельной бы отравы глоток,
Чтоб совесть совсем замолчала».

Сверкающей шашки замах —
И валится в грязь бескозырка.
Кровавые тени в глазах.
В потёртой шинели — бутылка...

***
Мелодичный таинственный танец.
На щеках смугловатых румянец;
Изгибаются стройные руки
В упоении сладостной муки.

В единении с царственной ночью
Проникаясь ритмической мощью,
Ты танцуешь со взглядом
влюблённым,
От страданий
земных отстранённым.

Опьяняешь подобно дурману,
Не прибегнув ко злу и обману;
Разжигашь глубинные чувства
На огне неземного искусства.

***
Резонирует в памяти сердца
Моноотонно звучащий санскрит.
Медитация — тайная дверца
На Кайлаша священный гранит.

«Ом» в молчании мудрых аскетов,
В художавости солнечных лиц,
Нерушимая святость обетов
Вдалеке от роскошных столиц.

Придорожные тихие храмы
Терпеливо паломников ждут,
К алтарям Махадевы и Рамы
Те в экстазе любви припадут.

Махабхараты песни-сказанья
Все поют в деревенской глуши
Во всеобщие дни ликованья,
Приглашая на праздник души.

Апостол

Пыльные скифские степи,
Ржанье косматых коней;
Песни тех диких столетий
Туров ревущих страшней.

Воинов буйные пляски
Ночью у жарких костров,
Жён их нехитрые ласки
В сумраке грубых шатров.

Песню визгливую стрелы
В знойном пространстве поют —
Смерть на лице загорелом
Вмиг обретает приют.

Всходит луна пресыщенья
Поздних античных времён,
Странник со словом прощенья
Бродит меж диких племён.

Крепко сцепилась в поводья
Смуглая в шрамах рука.
Всадник, зачем исподлобья
Смотришь на лик старика?

Ветхозаветных пророков
Здесь не ступала нога
В полном страстей и пороков
Сердце застонет тоска.

День, истекающий зноем.
Путника взгляд всё светлей.
Скиф, покорённый покоем,
Ждёт, что же скажет Андрей.

***
В сердце безмолвно кричала
Страсть ненаписанных книг,
Память так громко молчала,
Что оглушила на миг.

Мысль за орлами взлетала,
Шла по пути черепах,
Вместе с оленем безжала
В шепчущих что-то лесах.

Разум с утёсов срывался,
Где в тишине отдыхал,
В звёздном молчании крался,
В солнечном свете пылал.

Сердце ритмичной стучало
В этот пылающий миг,
Страстно, безмолвно кричало
Текст ненаписанных книг.

Звезда

Далеко до тебя расстояние,
Но летать я ещё не умею.
Обрамлённая бледным сиянием,
Ты пленяешь свободой своею.

И мерцающим шепчешь подругам,
Наклонив лебединый шею:
«Ни любви, ни тепла, ни супруга —
Никого никогда не согрею».

***
Я помню: мы с Вами встречались
Под солнцем неведомой долины,
В затерянном храме скрывались
Из странно сияющей глины.

Я помню: Вы были прекрасны
В причудливых платьях старинных
И как-то чудесно бесстрастны,
Рисуя святыне картины.

Я помню, как плавно ступали
По мрамору стройные ноги,
Как взгляд на меня устремляли
Вы, стоя на белом пороге.

Я помню: мы с Вами прощались
Под солнцем неведомой долины...

***
Возле застывших ресниц
Образы тихо пронесит
Ветер, и шелест страниц
Снова внимания просит.

То, что рукою не взять,
Песней в душе нарастает,
Вместе с героем искать,
Плечь за мечтой отправляет...

В гавань встанут корабли,
Близок момент эпизода.
Шёпот: «Теперь мы дошли,
Вместе стоим у порога».

Мимо усталых ресниц
Тихую песню пронесит
Ветер, и шелест страниц
Словно прощенья просит.

***
Комната. Гулы ночные
В хриплую музыку слиты.
Мысли — гуляки шальные —
Сумраком серым укрыты.

Шорох — монах-заговорщик,
В замыслах тайные битвы,
Крадучись, старый притворщик
Шепчет в пространство молитвы.

Матовых окон глазницы —
В хаос беспечные дыры.
Сине-прозрачные птицы
Сулиц влетают в квартиры.

Время ночное бесценно,
Я очарованный зритель.
Тихо нисходит на сцену
Магия тайных наитий.

***
Потускневшее золото,
Предзакатные мысли,

Там, над крышами города
Паутиной нависли.

Я усталому голосу
Голубой электрички,
Перейдя лесополосу
Подсвистел по привычке.

И закатному знамени
Так немного осталось,
На алеющем пламени
Догорают усталость.

***
О решётку стального забрала
Раскололось большое копье,
А в ушах у меня прозвучало
Мелодичное имя твоё.

По щиту прозвонела секира,
Отвечаю ударом слеза.
За тебя, о, сокровище мира,
Я сражаюсь обломком меча.

Истекающих кровью событий
Закружилось вокруг колеса,
Вот уже я Вселенной
властитель —
И твоё потускнело лицо.

Вырываюсь из милых объятий...
Нам с тобою сейчас нелегко...
Как бы мог о любимой
мечтать я,
Будь как прежде она далеко.

Девушка в офисе

По-калмыцки широкие скулы,
По-славянски льняная коса;
И компьютера хриплые гулы —
Это древних Богов голоса.

Настороженно-чуткие пальцы
По квадратикам клавиш скользят
В такт мелодии старого вальса.
И куда-то уносится взгляд.

***
Ветхая память веков.
Отблеск забытых религий.
Пляска булатных клинков.
В песнях свирепые крики.

Властью суровых вождей
На непокорные страны
Льются потоки дождей,
Падают с моря туманы.

Зверь на таинственный зов
К хижине мага подходит.
Шёпот дремучих лесов
К сердцу дорогу находит.

Тень от священных дубов
Плавню струится на лица
Магов, царей и рабов
В мире, что не возродится.

***
Как тайные сладкие вздохи
Бесшумно уносятся мысли,
Тревожа другие эпохи,
Глубины, пространства и выси;

Блуждают в неведомых странах,
Где зреют благие посева,
И ночью на древних курганах
Священные слышны напевы;

Вступают в дворцы и пещеры —
Забвения бледные своды;
И рвутся в небесные сферы —
Бессонную вечность свободы.

***
Как на ветках набухшие почки,
Прорастают из старых времён
Освященные памятью строчки,
Хоть порой и не вспомнишь имён
Тех певцов, что стихами посмели
Провести меж эпохами связь;

Их сердца маяками горели,
Отвергая житейскую грязь.

***
Тишина предвещает опасность:
Вот крадётся тигрица-тоска,
Чьи глаза — беспощадная янкость
Предстоящего к жертве броска.

Тишина проступает в картине
Вместе с ветром и морем песка;
В подсознании спящей пустыни
Молчаливые дремлют века.

В тишине — сенокосной долине —
Вырастают стихи, как трава;
Мошкаркой в золотой паутине
Прорываются к людям слова.

Тишина — бесконечное небо,
Где скитаются птица-мечта
И кусочки абстрактного хлеба
Подбирает с ладони Христа.

***
Погружаюсь в безмолвие леса,
Окружённый сосновой страной,
Просветлённый, не чувствую веса,
Словно крылья растут за спиной.

На поросшей крапивой тропинке
Я вполголоса песню пою,
Что на дедовой слышал пластинке,
Про «усталых в далёком краю».

Неохватное хвойное царство —
Для усталых пушистый навес;
От душевных ушибов лекарство
Предлагает задумчивый лес.

Святослав

Разлетелась под князя ударом
Печенежского хана башка.
И воинственный вызов хазарам
Понесётся, врезаюсь в века.
От Днепра и к дворцам Цареграда
Долетит оглушающий страх.
Византийцев бушующих стадо
Успокоит седой патриарх,
И подумает: «Странный обычай...
Как насмешка - «Иду, мол, на вы».
Святослав
под спокойным обличем
Беспокойней, чем дикие львы».

Поэт

Сияет маяк озаренья
На кротком и светлом лице —
Далёкой мечты отраженье,
Естественной, в мудром певце.

Прообразов тайных хранитель,
Стремящихся к людям стихов.
Вселенной безгрешный властитель
В бессмертной реальности снов.

Тончайших касаясь материй,
Рассвета ритмический храм
Он строит.

Он любит,
он верит
Поэзии чистым мечтам.

***
Пыльные тернии странствий,
Полные светлых тревог.
Путник в бескрайнем
пространстве.
Вечность, где ты одинок.

Радость негаданной встречи.
Горькую нежность разлук
Ты принимаешь на плечи,
Вечности пленник и друг.

Афина-Паллада

Просветлённой и древней печалью
Запечатаны эти уста.
Под серебряно-призрачной шалью

Вся, как звёздное небо, чиста.

За серьёзностью светлого взгляда
Притаились в пространстве века,
Где в стране, под названьем
«Эллада»,
О Палладе безгрешна тоска.

***
Сохранила стальная рубаха
От тяжёлых ударов следы
Тех побоищ, где смешаны с прахом
О богатстве и славе мечты.

Беспощадные сабли крошили,
Как капусту, орущих врагов;
Исчезали за тучами пыли
Очертанья больших городов.

Искажались прекрасные лица,
Их туманили ярость и страх;
Мы людей перестали стыдиться —
И мечты угасали в сердцах.

Торгамам по дешёвке добычу
Отдавали с усмешкой в глазах,
Уходили с воинственным кличем,
С пустотой в усталых руках.

Повелитель с довольной улыбкой
Не жалел для героев похвал,
Благородно прощая ошибки —
Побеждённых, ликуя, прощал.

Засмотревшись с тоской на бывшее,
Он седую поник головой:
Бывший воин, угрюмым изгоем
Он в обнимку идёт с нищетой.

***
Из мира ушедших титанов
Земные преследуют сны,
Сердце незажившие раны
Зовут их из светлой страны.

Их ждут непростые дороги,
Бескровной за души войны,
Проходят меж нас полубоги,
Пророческих таинств полны.

***
Звёзд лучезарные взгляды
Через цемент потолка
Льются, не зная преграды,
Светят мне издалека.

В ясном мерцании ночи
Тени мифических битв
Рвутся в эфирные ключья
Страстью безмолвных молитв.

Вспышке цепной передачи
Память подобна маяку,
Сердце смеётся и плачет,
Вспомнив иные края.

Ночи смеющийся ангел,
Вечности светлый слуга,
Душу не спящую занял,
Крыльями движет слегка.

Посох сжимающий странник,
Рыцарь с обломком копья,
Боги в пространстве

бескрайнем —
Все мы сейчас как семья

***
Пылающий танец огня,
Неслышанной дышащий
страстью.

Я алого вижу коня
С драконьей сияющей пастью.

И предка во всаднике том,
Что скачет сквозь пламя, признаю,
Со смуглым счастливым лицом
К забытому древнему краю.

***
Беззаветная ярость атаки

Остывает в сердцах и руках,
Император печальные знаки,
Холодея, узрел в небесах.

Не хватает солдатской отваги,
Всё сильнее пожар мятежа,
И в лесах притаились бродяги —
Мастера топора и ножа.

Над усталым
потрёпанным войском
Оголтело кричит вороньё,
Мы верны повелителю, только
Все красивые речи —
враньё.

Он угрюмо ведёт обречённых
По дорогам горячей страны,
Мимо сёл и надежд опалённых
В суете бесконечной войны.

Старый замок

Древней печалью и славой
Веет от этих дверей,
Помнящих в схватке кровавой
Гибель достойных людей.

Мрамор разбитых ступеней
Стены героев впитал,
Чьи-то прозрачные тени
Тронный наполнили зал.

Конский доносится топот,
Воздух гудит, как металл,
Стен экзотический шёпот
С прошлым пространство связал.

***
Простота и естественность
жестов,
Под ресницами
царственный взгляд,
Безыскусно чиста, как невеста,
И глаза точно в душу глядят.

На улыбке, воспетой поэтом,
Не отыщешь французских помад,
Но нездешнего мира отсветы
Приоткрытые губы таят.

И в рифмованных мыслях поэта
Зашифрована тайная страсть,
Из сокровищниц тёплого лета
Он сумел светлый образ украсть.

***
Неуютно под чувственным
взглядом...
Так порочна твоя красота!
Сладострасть
томительным ядом
Истекают в усмешке уста.

Но отточенный опыт актрисы
Отражает простая броня:
Уходи поскорей за кулисы,
Есть другая в душе у меня.

***
Ветер, беспечный бродяга,
В ставни заснеженных дач
Бьёт с бесконечной отвагой,
В древний сливается плач.

Севера буйные духи
В белой кружатся пыли,
Страстны, безмолвны и глухи
Над городами Земли.

***
Немало поломаных копий,
Затуплено крепких мечей
У нас и в старушке Европе
Во славу царицы моей.

В несметное множество храмов,
Хранящих её имена,
В иконы, в мерцающий мрамор
Незримо входила она.

Кипели священные травы
В старинных из бронзы
котлах,
Когда у восточной заставы
О ней пел даосский монах.

С улыбкой искусные гномы,
Стуча молотками в горах,
Ковали ей трон невесомый
В волшебных,
прозрачных цветах.

В непознанном
месте укротном
Доныне её алтари
Видны в обрамлении скромном
При свете небесной зари.

Не только в потрёпанных
книгах
И в храмовых ветхих
холстах —
Мечтою живёт многоликой
В горящих, как солнце,
сердцах.

Задумчиво вещие струны
Настроил в ночи Аполлон
С молитвой о древней и юной
Богине, далёкой, как сон.

Познания терпким настоем
Сердечная чаша полна.
«Печалиться вовсе
не стоит», —
Из вечности шепчет она.

Искусство античных поэтов
И варварских бардов экстаз
Потоком глубокого света
Она изливает на нас.

К насущному чёрному хлебу
Сладчайший духовный нектар
Искателям, рвущимся к небу,
Богиня приносит как дар.

Фантазии на стекле

Юльепке
В феврале на Россию морозы
Наступают косматой
стенной:
Распускаются бледные розы
На окне живописной волной.

На стекле — утончённых
фантазий
Древнерусский застывший
сюжет,
Тут танцуют деревья
в экстазе,
Излучая языческий свет;

Там взмывает волшебная птица
Над лесной заповедной страной,
И серебряный месяц глядится
В поляню, где живёт водяной.

Вячеслав Елатов

Родился 6 мая 1939 года в городе Баку. По окончании средней школы обучался в техническом училище, работал электромонтёром и рабочим.

Образование высшее (Ленинградский государственный университет, Иркутский институт иностранных языков).

С 1966 по 1991 год работал учителем английского и русского языка и литературы.

Литературной публицистикой занимается с 1993 года. Печатался в городских газетах «Шахтёрская правда» и «Народовластие», а также в областном еженедельнике «Земляки». Живёт в Прокопьевске.

«Шестидесятник» Шолохов

Если для научно-фантастической и приключенческой литературы в качестве одного из самых захватывающих сюжетобразующих механизмов была задействована «машина времени», то литературоведы и публицисты такой «вечный двигатель» нашли для себя в юбилеях.

Привычным делом стало отмечать круглые и полукруглые, округлённые и закруглённые даты со дня рождения выдающихся и не очень, известных и мало кому, кроме узкого круга специалистов, — поэтов, драматургов и прозаиков.

О первых же публикациях литературных произведений мы упоминаем уже без оглядки на числовую магию, когда речь заходит либо о творческом пути автора, либо о каком-нибудь определённом литературном процессе. Заслуживающей внимания попыткой восполнить этот пробел в литературной юбилейной практике стала содержательная информация главного библиотекаря ЦБС имени А.М. Берсенева о книгах — юбилеях 2006 года («Огни Кузбасса», 4/06).

Уточняя свою позицию, Ольга Черкасова напомнила нам о важности читательского выбора: «У современных издателей два критерия к художественному произведению: занимательность сюжета и доступность изложения.

Если вы хотите глубины, философии, психологии, литературных изысков — обращайтесь к классике. И она, как преданный друг, не подведёт вас».

«Как нет времени без своей литературы, — записали в книге для учителя авторы из Московского университета, — так нет и литературы без своего времени» (Совр. рус. сов. л.-ра. М., Просвещение, 1987. Стр.4.). В классическое наследие выкристаллизовывается сегодня русская советская литература.

Не за горами время вековых юбилеев первых послеоктябрьских изданий, а в режиме «полукруглых» дат уже раскручиваются юбилеи произведений писателей — «шестидесятников». Шолохов, разумеется, лишь отчасти принадлежал к ним: в это время он публикует хрестоматийно известные рассказы «Судьба человека» и вторую книгу «Поднятой целины».

Рассказ «Судьба человека» был опубликован в 1956 году.

Спустя три года в повести «Пядь земли» Г.Бакланов напишет: «Когда кончится война и люди будут вспоминать о ней, наверное, вспомнят великие сражения <...> И среди них не будет места нашему плацдарму.

Судьба его — как судьба одного человека, когда решаются судьбы миллионов. Но, между прочим, нередко судьбы и трагедии миллионов начинаются судьбой одного человека».

А если, скользя по календарной шкале мы отсчитаем в этом году ровно пятьдесят лет назад, то на дисплее нашего беспристрастного

УС высветится среди прочих «именинников» название произведения ещё одного представителя «фронтного поколения»: повесть Ю.Бондарева «Батальоны просят огня».

Такой летописный, год за годом, юбилей за юбилеем, подход дополняет широко используемые при исследованиях и в преподавании тематические, жанровые и проблемно-стилевые принципы.

Остановленный художником миг между прошлым и будущим становится связующим звеном в праздничной юбилейной гирлянде.

Великая сила искусства! Ведь уже о прошлом снеге мы говорим, как о чём-то безвозвратно ушедшем и совершенно не заслуживающем внимания — но отражённые в поэтическом сознании пятидесятилетней давности осадки продолжают и сегодня, завораживая, снисходить на нас в своём первозданном блеске и чистоте, ассоциируясь с поступью вечности:

Снег идёт, густой-густой.

В ногу с ним, стопами теми

В том же темпе, с ленью той

Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?

«Может быть, — развивает свой юбилейный образ-переживание Б.Пастернак, — за годом год Следует, как снег идёт Или как слова в поэме?»

Творчество Шолохова — «шестидесятника» даёт нам возможность в полной мере ощутить поступательный ход отечественной истории.

Насколько верно «Судьба человека» отражала судьбу народную? От трагедии исканий Григория Мелхиовадо трагедии обстоятельств в новую историческую эпоху — так в 60-е годы определял амплитуду художественных исследований Шолохова профессор Ленинградского университета Л.А.Плоткин (см., например, его книгу «Литература и война».

Великая Отечественная война в русской советской прозе. — М. — Л., Сов. писатель, 1967.).

Андрею Соколову, в отличие от героя «Тихого Дона», уже не надо было ломать голову над вопросом, на чьей стороне воевать. Пафос произведения заключался в другом: в тяжелейших обстоятельствах настоящий, новой формации, то есть без индивидуалистической червоточинки, человек оставался человеком, не деградировал, как чеховский Ионыч, и не ожесточился, как Раскольников у Достоевского.

...Вот он спасает от предательской расправы в плену молоденького командира.

А рядом врач не забывает творить добро: сам ищет, кто нуждается в его помощи. А вот и незабываемая сцена усыновления осиротевшего мальчонки, благодаря которой полувекковой давности рассказ может стать сегодня одной из настольных книг в наших семейных притюхах...

И пусть теперь нам говорят и малодушно

повторяют, что времена, мол, сегодня не те и что люди наши, дескать, стали совсем другими, сплошные подонки, выродки и оборотни, — мы перечитали заново шолоховский рассказ и свято верим, что враждебным обстоятельствам можно противостоять и что человеческое достоинство теряет лишь тот, кто сам забывает о нём.

Или нам сегодня тяжелее, чем Андрею Соколову? Или его меньше, чем нас сегодня, «исказила» жизнь?

Палитра шолоховского письма всегда привлекала читателя своей многоцветностью; она не сводится к одним лишь горьким переживаниям и безысходно мрачным тонам.

Иными красками писатель пользуется для передачи, например, теплоты семейного счастья героя.

Мы то замираем, то наполняемся жизнерадостным сопереживанием, то хмуримся, то опять улыбаемся, а то и вовсе «ржём» вместе с персонажами рассказа, когда в сцене пленения Соколов вслед за «прихваченными» сапогами протягивает предприимчивому оккупанту и портянки: бери, мол, не стесняйся, чего уж там!..

Если «Судьба человека» воспринимается в контексте богато представленной военной прозы 60-х — рядом с названными выше повестями отметить своё 50-летие готовы в самое ближайшее время и «Девять дней» Г.Бакланова, и «Последние залпы» Ю.Бондарева, и «Живые и мёртвые» К.Симонова — то рядом с «Поднятой целиной» мы для наглядности положили «роман» под условным названием «Деревенская проза».

Это коллективный труд русских советских писателей, отдельные главы которого были написаны В.Солоухиным и А.Яшиным, А.Солженицыным и В.Распутным, Б.Можавым, В.Беловым, С.Залыгиным, В.Шукшиным, В.Астафьевым и другими известными авторами.

Такое сопоставление поможет нам уяснить, насколько безошибочно Шолохов отбирает для своего романа основной конфликт и связанное с ним сюжетно-композиционное решение. Вот как, например, в этой связи объяснял замысел своей повести «На Иртыше» С.Залыгин (из дневниковой записки доктора филологических наук В.Я.Лакшина в книге «Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва». — М., Книжная палата, 1991 — от 23.07.1963): «Залыгин рассказал, как пришло ему в голову написать эту вещь».

Всё, что он читало коллективизации («Люди на болоте» Мележа, Стаднюк, даже Шолохов), — всё его не удовлетворяло, потому что рассказ всюду ведётся от лица Давыдовых и Нагульновых, то есть тех, которые проводили коллективизацию, а не тех, которых коллективизировали, не крестьян».

В действовавшей в 60-е годы системе координат в качестве точки отсчёта чаще всего называют книгу очерков Валентина Овечкина «Районные будни».

Но это ещё не та «деревенская проза», за которой закрепилось закавыченное название.

Стилизованные под очерки рассказы не выходят из поля притяжения шолоховского романа, представляющего собой классический образец литературы социалистического реализма.

Мартынов выступивший против «борзовщины», то есть разложившейся части парт-, хоз- и совноменклатуры — всякого рода (рутинёров и очковтирателей, приспособленцев и показушников, — это лишь один из возможных вариантов уцелевшего Давыдова: не погибни он в 1930-м, так Яков Лукич оклеветал бы его в 1937-м — мало ли таких среди реабилитированных? Не превратился он в «лагерную пыль», именно его мы бы встретили на самых опасных участках Великой Отечественной — мало ли их сложилось головы, не дожив до Победы?

Уцелел на войне, он бы обнаружил себя в новых исторических условиях — мало ли их противостояло прагматически мыслящим конъюктуристам и карьеристам?

Речь идёт о центральном характере эпохи, над воспроизведением которого во второй половине 19-го века неутомимо трудился Тургенев, а спустя сто лет — наши «полукруглые» юбиляры.

Ровно пятьдесят лет тому назад рождены литературные герои, плоть от плоти шолоховского Давыдова: врач Устименко из романа Ю.Германа «Дело, которому ты служишь», командир батареи Ермаков из повести Ю.Бондарева «Батальоны просят огня» и главный инженер тракторного завода Бахирев из романа Галины Николаевой «Битва в пути».

Все они, как и их прототипы, были теми лидерами, на которых ориентировался лирический герой из стихотворения Евг. Евтушенко «Лучшим из поколения» (1957):

Лучшие из поколения,

цветист вам - не увядать!

Вашего покорения

бедам не увидеть.

Разные будут случаи —

будьте сильны и дружны.

Вы ведь на то и лучшие —

Выстоять вы должны.

Разное это было по наполненности историческими событиями время: от предрозовых 30-х и пороховых 40-х до юбилейных по отношению к нам 50-х; но было, в любое время было и на кого равняться, и у кого попросить благословения и на самоотверженное служение делу, и на смертный бой, и на битву в пути к светлому будущему человечества:

Благословите на мужество,

благословите на бой!

Возьмите меня в наступление —

не упрекнете ни в чем.

Лучшие из поколения,

возьмите меня трубачам.

Чего греха таить: не так-то просто с перекосенным набекрень сознанием перечитывать заново как в целом русскую советскую литературу, так в частности и Шолохова — «шестидесятника», ведь при этом с головы вновь приходится вставать на ноги. Читаем, например, сцену открытого партсобраний: кузнец Ипполит Шальпый только тогда решает вступить в партию, когда убеждается, что Островнова там не будет.

Читаем и вспоминаем: сколько же их, этих островновых, поналезло в партию! И какие ж это открывало им возможности для дискредитации честных коммунистов!

А спровоцированный исполнителем, как мы это сегодня называем, и спрятавшимся за его спиной заказчиком «бабий бунт»? Так ли уж далеко мы ушли сегодня от него с нашими подрывными идеологическими технологиями?

Нет, перечитывать Шолохова в режиме «полукруглых» юбилеев ой как не просто: ведь при этом нам приходится «перечитывать» самих себя...

Одним из ключевых моментов в сюжетном развитии «Поднятой целины» связан со статьёй Сталина «Головокружение от успехов». Таким же поворотным началом могла стать для нашего коллективного романа «Деревенская проза» его же работа «Экономические проблемы социализма в СССР». Могла, но не стала. Вспомним, с какой надеждой ждали съезд партии крестьяне из рассказа Александра Яшина «Рычаги». «Теперь что двадцатый съезд скажет», — повторяли они, расходясь после собрания. Имело ли это, как у Шолохова, какое-нибудь историческое обоснование? Судите сами.

В опубликованных в 1952 году «Экономических проблемах» говорилось о кардинальном развороте в политике партии по отношению к разорённой войной деревне: «Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю — продажу, в настоящее время колхозы не принимают».

Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерно разворота товарооборота».

Вот чего ждали и на что надеялись крестьяне не только из яшинских «Рычагов»? А вместо этого мы получили политическую «шову» по разоблачению культа личности, под дымовой завесой которой сё исполнители и заказчики форсировали преобразование колхозов в совхозы, обрекая на вымирание так называемые «неперспективные» деревушки.

А в «Экономических проблемах» такую экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществление их средств производства Сталин прямо назвал бессмысленной и преступной: такой путь надолго отбросил бы крестьянство в лагерь врагов пролетариата».

Так что процесс, о котором позже говорил генсек Горбачёв, пошёл, похоже, не в 80-х...

Помните, как Яков Лукич переживал (а противящийся упомянутому процессу развала Шолохов не преминул напомнить об этом в 60-х): не дай бог крестьяне станут жить лучше? Их ведь тогда против Советской власти не повернёшь!

И «деревенская проза» свидетельствовала: принцип «чем хуже, тем лучше» довольно-таки последовательно подрывал устой колхозной деревни.

Это как же надо было ненавидеть своих соотечественников, чтобы довести сельскую жизнь до такого катастрофического состояния, о каком читаем, например, в рассказах «Высочка» и «Вологодская свадьба» того же А. Яшина!

Перспектива — мы говорим о нашем условном коллективном сочинении — была утеряна. Когда автор настоящих строк в тех же 60-х в одной из курсовых работ пришёл к выводу о статичности изображения действительности в рассказе «Матрёнин двор», руководитель спецсеминара, по сути, не возражал против констатации такого факта. «А ты сам, — высказал он свою точку зрения во время обсуждения, — попробуй дать сё в развитии, а потом требуй от Солженицына...»

Ущербность взятой для сравнения с шолоховским романом прозы проявилась, таким образом, в полном игнорировании той возможности, которая открывалась в ходе обсуждения нового учебника политической экономии.

Где уж нам было читать Сталина или ссылаться на него в обстановке вакханалий и извращений, которые до сих пор и даже с большим рвением подогреваются в нашем сознании специалистами от политического шоу — бизнеса!

Если дед Шукарь скорбит о гибели Давыдова и Нагульнова, то «деревенская проза» — это скорбь по утрате такой композиции, при которой негативному началу противопоставлен центральный характер эпохи.

Если в гоголевском «Ревизоре» в качестве положительного героя выступил смех, то в нашем условном «Ревизоре» — это смех

чувство благородного негодования и протеста против тех ужасных перекосов, обличение которых стало основным его идейным содержанием.

Авторское название повести С. Залыгина «На Иртыше» подошло бы для всей «деревенской прозы»: «Перекосы». Это, по сути, означало не что иное, как отход на позиции критического реализма.

Образ солженицынской Матрёны вытянул за собой вереницу замечательных распутинских старух: на таких праведниках, декларировали «деревенщики», стояла и будет стоять Русская земля!

Такой крен в понимании движущих сил исторического процесса не только сохранился в наши дни, но стал, если судить по экзаменационным билетам, определяющим в школьном преподавании литературы. Е

сть вопрос о народном характере в рассказе А. Солженицына «Матрёнин двор», есть рекомендация по рассказу В. Распутина «Прощание с Матёрой», но нет — как корова языком слизала! — ни одного вопроса, связанного с изображением лидирующих характеров в произведениях современной отечественной прозы. Не нашлось там места и «шестидесятнику» Шолохову. А

между тем, ведь и «Деревенская проза» до недавнего времени прочитывалась в лучших традициях революционно — демократической критики 19-го столетия, которая, не умаляя художественных достоинств произведений, уходила далеко вперёд по сравнению с авторскими декларациями: живописуя о кошмарных неурядицах на селе и жутком произволе временщиков новой формации, коллективный автор нашего многотомного собрания сочинений заставлял тем самым читателя усомниться, что выход лишь в праведном смирении и непротивлении.

«Шестидесятник» Шолохов не утратил чувства исторической перспективы. Его творчество — одно из вершинных достижений литературы социалистического реализма.

В обстановке завершенно поляризованного общественного сознания, когда «лакировщикам» были ловко противопоставлены «очернители», а журналу «Октябрь» — «Новый мир», писатель изображал действительность не только правдиво, но и в развитии. И в какую бы дичь и глушь ни занесло бы теперь русскую постсоветскую литературу, мы всегда будем помнить о той высоте, с которой она так неблагоприятно начала скатываться в тех же 60-х.

К чести нашей литературы, следует сегодня вспомнить, что Шолохов не был одинок в противостоянии кипучей деятельности тогдашних шоу — мейкеров.

Например, С. Я. Маршак, наблюдая, как последние с улюлюканьем гонятся за «диссидентами», сетовал, что мы «скармливаем буржуазным акулам то Пастернака, то Евтушенко». А главный редактор «Нового мира» А. Твардовский, защищая «деревенскую прозу», объяснял, что, критикуя негативные явления, эти писатели помогают Советской власти.

Самому же Шолохову пришлось отбиваться от назойливых нападок по поводу концовки «Поднятой целины»: как он посмел своей трагической развязкой так некстати заострить внимание читателя на бескомпромиссной классовой борьбе?

«Ходи в дверь!» — отвечал писатель, оставляя свою позицию и своё право на свободу творчества. Нечего ломиться в окно, когда на то есть дверь; нечего указывать художнику, беспардонно вламываясь в его произведение, как он должен его строить, чтобы не было злополучного перекоса, и каким образом его завершать.

Как нет литературы без своего читателя, перефразируем в заключение авторов «Современной русской советской литературы», так нет и читателя без своей литературы.

Воспользуемся минувшими и грядущими юбилеями произведений «шестидесятников» и вступим в гостеприимно распахнутую ими дверь — в мир того светлого прошлого, в отблесках которого мы прозреваем грядущее торжество идеалов любви и справедливости.

Деду Ване

Моему деду Ивану Никулину —
участнику Великой
Отечественной войны.

Как все, с котомкой за плечами,
От сельсовета шёл в строю.
Победа будет, брат, за нами,
Мы отстоим страну свою!

Он был подносчиком снарядов,
Артиллерист, простой солдат.
Как вдруг рвануло что-то рядом...
Нет ни винтовки, ни гранат.

Чем должен был он застрелиться,
Чтоб не попасть в немецкий плен?
Но государственные лица
Заменяют «каторгой» расстрел.

Сибирский уголь вагонеткой
Катай, Иван, родной стране,
Чтоб ели хлеб родные детки,
Ты был в плену, не на войне.

К тридцатилетию Победы,
Я помню, Дом культуры полный.
Стоят на сцене пионеры.
Аплодисментов катят волны.

...Он пил стаканом самогонку
И плакал,
слёзы не скрывая:
Пусть хоть вот так,
Ну, хоть ведогонку,
Его нашла награда Мая.

Ведь всё-же Родина признала,
Что бились за неё сыны...
На пиджаке его сияла
Медаль участника войны.

Чёрное море

У пальчиков ног твоих плещется
Чёрное море,
На пляже горячий песок обжигает ступни.
Хоть белый, как чайка, умчит
самолёт тебя вскоре,
Ты будешь весь год вспоминать
эти сладкие дни.

Ах, это море, Чёрное море, сине-зеленое!
Ах, это море, ах, эти пляжи, камни, песок!
Ах, это море, ах, эти волны, брызги солёные!
Ах, эти чайки,
ах, эти пальмы
и ананасовый сок!

На пляже из плоских камней
пирамиду построил
И людям оставил на память,
хоть я не Рамзес,
Всю зиму я буду листать
фотографии с моря
И даже пойму, что был счастлива
я именно здесь.

Юрий ГАМОВ

Ах, это море, Чёрное море, сине-зеленое!
Ах, это море, ах, эти пляжи, камни, песок!
Ах, это море, ах, эти волны, брызги солёные!
Ах, эти чайки,
ах, эти пальмы,
и ананасовый сок!

Палящее солнце
полуденным зноем разморит,
Прохладой нежно морская волна освежит,
Пу, как не любить тебя, самое черное море,
В тебя окунувшись,
по-новому хочется жить.

Ах, это море, Чёрное море, сине-зеленое!
Ах, это море, ах, эти пляжи, камни, песок!
Ах, это море, ах, эти волны, брызги солёные!
Ах, эти чайки,
ах, эти пальмы,
и ананасовый сок!

Полярный

Ночь полярная, город Полярный.
Заметает дорожки метель.
И не скоро зарёю багряной
Нас порадует солнечный день.

Ветер воет, как дикая кошка,
Одиноким качает фонарь.
Пишешь ты на замёрзшем окошке
Этой северной жизни букварь.

Уходя в глубину океана,
Знаю я, что вернёмся домой.
Мы обнимем свой город Полярный,
Мы хранимы Полярной звездой.

И хоть нет ничего постоянного,
Нам по жизни с пути не свернуть.
Тёплый свет этих окон полярных
Как маяк освещает нам путь.

Старый трамвай

Старый, добрый трамвай
вдоль осеннего парка
Ярким, солнечным днём
разгоняет листву.
И весёлым звонок
засыпает за парты,
Нас вернуть в счастливое
детства страну.

Мы за парты усядемся,
как первоклашки,
На петельках столешницы
край приподняв.
Запах краски,
чернилницы-непроливашки
Память в школу вернёт,
календарь пролистав.

Мы придём к тебе, школа,
вернёмся однажды.
Мы отыщем свой класс и доску на стене.
Но про наших детей
нам учитель расскажет.
День вчерашний останется только во сне.

Словно добрый волшебник
свой зонтик раскроет,
От осеннего дождика нас заслонив.
Возвращаться по жизни,
конечно же, стоит,
Чтоб вернуть то, что в детстве
однажды забыл.

И хоть трудно порой, и сурово, и строго,
Пусть сентябрь будет солнечным
так же, как май.
Если ты не забыл в своё детство дорогу,
Сядь однажды в свой старый
и добрый трамвай.

Надежда ЧИМБАРОВА

Родилась 15 мая 1944 года в д. Белово. Детство провела в д. Ивановка у бабушки. Вот там-то и началась моя бесконечная любовь к деревне — ее незамысловатому укладу, теплым грозным дождям, причудливым облакам, отражающимся в огромных лужах, мягкой траве-мураве, тихим закатам над озером, песне жаворонка в чистом небе и золотому пшеничному покрывалу хлебных полей. Тогда еще природа не была искалечена деятельностью угледобывающих предприятий. Прямо за околицей мы собирали ведрами клубнику, за фермой было полно шампиньонов, в Калиновке над рекой Ур было полно калины, по осени ее ярко-красные гроздья были в каждой летней

кухне или в сарае под стрехой. Ромашки, васильки, иван-чай, стародубка, зверобой устилали густым ковром Табашный Лог, эти травы были лекарями от многих болезней. Девства вместе со взрослыми в летнюю пору работала на заготовке сена, мы чистили ток, помогали по хозяйству, носили воду из колодца. А по вечерам, как только зажгутся в небе первые звезды, молодежь собиралась на завалинке и под гармонь и балалайку отплясывала «Камаринскую», «Барыню», «Подгорную», пела острые частушки или протяжные русские песни: «А ночка темна», «В небе месяц золотой», «Степь да степь кругом».

Вот оттуда, из моего далекго детства я до сих пор чувствую дыхание моей родной деревни, до боли люблю неторопливый деревенский говорок с шутками и прибаутками или острым словцом, люблю людей, преданных земле, людей добрых и мудрых.

Я благодарна судьбе за то, что моя работа связала меня накрепко с Беловским районом. Я десять лет работала директором Ивановского дома культуры, 22 года заведовала отделом культуры администрации Беловского района, и вот уже более одиннадцати лет работаю руководителем методического отдела культуры. Я — заслуженный работник культуры Российской Федерации, награждена медалью «За служению Кузбассу». Воспитала двоих сыновей, у меня замечательные внук и внучка. Пишу стихи под настроение, они получаются как бы сами по себе. Радуюсь, что некоторые из них люди читают с удовольствием.

Храню в душе любовь к деревне

Беловский район

Закат вечерний золотит поляны
И тонет небо в омуте бездонном,
А по утрам белесые туманы
Падут в траву росой с тихим звоном.

Люблю бродить в тиши твоих полей,
Спешу всегда к отцовскому порогу.
И ничего на свете нет родней
Моей земли, дарованной мне Богом.

Здесь колосятся тучные хлеба.
В земле угля несметные запасы.
Район Беловский — ты моя судьба,
Ты сердце легендарного Кузбасса.

И я горжусь героями твоими,
Что защищали Родину в боях,
Чьи имена хранятся, как святыни,
На скромных обелисках в деревнях.

Горняцкий труд крестьянскому сродни —
Одни из недр уголь добывают,
Другие — хлеб растят. Но все они
Тебя трудом ударным прославляют.

И люди — твоё главное богатство
Их имена в историю войдут.
Так пусть же будет вечно продолжаться
Детьми твоими твой великий труд!

Пропитан воздух запахом полыни,
В траве наметились слезинки рос.
Родник — Дунай от забвения синий
В берегах словно спрятался, зарос.

За дальний лес неспешно сходит солнце,

Закатным светом чуть мерцает пруд.
Две женщины у старого колодца
О чем-то важном разговор ведут.

Тянет зима мне в окошко
Полные пригоршни снега.
Млеет луна рыжей кошкой
На подоконнике неба.

Стынут в распадах деревья,
В поле стога, будто свечи.
Лают собаки в деревне,
Топятся русские печи.

Деревенка, взгорки, перелески
Отчий дом на берегу реки.
На окне цветные занавески,
В пол-литровой банке огоньки.

В огородах зацвела картошка.
Плещет кроной тополь на краю.
Я болею. Мамина ладошка
Нежно гладит голову мою.

И храню я в памяти дочерней
Полный света материнский взгляд.
И горит звезда порой вечерней
Надо мной, как много лет назад.

Я возвращаюсь в прошлое упрямо.
Оно меня волнует и тревожит.
Там, в прошлом, моя ласковая мама
Желток яичный индюшатам крошит.

Там, в прошлом, моя бабушка Анисья

С картошкой шаньги вкусные печет
И ароматный хлеб в капустных листьях
Из русской печки ловко достает.

Там, в прошлом, молодежные вечерки
Под балалайку или под гармонь,
Там солнышко встает из-за пригорка,
И машет гривой в чистом поле конь.

Там, в прошлом, мое солнечное детство.
В тени берез тоскует отчий дом,
И беспокойно бьется мое сердце,
Когда я вспоминаю о былом.

Снова снится ночами деревня,
Где в туманах ромашек поля,
И в зеленое небо деревьев
Дышит звоном и зноет земля.

Там бежит вдоль таежной опушки
Речка детства в крутых берегах
И стоит на пригорке церквушка,
И ковыль серебрится в лугах.

В отчий дом я летела, как птица,
Из шальной городской суеты,
Чтобы воздухом вдоволь напиться,
Как святой родниковой воды.

Там бежит вдоль таежной опушки
Речка в желтых крутых берегах,
И стоит на пригорке церквушка
На семи беспокойных ветрах.

Птичье пенье рассветного лета
Вновь помянет бежать босиком...
Навсегда, до скончания света
Милый край будет в сердце моем!

Там бежит вдоль таежной опушки
Речка-память в крутых берегах,
И стоит на пригорке церквушка
В золоченых своих куполах.

Отчий дом — за окошком березы,
Палисад, утонувший в цветах.
Им несую покаянные слезы
На своих просветленных глазах.

Деревенка прислонилась к лесу
Сирых изб бревенчатой щечкой.
Будоражит душу птаха — песня,
Что поет гармошка за рекой.

Край таежный! Сполохи в полнеба,
Облака плывут за окоем,
Пахнет в доме испеченным хлебом
И парным вечерним молоком.

И небо, и ветер полярный
Запомнила я с ранних лет:
Над полем полет журавлиный,
Над озером алым рассвет.

В лощинах густые туманы
Легли на траву-изумруд,
Мальчишки у древних курганов
Коней табуны стерегут.

Плывут облака в небе синем.
Волнуют ветра ковыли.
И все это — образ России
В пространствах родимой земли.

Запуталось солнце в ресницах,
Слегка их концы опалило.
Лучами, как будто зарница,
Пространство вокруг осветило.
Июльское знойное лето,
Криницы под сенью берез,
Бредут по тропинкам рассветы
В сверканье серебряных рос.

Родная деревня,
Луга в васильках.
Обычаев древних

Славянский размах.
На Пасху — гулянье,
На Троицу — травы.
Вдоль речки костры
На Ивана-Купалу.
Деревня, деревня,
Малиновый звон,
В тебя я всем сердцем
Навеки влюблен.

Здесь к горизонту клонятся закаты,
Румянятся малиновый рассвет.
Как красны девки нарядились хаты.
Моей деревне 80 лет.
Она с землянок начиналась когда-то.
Здесь почитаем был крестьянский труд.
А как здесь пели вечером девчата!
... Жаль — нынче этих песен не поют.

Пахнет парным молоком
И деревенским хлебом,
Вспаханном целиком
И грозным небом.

Ветер листву шевелит,
Гонит волну речную.
Сердце мое болит —
Я по деревне тоскую.

Юность моя бредет
Тропками воспоминаний —
Бабушка у ворот
Маму с отцом встречает...

А за селом ковыли,
Жаром закат пылает.
Клином летят журавли.
Медленно осень ступает.

С полей доносит ветер запах хлеба,
И пахнут мятой травы на лугах.
Луч солнца озорной гуляет в небе.
Горчит польню лето на губах.
А за селом невестятся березки.
Зеленый луг ромашками расшит.
И в небе чертит самолет полоску,
Да по оврагу ручеек бежит.

Лоскут синего неба.
Ковш студеной воды.
Запах свежего хлеба.
Звон осенней страды.
В небе грома осколки.
След дождя на траве.
В поле плач перепелки
На вечерней заре.
Под тенистой березой
Стол к обеду накрыт.
Деревенская проза.
Незатейливый быт.

Пропитаны снегами облака.
На землю падает снежинок стая.
И вот пришла красавица — зима,
Что мне она несет — пока не знаю.
Встает утрами мутная зоря,
Окрашивает в серый цвет туманы.
И легкая поземка декабря
Переплывает медленно в бураны.
Зима — зима, красавица зима!
Рябиновый пожар в саду пылает.
В морозной дымке прячутся дома.
Твои следы пороша заматает.

Подпоясан жгутами тумана
Белоствольный березовый лес.
Убаюкан сибирским бураном
Над церквушкой сияющий крест.
Млечный путь рассыпает по небу
Мириады мерцающих звезд,
И махровые шапки из снега
Добрались до верхушек берез.
За окошком метель завывает.
Ветер душу мою холодит.
Одиноко мне. Я остываю...
А с небес молча месяц глядит.

Герой и сын героя

Отец

Мальчик воспитывался в детском доме, родителей своих не помнил. Маленьким его усыновили супруги Головащенко — Куприян Арсеньевич и Евдокия Григорьевна. С того времени он стал Сергеем Куприяновичем Головащенко, дата рождения 27 марта 1923 года.

Сережа был единственным ребенком у родителей, с детства они приучали его к труду. Время было суровое — тридцатые

годы прошлого столетия. Он учился в школе, а после 7 класса пошел работать, как и отец, на цинковый завод в Белове. Трудился честно, активно участвовал во всех делах, был на виду.

Молодого, еще не женатого 17-летнего комсомольца руководство завода в страдную пору направило работать трактористом в деревню — на заводское подсобное хозяйство. Парень и сам не заметил, как привык крестьянствовать: пахал землю, сеял, убирал хлеб, косил литовской травой. В деревне девушку встретил, черноволосяную Надежду, женился. Стали обживать, но началась война.

У Сергея была бронь от завода — ведь надо же было кому-то и хлеб выращивать. Но он не мог смириться с таким сво-

им положением. Ровесники его уже воевали. Пришел в военкомат и сказал, что на фронте он нужнее. В год начала войны его и призвали в армию.

Воевал рядовым, был ранен. После выздоровления и короткого отпуска домой осенью 1942 года — снова на фронт. Комсорг роты Сергей Головащенко не раз отличался в боях. Отважному бойцу сообщили из дома, что 10 февраля 1943 года у него родился сын, назвали Анатолием. А 18 июля того же года пулеметчик 1830-го стрелкового полка 356-й дивизии 61-й армии Центрального фронта Сергей Головащенко на реке Машок в районе деревни Махнево Орловской области ползком подобрался к пулеметной точке противника, мешавшей продвижению наших войск, и забросал ее гранатами.

28 сентября 1943 года с группой солдат на лодке он форсировал Днепр у села Новоселки Черниговской области. Мिनотетным огнем противника лодка была разбита. Бойцы вплавь добрались до берега и захватили плацдарм, отразив контратаку немцев. В ночь с 4-го на 5 октября 1943 года Сергей Головащенко повел в атаку пятерых солдат. Отважные бойцы ворвались в деревню, занятую гитлеровцами, и вступили с ними в единоборство. В этом бою Сергей Куприянович погиб. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Семье сообщили, что 15 января 1944 года Герой Советского Союза Сергей Куприянович Головащенко похоронен в деревне Пирки Брагинского района Гомельской области.

Сын вышел в жизнь с отцовского порога.

Отец погиб, защищая родную землю, чтобы сын его жил и работал на этой земле. Анатолий Сергеевич Головащенко уже трижды пережил возраст своего 20-летнего отца. Вся его сознательная жизнь прошла в селе Новобачаты Беловского района Кемеровской области, куда после войны переехали с подсобного хозяйства цинкового завода его мать и дед с бабушкой. Он рос с отчимом, но сколько себя помнит, память об отце-герое была

с ним постоянно.

Имя Героя Советского Союза Сергея Куприяновича Головащенко носила пионерская дружина школы, в которой он учился. За приз имени его отца соревновались хлеборобы района в профессиональном мастерстве, и Анатолий стал победителем этого соревнования. Ему всегда надо было «соответствовать», «не уронить чести», «не посрамить имени». И он старался. Груз людской памяти о героическом отце не угнетал сына, потому что ему нравилось быть активным, ответственным, честным, добросовестным. Он рос раскованным и жил так, как ему нравилось.

После 7 класса Анатолий окончил училище механизации сельского хозяйства и получил профессию механизатора широкого профиля. Был направлен на целину, пахал землю и убирал хлеб в Кулундинской степи. Потом служил в армии. После демобилизации вернулся в родное село и стал работать в колхозе имени Ильича Беловского района.

С детства без специальной подготовки он освоил музыкальные инструменты — гармошку и баян. С ними не расстаётся на протяжении всей жизни. В комсомольском возрасте был комсоргом колхоза, организовывал молодежь на ударную работу, проведение субботников, мероприятий развлекательного характера. Был заводилой на молодежных вечерах и танцах: играл, аккомпанировал, пел, танцевал. Казалось, не было такой песни, которой он не знал бы слов и не мог бы подыграть мелодию.

Таким же активным Анатолий Сергеевич остается и по сей день, в пенсионном возрасте. Много лет он возглавлял работу Совета ветеранов села Новобачаты. Личным примером настраивает людей старшего поколения на активную жизненную позицию, здоровый образ жизни. В образцовом порядке с супругой Зинаидой Васильевной содержат дом, подворье, личное хозяйство. А на ветеранских посиделках Анатолий Сергеевич Головащенко, как и прежде — заводила и весельчак, играет, поет, танцует и организует.

Заслуженным авторитетом и уважением Анатолий Сергеевич всегда пользовался и в трудовом коллективе. Более сорока лет проработал он в колхозе имени Ильича. Весь световой день трудился механизатор в поле в страдную пору. Не считаясь со временем и погодными условиями, ответственно и добросовестно выполнял он свою работу, добивался высоких производственных показателей. Любовь к земле и профессии, высокая работоспособность хлебороба отмечены знаками «За трудовую доблесть». Несоднократно он становился победителем соревнования «Чемпион по профессии». Свои знания и опыт всегда бескорыстно передавал молодым.

Есть у Анатолий Головащенко тайное увлечение, которое он не афиширует: жизненные впечатления, преломляясь в его душе, ложатся на бумагу стихотворными строчками. Он не воображает себя поэтом, говорит, что его «вирши» далеки от совершенства. Но в минуты затишья (а он любит такие мгновения), когда остается наедине с собой, вдруг польется из души мелодия сердца, а в ней — вся жизнь, любовь и мудрость хлебороба.

Зоя ГУЛИШЕВСКАЯ.

Анатолий ГОЛОВАЩЕНКО

На своей земле хозяин

Село моё

Село мое сибирское — большое
У выхода ущелья, между гор,
Стоит давно, до боли мне родное,
Поблескивая окнами в простор.

Кто первый своим хутором здесь встал,
Клочок земли кто первый запахал?
Деревню эту Каменкой назвали,
Возможно из-за гор, где камень добывали.

Журчала речка Зеленчиха много лет.
Увы, теперь той речки уже нет.

Матери.

Ты просыпалась до рассвета,
Топила печь, пекла для нас хлеба,
Стирала, штопала — была б семья одета,
И сокрушалась, что не белена изба.

Крестьянский труд узнала рано,
Серпом умела жать, литовкою косить.
Квасок в горшке брала с собою постоянно,
Чтоб в поле жажду утолить.

Отчиму

Контуженный, стонал в коротком сне.
Неясно было: спит он или не спит.
И грезилась ему земля в огне
Да хлеб, что на корню необранный стоит.

Работал в поле до седьмого пота,
Ел черный хлеб со жмыхом пополам.
Намаявшись, уставший от работы,
Как пулей скошенный, он падал на кровать.

А в голове всегда одна забота:
Пораньше встать бы, нету время спать...

За отца — героя

За отца-героя сын живет на свете,
Трудится на славу, им гордится мать.
За дела свои, поступки он в ответе.
Как отец, за землю жизнь готов отдать.

Безоблачное детство и седая старость —
Всем, что окружает, умеет дорожить.
Дорогой ценою это все досталось.
За отца-героя обстоянно надо жить.

Юность

Рогатый месяц замер, как солдат,
И темнота в полнеба на востоке.
В такую пору девушки не спят,
Весенней ночью они не одиноки.
Одной по нраву парень — чуб волной,
Другой — чтоб коренаст был и плечист.
А третьей по душе — хозяин, деловой,
Четвертой по сердцу веселый гармонист.

Весна

Весна пришла, ручьи сбегали с гор,
Трава зазеленела на пригорках.
Коров хозяйки гонят на простор,
Навозом терпко пахнет на задворках.
В полях мираж — парит земля весной.
Кружат ветра, столб пыли поднимают.
Качают корни соки из земли,
Их к почкам по стволам и веткам направляя.

Сев каждому в охоту

Сошли снега, земля в тепло оделась,
Пришла весенняя шумливая пора.
Грачи на поле, колготаясь, расселись,
И сеять в поле вышли трактора.
Все пробуждается: леса, поля и горы,
Волнами теплый воздух по ногам.
Грачи кричат — у них свои разборки,
Всплывают снова к милым берегам.

Пшеничку придержи — земля еще не та.
И за старанья хлебороба и заботу
Воздаст сторицей щедрая земля.

Поля, вам нет конца и края

Поля, леса, березовая роща,
Вы мне сродни, и я вам, как родной.
Я вами жил, мне с вами было проще,
Когда к вам выходил вечернею порой.

Поля ветрами теплыми ласкали,
Леса мне запахи несли — не продохнуть.
Березы ветки до земли мне опускали,
Я их ласкал, в тени мог отдохнуть.

Поля, поля, вам нет конца и края...
Вдруг легкий ветерок в березах прошумит.
Поля мои, я вас не забываю,
Любуюсь вами, аж в душе щемит.

Я на своей земле хозяин

Я на своей земле при деле,
Слезой и потом я ее полил.
Взошли хлеба, зазеленели —
Мне эта радость прибавляет сил.

И пусть порой не сладко мне живется,
Я не смотрю из-под нахмуренных бровей.
Живу, тружусь — все хлебом обернется.

ООО «Колхоз имени Ильича»

В настоящее время ООО «Колхоз имени Ильича» Беловского района - крупнейший производитель сельскохозяйственной продукции: зерна, картофеля, овощей закрытого и открытого грунта, молока и мяса крупного рогатого скота и птицы. Общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет 12347 гектаров. Численность работников 320 человек. поголовье скота насчитывает 1590 голов. Производственный потенциал огромен. В 2009 году получено 13904 тонн зерна, 10956 тонн картофеля, 8079 тонн овощей открытого грунта и 132 тонны закрытого грунта, 2247 тонн молока, 136 тонн мяса.

Колхоз имени Ильича основан 25 апреля 1924 года. Посевная площадь составляла 105 десятин.

Надежность и прочность в работе хозяйства во многом определяется его руководством. В 1997 году Виктор Петрович Лобанов принял хозяйство, которое находилось на грани развала.

* за высокий профессионализм, личный вклад в социально-экономическое развитие Кузбасса и в связи с 60-летием Кемеровской области;

* дипломом Международного фонда развития «Евразия» в номинации «Лидер экономического роста»;

* дипломом Международной Акаде-

скота и птицы.

Овощные культуры достаточно трудоемкие, требуют внимания, тщательного ухода, но при умелой работе с ними дают высокую отдачу.

Хозяйство берет в аренду 1190 гекта-

рует более 10 наименований: огурец, томаты, редис, зеленные, розы, лимоны, рассада капусты и других культур. И здесь тоже внедрили новейшие разработки науки и техники — систему капельного полива.

Виктор Петрович ЛОБАНОВ.

Виктор Петрович Лобанов — настоящий хозяин с новыми экономическими взглядами на жизнь, владеющий новыми технологиями работы. Это человек, чувствующий свою ответственность за конечный результат, за тех людей, с которыми плечом к плечу делает общее дело.

Виктор Петрович сумел объединить вокруг себя прекрасных специалистов, механизаторов и животноводов, знающих и любящих свое дело, и убедить их, что они все вместе в силах решить самые сложные задачи.

Повышение эффективности хозяйствования во многом зависит от обоснованности, своевременности и целесообразности принимаемых управленческих решений.

Экономика хозяйства формируется на основе разработанной стратегии инновационного развития.

За период работы с 1997 по 2009 годы правление колхоза имени Ильича и его председатель награждены почетными грамотами Министерства сельского хозяйства РФ и Администрации Кемеровской области:

* - за многолетний добросовестный труд в системе агропромышленного комплекса;

* за достойный вклад в социально-экономическое развитие Кузбасса;

* за высокие показатели по заготовке кормов и уборке урожая 2003 г.;

* за многолетний добросовестный труд и в связи с 80-летием со дня образования колхоза имени Ильича;

В теплице.

мии Управления в номинации «Региональный лидер сельскохозяйственной деятельности».

Виктор Петрович Лобанов награжден медалями «За служение Кузбассу», «За веру и добро», его имя внесено в энциклопедию «Лучшие люди России».

Им было выбрано правильное направление развития хозяйства, упор сделан на рентабельность отрасли. В настоящее время хозяйство многоотраслевое, специализируется на производстве картофеля, овощей открытого и закрытого грунта, зерна, молока, мяса крупного рогатого

В чистоте, да в холе.

Осенняя обработка полей.

Размером почти с ладонь!

Вот такой вот урожай!

ров бросовых земель села Евтино, 2391 гектар Прокопьевского района и увеличивает посевные площади.

За крайне малый срок было проведено полное техническое перевооружение и определена стратегия — внедрение новейших энергосберегающих технологий.

В 2003 году хозяйство приобрело теплично-парниковое хозяйство площадью около 3 гектаров. Ассортимент производимой продукции разнообразен и состав-

И одновременно занялись севом овощей открытого грунта импортной техникой точного высева фирмы «Фата».

Постоянно идет обновление техники и новых технологий. Хозяйство закупило технологию финской фирмы «Ляннен Техтаат» по выращиванию посадочного материала овощных культур кассетным способом, что рационализирует процесс выращивания рассады капусты — самую дорогую стадию возделывания. С одной

пленочной теплицы получается посадочного материала на 15-16 гектаров. Увеличили посевные площади, построили оросительную сеть площадью 250 гектаров.

Хозяйство использует высокоурожайные сорта и гибриды овощных, зерновых культур и картофеля, технику

ка доильных аппаратов. Доильное оборудование позволило повысить качество молока – процент жира повысился с 3,57 % до 4,0 %. Все это сказалось в дальнейшем на повышении продуктивности и повышении качества молока. Продук-

Вольная воля для гордой птицы.

лучших европейских фирм-производителей. Приобрели 2 посевных комплекса «Конкорд» (8 и 12 метров шириной захвата), производительность которых составляет за сутки, соответственно, 170 и 250 гектаров.

Производственный потенциал колхоза состоит из технического потенциала, трудового, природного и управленческого.

Основой технического потенциала является активная часть основного капитала производственного назначения. Хозяйство приобрело 2 трактора МТЗ-82, два КАМАЗа с прицепом грузоподъемностью по 16 тонн, посевной комплекс «Кузбасс».

Построено современное хранилище плодоовощной продукции и картофеля с системой климат-контроль. Хранилище состоит из 4-х холодильных камер для хранения овощей, помещается в каждой по 700 тонн.

Оборудование холодильной установки поддерживает оптимальный уровень влажности и температуры, что позволяет на длительный срок сохранить овощи, не теряя вкусовых качеств.

Вся поставляемая овощная продукция фасуется на уникальном оборудовании (автоматической весовой машине), предназначенном для мойки овощей, картофеля, калибровки его, шлифовки, сушки, производительностью до 10 тонн в час, диапазон взвешивания от 1 до 30 килограммов.

Предприятие имеет грузоперевозящие экономически выгодные машины, грузоподъемностью до 40 тонн, фургоны, рефрижераторы; осуществляет поставку продукции по области и за ее пределы. При том, что наши услуги закладываются в стоимость доставки, наши цены вполне сопоставимы с ценами на местных рынках городов и территорий по всей области.

Предприятие быстро развивается и является лидером в картофелеводстве – занимает 30-е место в рейтинге 100 лучших хозяйств России. За 3 года развития овощеводства мы также вошли в рейтинг наиболее крупных и эффективных предприятий по производству овощей открытого грунта в России за 2007-2009 годы и заняли 34 место в рейтинге 100 лучших хозяйств Российской Федерации.

Модернизировали животноводческий комплекс, установили линейную доильную установку французского производства с замкнутым циклом производства. Предусмотрена автоматическая мойка и промыв-

Лимоны свои не хуже марокканских.

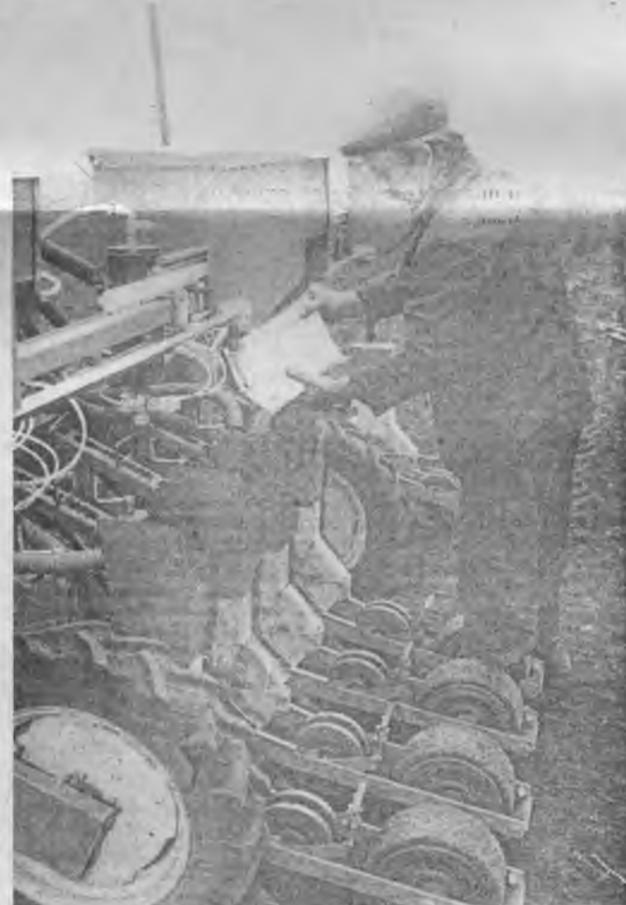
тивность дойного стада составляет свыше 5000 кг. молока на фуражную корову.

И еще много простых и гениальных планов у беспокойного руководителя Виктора Петровича Лобанова и его работоспособной команды. В 2005 году расширили ассортимент производимой продукции и занялись новой отраслью – птицеводством.

Реконструировали животноводческое помещение под птичник, приобрели инкубатор, создали новые рабочие места. Реализуем суточный молодняк и взрослую птицу. Осваиваем технологию выращивания гусей. Мясо птицы соответствует мировым стандартам – вкусная, экологически чистая продукция, без применения биостимуляторов.

В хозяйстве ведется целенаправленная работа по увеличению объемов производства.

Для работы в непростых условиях развития сельского хозяйства, повышения рентабельности, внедрения новых агротехнологий требуется современная техника, способная выполнять различные виды работ.

Засыпка семян в посевной агрегат.

Приобрели 3 дождевальные машины итальянского производства, 2 трактора МТЗ-82, произвели реконструкцию старых пустующих ферм под овощехранилище.

По объемам продаж колхоз занимает одно из первых мест в районе. Продукция круглый год свежая. Высокое качество продукции и разнообразие ассортимента определяет широкий круг заказчиков – это крупнейшие комбинаты питания городов Кемерово, Новокузнецка, воинские части города Новосибирска, кроме того, продукция поступает в розничную сеть Красноярского края и Томской области.

Колхоз имени Ильича под руководством Виктора Петровича Лобанова быстро развивается и является лидером по многим отраслям сельскохозяйственного производства.

Татьяна СЕМИНА,
главный экономист
ООО «Колхоз имени Ильича»
района Кемеровской области.

Всё, что есть у нас дорогого - это люди

Нашей истории славные строки...

1924 год.

Апрель.

Три хозяйства бедняков в Новобачатах объединились в сельхозартель, назвав ее именем Ильича.

Посевная площадь составляла 105 десятин. Было две лошади, две коровы, пять овец, один плуг.

1931 год.

Образован промколхоз из 30 семей.

1937 год.

Промколхоз переименован в сельхозартель имени Ильича.

1940 год.

Членам сельхозартели впервые выдано на трудодни 30 тысяч рублей. Хозяйство выходит в число передовых и самых богатых в районе.

1950 год.

К колхозу имени Ильича присоединяются колхозы «Телеут», «Канаш», «Новый Рост».

1980 год.

Общая площадь сельхозугодий — 11611 гектаров, крупного рогатого скота 2900 голов, 18 тысяч голов птицы, урожайность зерновых культур — 26 центнеров с гектара, годовой надой молока от коровы — 2980 килограммов.

В этом году колхоз построил в поселке три магазина, Дом культуры, столовую.

1985-1986 годы.

В колхозе появляются новые здания школы-десятилетки, просторного и светлого детского сада с бассейном, отстраиваются целые улицы нового жилья.

1986-1997 годы.

Пережит полный набор преобразований и потрясений, связанных с аграрной реформой, приватизацией имущества, с разделом его на паи, разделом земли на доли; создание ТОО и заново реорганизация в колхоз.

Из колхоза выделились более тридцати фермерских хозяйств и сельхозартель «Светлана».

Площадь сельхозугодий к 1996 году сократилась почти на половину, надой молока от коровы не превышал двух тысяч килограммов, получено убытков в тот год на четыреста сорок три тысячи рублей.

Хозяйство стояло на грани полной ликвидации.

Но этого не произошло.

1997-2003 годы.

Руководство полуразрушенным хозяйством взял на себя Виктор Петрович Лобанов, человек с новыми экономическими знаниями.

Повышение эффективности хозяйствования во многом зависит от обоснованности, своевременности и целесообразности принимаемых управленческих решений.

Продуктивность дойного стада выросла до 4286 килограммов молока от коровы, собран прекрасный урожай зерновых, овощных культур и картофеля, рентабельность производства по колхозу имени Ильича составляла 82,4 процента, получено прибыли в пределах 10 млн. рублей.

Фронттовики, наденьте ордена!

Павел Николаевич КАШКО

родился 18 февраля 1926 года. В ноябре 1943 года 17-летним юношей был призван в армию. До апреля 1944 года обучался в артиллерийском училище Красноярск, затем направлен на Второй Прибалтийский фронт, воевал наводчиком противотанкового орудия. 10 августа 1944 года в бою под Ригой его ранило, была контузия. До марта 1945 года лечился в госпитале. Ратные подвиги П.Н. Кашко отмечены двумя орденами «Красной Звезды», орденом «Славы 3 степени», медалью «За победу над Германией» и другими.

После войны он вернулся в родное село Новобачаты Беловского района, работал в колхозе имени Ильича управляющим комплексной бригадой, заместителем председателя колхоза по производству. За многолетний добросовестный труд в колхозе он награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель», орденами Ленина и Трудового Красного знамени, а также другими наградами.

С супругой Анной Александровной в 2008 году они отметили 60-летний юбилей совместной жизни. На их бриллиантовой свадьбе присутствовали 8 детей с мужьями и женами, 17 внуков со своими половинками и 14 правнуков.

На снимке: Павел Николаевич Кашко и его супруга Анна Александровна.

Николай Егорович ЕЛАГИН

родился 19 сентября 1924 года. В конце 1942 года 19-летним парнем был призван в армию. После обучения попал в 375-й стрелковый полк 208-й дивизии в пятую воздушно-десантную бригаду, что входила в состав Третьей ударной армии. Был ранен, полгода пролежал в госпитале, демобилизовался по инвалидности. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «40 лет Победы», «70 лет Вооруженным силам СССР» и другими.

45 лет проработал в колхозе имени Ильича Беловского района столяром, плотником. Одиннадцать лет прошло, как похоронил супругу, с которой вырастили четверых детей.

Сейчас у Николая Егоровича Елагина 5 внуков и 5 правнуков. Ветеран-фронтвик окружен заботой и вниманием родных.

На снимке: Николай Егорович Елагин.